

Ю. ЖУКОВ. Р. ИЗМАЙЛОВА

НАЧАЛО ГОРОДА

ТИПОГРАФИЯ № 1

краевого управления издательств,
полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

КОНТРОЛЕР № 2

При обнаружении
недостатков в книге
просим возвратить книгу
вместе с этим ярлыком для обмена

БАЙКАЛО-АМУРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

«МУЖЕСТВО»,

ВЫПУСКАЕМАЯ ХАБАРОВСКИМ КНИЖНЫМ
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ ПО РЕШЕНИЮ КОЛЛЕГИИ
ГОСКОМИЗДАТА РСФСР,

ПОСВЯЩАЕТСЯ

СТРОИТЕЛЯМ БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ
МАГИСТРАЛИ

Ю. ЖУКОВ, Р. ИЗМАЙЛОВА

НАЧАЛО ГОРОДА

Страницы
из хроники 30-х годов

Хабаровское
книжное
издательство
1977

P2
Ж 85

Ответственный редактор библиотеки «Мужество»
первый секретарь правления
Союза писателей СССР,
Герой Социалистического Труда
Г. М. МАРКОВ

Члены редколлегии

Н. К. КИРЮХИН
В. И. КЛИПЕЛЬ
Н. Д. НАВОЛОЧКИН
Н. М. РОГАЛЬ
В. П. СЫСОВ

Ж 70302-30
М160(03)-77

© Хабаровское книжное издательство. 1977

МОЛОДОМУ СТРОИТЕЛЮ БАМа

Тебе, юный друг, идущему сквозь дебри тайги по следам первопроходцев, которые пробивались к далекому океану сорок лет тому назад, адресуем мы эту книгу, составленную из записей, сделанных нами в ту пору. Были мы тогда молодыми журналистами — такими же молодыми, как ты сейчас, — и выпало нам счастье своими глазами увидеть начало этой великой стройки, история которой была сложной, долгой и поистине драматичной.

Ты знаешь, наверное, что до начала Отечественной войны твои отцы и деды успели проложить лишь первые отрезки Великого Железного Пути, который довелось тебе сооружать сейчас. Но был среди этих первых отрезков один особо важный — это дорога от Волочаевки до Комсомольска — ведь к тому времени, когда грянула война, город Комсомольск, первый камень которого был заложен лишь летом 1932 года, уже был действительно городом, и там сооружались корабли, плавилась амурская сталь.

Двое суток понадобилось нам тогда, чтобы добраться от Хабаровска до Комсомольска — двое суток требовалось поезду, чтобы проползти четыреста километров. Мы проезжали пустынные станции, нарядные, только что сложенные из бревен домики, многие из которых еще не были заселены. Зато вдоль полотна дороги толпились сотни людей с лопатами, кирками, тачками.

Насчет механизации тогда было — увь! — слабовато, но раздробленные взрывами скалы, обгорелые пни вековых кедров, ржавые вагонетки в мерзлых болотах, груды щепы выразительно напоминали о том, какой яростный штурм был здесь в минувшие месяцы.

Строить в тайге чертовски трудно даже сейчас, ты это прекрасно знаешь. Но каково было строить тогда — почти без всякой техники, почти вручную. Твои отцы и деды пробили, раскорчевали, распахали в тайге четырехсоткилометровый коридор. Но по бокам стоял все такой же суровый и непроходимый лес.

Тайга яростно сопротивлялась строителям. Она подсылала под насыпь дороги грозные подземные воды. Она зажигала деревянные строения огнем своих лесных пожаров. Она душила людей испарениями своих болот, а мириады комаров и мошек до крови разъедали кожу человека.

Но строители дороги шли все дальше. Они строили путь, тут же ремонтировали его, когда он оседал, переделывали, когда это было необходимо, но не отступали. И вот уже первые поезда пошли в Комсомольск...

Мы спешили туда по заданию редакции: нам было поручено рассказать читателям «Комсомольской правды» о том, как в злой тайге, на берегу могучей и коварной реки, комсомольцы, приехавшие с путевками Центрального Комитета комсомола, поставили город. Сейчас это событие принадлежит истории. О нем написано в учебниках, и учителя рассказывают школьникам о том, как старинные пароходы «Колумб» и «Коминтерн» весной одна тысяча девятьсот тридцать второго года причалили к берегу Амура у крохотного таежного села Пермское, комсомольцы сошли на берег, провели митинг, разбили палатки и начали рубить лес, и вот теперь на этом месте стоит огромный город.

И все же интерес к этой необычной истории в народе огромен. Более того, с годами он возрастает все больше. Люди хотят знать: как все это произошло, какими они были, комсомольцы тридцатых годов, добровольно сокращавшие свой и без того мизерный хлебный паек, чтобы поделиться мукой с соседней стройкой, где положение было еще труднее: страдавшие от цинги, но распевавшие песни; безропотно бросающиеся в ледяную воду, чтобы спасти унесенный рекою лес; увлекавшиеся стихами Маяковского и резавшие свои последние сапоги, чтобы залатать обрывками голенищ прохудившийся мех в самой первой кустарной кузнице стройки. Хотят знать, в чем была сила этих людей, почему столь непоколебима была их вера в правоту своего дела, хотя трудностей, да и несправедливостей подчас было столько вокруг, что подглядывавшие в окна нашего большого советского дома злорадные чужеземцы потирали от радости руки: не выдержат, надломятся, надорвутся!

Ан нет, выдержали, не надломились, не надорвались. И к тому времени, когда настало наисысшее испытание духа и физической силы, — достопамятный одна тысяча девятьсот сорок первый год, — комсомольский город уже был в строю, его заводы работали полным ходом, а те, кто их соорудил, — повзрослевшие, возмужавшие и окрепшие в битве с тайгой люди, — укатили на запад в таких же самых эшелонах, в каких за девять лет до этого ехали на восток, — они спешили встретиться с врагом грудь грудью.

Так что же это за люди? Увы, — в последние годы наша лите-

ратура к ним возвращается не так часто, как этого хотелось бы пытливому читателю. Более того, иные писатели, поддаваясь моде, занесенной невесть-откуда, начинают толковать, что тема о народном героизме и его истоках в наше время вообще устарела, что хватит-де рисовать безупречных людей, что современные читатели предпочитают что-нибудь полегче и попроще, да и вообще жизнь теперь иная, спокойная, зачем же вспоминать дни тревог и штурмов?

Помнится, в середине шестидесятых годов случилось нам прочесть интересные рассуждения одного литератора. Откликаясь на все еще длившуюся в ту пору в определенных писательских кругах дискуссию о дегероизме, он размышлял о том, чем определяется поведение молодого советского человека в век кибернетики и автоматике и как этот молодой человек относится к таким, кажущимся кое-кому старомодными, понятиям, как подвиг, идеал, высокие цели. Будучи человеком наблюдательным и честным, этот литератор пришел к выводу, что героизм все же продолжает присутствовать в нашей жизни, ибо в нем — суть и смысл ее, но сам характер героизма как будто бы изменился: все стало будничным в век кибернетики, и нет нужды в чем-либо чрезвычайном, выдающемся, когда людям приходилось бы, надрываясь и жертвуя собой, совершать нечто удивительное.

— Никакого героизма у нас нет, идем по графику, — говорили литератору на стройке. И еще слышал он такие суждения: героизм — штука редкая и часто даже нежелательная. Большая часть героических дел свершается вынужденно, поневоле. Может ли целая жизнь состоять из героизма? Никогда!..

Литератор справедливо не соглашается с этим, продолжал раздумывать о героизме и вдруг пришел к выводу, что, ища самородок, он небрежно пропускает между пальцами золотиносный песок, не замечая будничного, ровного, напряженного и в то же время, быть может, внешне ничем не примечательного честного труда людей. Вероятно, он во многом прав. Но, читая его, мы вдруг вспомнили о строителях Комсомольска-на-Амуре, с которыми журналистская судьба нас свела сорок лет тому назад, и нам вдруг стало жалко, что этот писатель отказался от поисков самородков — их много лежит вокруг нас, надо только внимательно присмотреться. И в Усть-Илиме, и в Тюмени, и в степях Украины, а теперь вот и на трассе БАМа самородки эти иной раз находишь целыми гнездами, и какое же это огромное богатство!

Мы всю жизнь были счастливы тем, что в тридцатые годы там, на Амуре, нам посчастливилось напасть на великолепнейшую золотую жилу настоящих человеческих характеров и своими глазами повидать людей, у которых, вопреки проникнутым скептицизмом

логическим построениям иных сторонников теории дегероизации, — целая жизнь состояла из героизма. Притом свои героические дела эти люди совершали отнюдь не вынужденно и не поневоле, а просто потому, что даже не представляли себе, как можно действовать иначе.

Конечно же, и в наши дни наряду с благополучнейшими и преуспевающими стройками и предприятиями, где все идет строго по графику, где никто не нуждается в чрезвычайных усилиях, где ровной струйкой течет золотиносный песок, «простой человеческой работы» находится множество таких, говоря казенным языком, «объектов», где без подвига не обойдешься, где самопожертвование является жизненной необходимостью и нормой человеческого поведения. И это вовсе не «позорные случаи», как выразился в пылу полемики один из собеседников нашего литератора, искавшего след героизма на современной стройке. Но в те далекие времена, о которых мы хотим повести речь, кибернетика и автоматика могли жить лишь в мечтах, и даже самые трудные задачи, какие запросто выполняет теперь машина, тогда приходилось решать за счет напряжения всех физических и моральных сил человека. Люди мечтали о красивом будущем, о городе-саде, о Дворцах культуры, верили, что это будущее удастся завоевать, и ради этого шли на жертвы. А пока что вокруг была грязь, топь, голодуха, лютый холодище, порой неразбериха, а главное — неумение, неопытность.

Сидим вот сейчас за столом и перебираем документы, вывезенные в ту давнюю пору из Комсомольска. И вот что было бытом, жизнью тогда:

«Решение совещания комсогов совместно с членами бюро ячеек в отношении оздоровления больных комсомольцев в кратчайший срок.

1. Поставить задачей к 1 июня 1933 года оздоровить и вывести из больницы всех больных цингой.
2. Ячейкам вести систематический учет больных, находящихся в бараках, оказывая им конкретную помощь в их выздоровлении и неся полную ответственность за их состояние.
3. Пионерской организации под личную ответственность тов. Малахова организовать систематический сбор и доставку, больным черемши и дикого лука.
4. 18 мая организовать массовую вылазку комсомольцев и пионеров в лес за клюквой.

«Характеристика.

Пазухин Павел Степанович, год рождения 1911, образование 5 классов, комсомолец. Прибыл по мобилизации ЦК ВЛКСМ из Ленинграда в числе первых партий. Высококвалифицированный плотник, но пока еще нет леса, чтобы строить бараки, и пока не осушена площадка, он, всегда задорный и веселый, несмотря на исключительные трудности, работал по пояс в холодной ледящей

воде, корчевал пни, подтаскивал на плечах тяжелые бревна. Когда началось широким фронтом промышленное строительство, тов. Пазухин во главе ветеранов-комсомольцев, находившихся на разных работах, мобилизуется комсомольской организацией на строительство литейного цеха и кузницы. Тов. Пазухин, выполняя со своей бригадой производственное задание на 180—200 процентов, досрочно закончил этот объект. Когда вступили в строй первые цехи, тов. Пазухин с необычайным рвением начал осваивать новую специальность и через восемь месяцев приобрел квалификацию токаря 5 разряда».

Перед нами затрепанный желтый скоросшиватель. В нем грубые, ломкие, исписанные карандашами листы бумаги — протоколы опроса комсомольским комитетом дезертиров; задержанных молодежным патрулем:

«Дело беглецов со строительства.»

1. Бортовой, рождения 1913 года, с Северного Кавказа. «Бежал и снова убегу, работать не буду». Решение: «Отдать под общественный суд, исключить из комсомола, выгнать со стройки».

2. Гринченко, рождения 1913 года, из Краснодарского края. «Доработался на вязке шалашей до того, что силы и здоровье потерял и упал духом». До работы прогулов не было. Заключение врача: «Если питание улучшится, то ноги пухнуть перестанут». Решение: «Простить, послать на 4-й участок, по возможности улучшить условия».

Это все подлинные документы, как говорил поэт, «тут ни убавить, ни прибавить». Читаешь их, перечитываешь, и как-то горько становится: да почему же у нас так мало написано и рассказано об этих людях? Право же, они заслужили того, чтобы о них вспоминали добрым словом и через пятьдесят лет, и через сто лет! У этого поколения есть чему поучиться. И как волнующее завещание их нынешним молодым строителям БАМа звучит вот этот человеческий документ — открытое письмо первостроителей Комсомольска-на-Амуре, ставшего ныне важнейшим опорным пунктом строительства Байкало-Амурской магистрали к комсомольцам и молодежи Хабаровского края в день тридцатилетия города юности, — оно было опубликовано в газете «Молодой дальневосточник».

«Рубите свои просеки!»

«Колумб», «Коминтерн». Старые колесные пароходы с гордыми именами, выбитыми на корме*. Где теперь эти добрые работяги? Наверняка пошли под автоген. А для нас, участников первых де-

* На этих двух пароходах весной 1932 года прибыл первый десант строителей в село Пермское, на месте которого вырос теперь город Комсомольск-на-Амуре.

сантов, с ними связаны воспоминания о самых ярких моментах жизни.

Сильные люди выстояли на амурском берегу. Сильными руками построили город, раздвинув тайгу и мари. Их вела вперед, как путеводная звезда, благородная цель — здесь, на краю страны, зажечь еще один яркий огонь Родины, поставить на службу народу богатства земли.

Беззаветная отвага, героизм основателей города юности — это немеркнущая веха в истории Ленинского комсомола. Комсомольск-на-Амуре навеки останется символом молодежного подвига.

Люди тридцатых годов и сегодня продолжают работать на важных участках промышленности и строительства. Рука об руку с ними шагают представители молодого поколения. Они надежно несут трудовую эстафету, полученную от отцов. Комсомольск обрастает спутниками. Амурск и Солнечный — это новое свидетельство того, что традиции первостроителей не умирают. И на нашей земле еще будет много городов, которые предстоит построить. Богатства земли дальневосточной ждут молодых исследователей и покорителей, горячих сердцем и чистых душой.

На ударные стройки Сибири и Дальнего Востока отправляются многочисленные отряды молодежи. Она встает на трудный путь, чтобы умножить богатство и силы страны.

Сегодня, в день 35-летнего юбилея нашего города, мы обращаемся к юным. Пусть станут вашим жизненным правилом слова Николая Островского: «Если бы меня спросили, какое самое большое счастье для человека, я сказал бы: принадлежность к великой социалистической семье, принадлежность к передовым рядам комсомола — верного помощника партии.. Самое дорогое в жизни — быть бойцом, а не плестись сзади.

Рубите свои просеки!

Михаил Ильин, Григорий Андрианов, Мария Дорошева, Григорий Пойда, Александр Выскубенко, Анисим Краснокутский, Сергей Смирнов, Григорий Колесниченко, Александр Бублик, Нина Боровицкая, Евдокия Селютина, Яков Бейслихем — члены совета первостроителей Комсомольска-на-Амуре».

Уходят годы. Уходят люди. Но все, содеянное ими, остается людям же — их детям, их внукам, вам, молодые строители БАМа. Прочтите же эту хронику, прочтите ее внимательно. Она поможет вам лучше представить себе облик ваших дедов, прорубивших первые просеки в тайге. Вам выпало на долю продолжить и завершить дело, начатое ими, и мы уверены, что вы будете достойными их преемниками!

Первое знакомство

Впервые в Комсомольске-на-Амуре одному из нас довелось побывать в ноябре 1936 года с выездной редакцией. Наш синий вагон с потемневшим серебряным титулом «Комсомольской правды», издавший видь, славно попутешествовал в ту пору — мы исколесили весь Дальний Восток. Поработали в Хабаровске, потом во Владивостоке, освещали маневры Тихоокеанского флота, гостили в Уссурийске и в Спасске, выпускали листовки для пограничников...

В походной типографии с утра до вечера возился у реалов старый метранпаж дядя Миша, незадолго до этого отметивший юбилей типографской деятельности, — это был маг и чародей газетного дела, и наши многоцветные листовки и плакаты, которые он ухитрялся изготавлять на крохотной плоскопечатной машине, пользовались огромным успехом у дальневосточной молодежи. Тем более что их украшали лихие рисунки и карикатуры, которые старательно вырезал на линолеуме наш юный художник Витя Коновалов, — цинкографии по тогдашней бедности печатных средств у нас не было.

И вот пришло время подаваться на север — в Комсомольск-на-Амуре, в город, которому еще не было и четырех лет от роду, но слава о котором уже гремела по всей стране. Все мы, естественно, горели стремлением добраться туда как можно скорее. Но как это сделать? Железная дорога, которая должна была соединить Во-

лочаевку с Комсомольском, еще не была готова, а на Амуре уже начался ледостав и пароходы уже не ходили. Что же делать?

Было принято такое решение: мы разделимся на две группы, вагон-редакция двинется по трассе вслед за рабочими, укладывающими рельсы БАМа, и будет выпускать листовки для них, а «авангард» выездной редакции доберется до Комсомольска по воздуху и будет издавать листовки там в типографии местной газеты в ожидании, пока прибудет наш вагон.

Но легко сказать — добраться по воздуху, а как это сделать? Не забывайте, шел всего лишь одна тысяча девятьсот тридцать шестой год, ни о каких рейсах Аэрофлота в Комсомольск-на-Амуре и речи быть не могло. Нас выручили тогда военные: они предоставили в наше распоряжение звено открытых двухместных боевых самолетов. Нас одели в меховые комбинезоны, и военные пилоты помчали выездную редакцию в город, который тогда уже слыл легендарным. Комсомольск открылся нам в пятом часу пополудни. Среди глухой тайги и пустынных болот на берегу стынущего Амура мы увидели огромные корпуса строящихся заводов, сотни приземистых серых бараков, похожих сверху на разбросанные по земле спичечные коробки, алевшие на снегу штабеля кирпича, вытащенные на берег баржи. По шоссе бежали десятки автомобилей.

Нас радушно встретил секретарь горкома комсомола Исаак Минкин — молодой черноволосый и черноглазый парень в полувоенном костюме, подчеркнуто аккуратный и исполнительный во всем — и в больших делах, и в мелочах. Это был типичный представитель первого поколения, выросшего и оформившегося уже при Советской власти: пионер с 1922 года, комсомолец с 1924, коммунист с 1929... С четырнадцати лет он работал на кожевенном заводе в Ростове, проявил себя как способный, энергичный организатор, был избран секретарем комсомольского комитета, потом секретарем Ростовского горкома.

В 1931 году Исаак Минкин держал свой первый большой политический экзамен: комсомол взял шефство над строительством знаменитого в ту пору «Ростсельмаша». Туда было направлено две тысячи комсомольцев-добровольцев, и секретарь горкома дневал и ночевал на стройке. Как член бюро Северо-Кавказского крайкома,

он часто выезжал в деревни, участвовал в суровой классовой борьбе с кулачеством, сопротивляющимся коллективизации.

Год спустя пришла телеграмма из ЦК комсомола: надо отобрать двести лучших из лучших комсомольцев на стройку нового города на Амуре. Нужны только парни, здоровые, сильные, крепкие духом: в тайге будет дьявольски трудно работать. В Ростове в ту пору было восемнадцать тысяч комсомольцев, из них — десять тысяч юношей, остальные девушки. Ехать на Дальний Восток захотела тысяча парней — каждый десятый комсомолец подал заявление. Минкин с трудом отобрал из них двести: ведь все были как на подбор, отличные ребята. Думал ли секретарь горкома тогда, что пройдет совсем немного времени, и он снова встретится с ними — на этот раз на берегу Амура?

Минкина вызвали в ЦК. Принимал его секретарь Центрального Комитета комсомола Косарев: «Понимаешь, какое дело, — сказал он. — Решили тебя послать на Дальний Восток секретарем горкома комсомола во Владивосток. Большие там предстоят дела. Не сдрейфишь? Учти: посылаем на Дальний Восток самых достойных — гордись этим. — И, похлопав Минкина по плечу, сказал: — В случае чего — пиши мне...»

Во Владивостоке Минкин проработал два года. Это было интересное время: создавался Тихоокеанский флот, и комсомол шефствовал над ним, что означало не только моральную поддержку, но и реальную помощь строителям флота. Комсомольские активисты с понятной гордостью носили военно-морскую форму, подаренную им подшефными.

А забыть ли ударную работу комсомольцев в торговом порту, где надо было в кратчайший срок разгружать пароходы, доставлявшие на Дальний Восток хлеб из черноморских портов? Своих океанских судов у нас тогда почти не было, приходилось фрахтовать иностранные, и, чтобы сэкономить валюту, надо было производить выгрузку как можно быстрее. Комсомол создал тогда свою «комсомольскую дивизию» грузчиков, и Минкин стал ее комиссаром. Круглые сутки на причалах звенели молодые голоса: «Вира!», «Майна!» — и ребята таскали на спине тяжелые мешки с зерном.

А комсомольские мобилизации на ловлю крабов и рыбы у берегов Камчатки! Каждый сезон в море на

шесть-семь месяцев уходили 1200 комсомольцев Владивостока. На каждом рыболовецком судне работала своя комсомольская организация. Когда же корабли возвращались во Владивосток, их ждала поистине триумфальная встреча.

И вот в 1934 году Минкину опять довелось перемнить место жительства: его послали в Комсомольск-на-Амуре, где еще не было горкома комсомола, работали только комсомольские организациистроек, подчиненные далекому от них крайкому. Минкин подготовил первую городскую комсомольскую конференцию, где и был избран в горком. Комсомольцам пришлось по сердцу этот молодой энергичный парень, и они единодушно доверили ему руководство своей городской организацией. К тому же многие активисты Комсомольска отлично знали его по прежней работе в Ростове. Ведь это он посылал их сюда...

Радушно встретивший нас Исаак Минкин не любил терять зря времени, он тут же разработал план действий для выездной редакции, прибывшей в помощь комсомольской организации города.

Выяснилось, что журналистам придется освоить дополнительные специальности: немедленно стать массовиками, организаторами хорового пения, руководителями вечеров самодеятельности, лекторами. Здесь мало было агитировать, надо было действовать. И мы действовали — кто как мог. Помнится, наш неунывающий литсотрудник Леонид Коробов, лишь незадолго до этого демобилизовавшийся с Черноморского флота и еще шеголявший в бушлате, начал проведение конкурса на самый чистый барак с того, что вооружился ведром, тряпкой, засучил рукава и сам осуществил опытно-показательную мойку полов. И сразу же его авторитет у лесорубов, живших в этом бараке, поднялся на недостижимую высоту.

А по ночам, пока в местной типографии, помещавшейся в ветхом бараке, печатался очередной номер нашей листовки, мы собирались на стеклянной веранде домика, где находился горком комсомола. Эта веранда, служившая нам жильем, была в шутку прозвана лабораторией термостатических испытаний: уже ударили тридцатиградусные морозы, и хотя две железные печурки, раскаляясь, быстро поднимали температуру «до нормы», она катастрофически падала, едва сгорало послед-

нее полено. Но это никого не смущало. Наша веранда всегда была переполнена гостями. Первостроители, как называли комсомольцев, работавших здесь с самого основания города, охотно приходили к нам в гости, и рассказы их были настолько волнующи, что мы забывали тотчас обо всем на свете, исписывая блокнот за блокнотом.

В Москву мы вернулись глубокой зимой. Рассказы о виденном и слышанном вызвали в нашей молодой и кипучей редакции огромный интерес. Вспомнив, что в июле 1937 года Комсомольску исполнится пять лет, наш энергичный редактор Володя Бубекин поспешил отправить нас двоих снова в Комсомольск, чтобы собрать материалы для документальной повести «Начало города» — она должна стать подарком редакции юбилеям. Так мы опять оказались в этом городе, среди героев повести, которую нам предстояло написать.

Город в лесу

Это было ранней весной 1937 года. Наш медлительный поезд — наконец-то! — приближался к городу, встречи с которым мы ждали с таким нетерпением. Пассажиры с любопытством обозревали великолепные пейзажи, открывавшиеся по сторонам. На вершинах далеких сиреневых гор еще лежал сплошной покров снега, ослепительно сверкавшего на солнце. Но здесь, чуть пониже, весна уже давала о себе знать. Снег был рассечен солнечными лучами на множество остроконечных косых ледышек, и казалось, будто склоны выемок обросли сплошным покровом каких-то фантастических ледяных трав.

Буйно разросшаяся тайга, в которой деревья теснили друг друга, еще хранила под сплошным покровом хвойных вершин большие сугробы. Но на полянах, где неистовый лесной пожар уничтожил лес и лишь тонкие, обгорелые стволы лиственниц вздымались к небу, уже журчали ручьи. Ветвистые березы отбрасывали на снег длинные тени. Солнце сияло очень ярко, и в ослепительно синем небе клубились белые облака...

— Стоп, машина, кочегар лопнул! — басит в соседнем купе чей-то грубоватый голос, и несколько человек добродушно хохочут над истрепанной фразой, которую

этот бас повторил сегодня по меньшей мере раз двадцать.

«Машина» и впрямь опять останавливается. На этот раз мы стоим посреди пути. В насыпь воткнута палка с красным диском. Дальше ехать нельзя: впереди исправляют колею, которая разошлась и осела. Шпалы здесь местами были положены прямо на прессованный снег, и сейчас, когда все тает, под них подкладывают березовые клинья. Через такие участки поезд ползет еще медленнее, чем обычно, — можно идти рядом с вагоном, держа за поручни.

Паровоз успел выкатиться на деревянный мост. Вниз уже опущен шланг, и где-то там уже пыхтит насосик, перекачивающий в тендер воду прямо из ручья. На тендер вручную грузят дрова, перебрасывая их с рук на руки.

Поезд простоял у моста несколько часов. Видимо, впереди работы затягивались. Солнце поднялось еще выше, и в кюветах у полотна бурлили потоки талой воды. По левую сторону пути высилась крутая лесистая сопка. Где-то вдали синели крутые, обрывистые скалы.

Старожил Комсомольска, с которым мы познакомились в вагоне, бесцельно бродил у паровоза, явно удрученный вынужденным бездельем. Потом он взглянул на далекие синие скалы, вскочил в вагон и через мгновение появился снова на насыпи уже в сопровождении ленинградской девушки.

— Вон, видите? Нет, чуть левее... Так, так... Видите дымок? Ну вот это ж и есть ТЭЦ. А вон начинается город...

Он обводит рукою широкий заснеженный плац.

Рассказчик снял фуражку и расстегнул шинель, ему стало жарко. Солнце и впрямь грело очень сильно. Казалось, все заснуло на этом весеннем солнышке, в лесу было необычайно тихо; мирно посапывал притихший паровоз.

За двое суток пассажиры успели свыкнуться со своим необычным поездом. На каждой остановке из теплушек высыпала толпа ребятишек — в этих вагонах ехали семьи переселенцев, приглашенных на стройку города. Степенно прогуливались у плацкартного вагона артисты московских театров, едушие в Комсомольск на гастроли. Пожилой хозяйственник с орденом Красной Звезды на гимнастерке чертил на снегу какую-то схему, что-то до-

казывая группе собеседников. Но сейчас весеннее солнце сморило и его — расстегнув воротник, он блаженно вдыхал лесной воздух и сонно мигал глазами.

Лишь наш рассказчик был неутомим. Он готов был без конца говорить о Комсомольске. Победоносно оглядывая собравшихся вокруг него пассажиров, шуря на солнце свои лукавые, глубоко сидящие глаза, паренек продолжал:

— Вот видите, какой у нас климат? Климат, брат ты мой, у нас такой, что в другом месте его нипочем не сыщешь! Верите, у нас виноград есть. Честное комсомольское! Он, конечно, дикий, но виноград. И еще кишмиш. А про бархатное дерево вы слыхали? Ну вот, есть. А солнце? Вы видите, какое солнце? А река? Где вы такую реку найдете, а?...

Паровоз неуверенно свистнул, поднатужился и рванул состав. Пассажиры не спеша догоняли поезд и на ходу садились в вагоны. Паровоз медленно катился вперед, вдавливая в грязь чавкающие шпалы. Парень в военном костюме деловито смотрел вниз между буферами, наблюдая, как движется состав по расползающейся колее. Наконец он выпрямился и уверенно доложил, как будто всю жизнь он только и делал, что следил за состоянием пути:

— Дойдет. Конечно, это не экспресс, но ехать-то можно, а?

Девушка, которую он всюду водил за собой, кивнула головой. Стоявший рядом хозяйственник с орденом вполголоса сказал собеседнику:

— А что вы думаете, товарищ прав. Честное слово, эксперимент удался! Подсчитайте, сколько грузов, сколько людей перевезли мы за зиму? И сколько убытка мы получили бы, если бы следовали букве закона? Закрыли бы дорогу и ждали бы акта о приемке, а грузы как?.. Нет, правильно, правильно говорит товарищ.

Солнце уже клонилось к закату, когда мы подползли к Комсомольску. Поезд медленно двигался через молодую березовую рощу, и длинные тонкие тени ложились на пыльные стекла вагона. В глубине рощи виднелись какие-то здания, краснели штабеля кирпича, высились груды бревен. Потом лес снова обступил дорогу, но на этот раз уже ненадолго. Прошло несколько минут — и в окнах сразу посветлело.

И вот уже нарастает привычный металлический гро-

хот вокзала: поезд идет между двумя порожними составами, и эхо многократно усиливает стук колес. Короткий свисток — и поезд останавливается. За окном виден небольшой, срубленный из чистеньких бревен домик с надписью на фасаде «Комсомольск». Перрон пока отсутствует. Площадка у вокзала залита жидкой грязью, и пассажиры удрученно взирают на ухабистую дорогу, которая уходит куда-то вдаль. Комсомольск находится в четырех километрах отсюда, и добраться в город не так-то легко.

Паренек из Комсомольска, торопясь к выходу, протягивает своей соседке ладонь и деловито говорит:

— До свиданья, товарищ!.. Кетати, насчет почты... Вы вчера интересовались. Так вот, если у вас с доставкой какая заминка выйдет, звоните 4-63, Макаренко. Это буду я, комсорг почтамта Макаренко.

Минут через двадцать прибыла на вокзал машина, по самый капот одетая в весеннюю липкую грязь. Шла весна на Амур. Лужи, болота, грязевые овражки, потоки воды, сереющие сугробы растеклись по дорогам, ведущим в город. Петя Мельниченко, шофер горкома, лихо перебрасывает свой «фордик» через бугры щебня, какие-то горки мокрого песка, кучи реек, щепок и стружек.

Тут и начинается город — на этом широком, большом шоссе, носящем еще условную строительную кличку «Бригадное». Мы едем с секретарем горкома комсомола Исааком Минкиным мимо маленьких шведских коттеджей с остроконечными красными, веселыми крышами и уютными мезонинами, мимо большого деревянного Комсомольского поселка, все домики которого окрашены в свежес-розовый цвет, мимо нового, с зеркальными огромными витринами магазина «Гастроном».

Город еще полон живейших контрастов. «Старый» и «новый» Комсомольск хотя и соседи, но теснят друг друга на каждом шагу. Только что перед нами была группа каких-то первозданных шалашей. Три кола, сверху береста. Кругом оплетено лозой.

Шалаша все более теряются и мельчают среди огромной, ширящейся строительной площадки в тайге. Их теснят дома каменные, кирпичные, деревянные. Рядом с шалашами — большой клуб имени шестнадцатилетия Октября. Немного дальше — два больших красивых новых гаража...

Широкая дорога ведет к еще незаконченным двухэтажным домам. Нам рассказывают, что здесь скоро будут жить врачи. Ведь уже сейчас городу необходимы семьдесят пять врачей! Их стараются устроить поудобней. Больница совсем недалеко. Это целый городок. Вот уютно расположился родильный дом. Говорят, что у доктора Пендрие, который заведует им, много работы. Каждый месяц прибавляется более сотни подлинных комсомольчан.

Вот через один-два квартала нам встречается крупное красное здание. Высокий эффектный портал. Красиво намечены большие окна.

— Это что же, театр?

Секретарь горкома комсомола оборачивается из кабины шофера. Лукаво улыбается:

— Ну, нет! Это же наша новая баня. Когда ее кончат, сюда придут мыться сразу пятьсот комсомольчан.

По шоссе мимо нас бегут, обгоняя друг друга, АМО-3, ЗИС-5, ярославские четырехтонки, горьковские грузовики. Тащатся тягачи с грузом железа; сваливают у строительных площадок песок, щебенку, мешки цемента подъезжающие грузовики-самосвалы. Кто-то поздоровался с нашим соседом из окна промелькнувшего «бьюика». Отъехал от подъезда деревянного домика «Почта — телеграф» новенький зеленый грузовик с посылками для граждан Комсомольска.

Необычны названия улиц, по которым мы проезжаем. В строительной спешке давали эти имена — Брусчатка, Пожарный поселок, Аварийный. Петя Мельниченко, глядя вперед, бросает:

— Скоро это кончится. Я читал в «Ударнике Комсомольска» — горсовет дает улицам новые названия. Вы знаете, ведь у нас уже восемьдесят две улицы...

Он весело нажимает на сирену и тормозит. В наш «фордик» въезжает новый пассажир. Плотный румяный парень, с чуть озорными ореховыми глазами, увлеченно дымит толстой сигарой. Одет он странно — не то по-зимнему, не то по-летнему. Легкая кепка, толстая ватная тужурка, серые брюки заправлены в тяжелые, большие сапоги.

— Ну, здравствуйте! Я — Лева Качаев из Комсомольска-на-Амуре, — добродушно басит пришелец.

— А больше известен под кличком Максун, — шутит Минкин, — есть у нас вроде него толстая речная рыба.

Лева Качаев из Комсомольска-на-Амуре оказывается коренным москвичом. Из двадцати семи лет своей жизни он только пять прожил в этом самом молодом городе. Но Лева — живая летопись каждой улицы, квартала, каждого нового цеха. Он помнит все и знает историю каждого уголка города.

— Ну, как находите наш город? — горделиво кивает старожил на огромный корпус трехэтажного дома, новой школы имени Серго Орджоникидзе.

Откуда-то доносится глухой треск.

— «Копай-город» кончается, — поясняет Лева. — Завтра фотографа приведу. Это будет исторический кадр!

Шоссе вдруг упирается в огромное ледяное поле. Горючее весеннее солнце рисует на льду голубые влажные проталины, отрывает ледяные осколки, крошит лед. Но крепка зимняя шуба Амура — апрель ему нипочем. Еще добрый месяц продержится двухметровый лед.

Из-за рыжей, выцветшей от холода сопки на том берегу появляются какие-то белые дымки. Что же это такое? И вот уже видно, как по амурскому льду спешит по узкоколейке паровозик. Целый поезд тащит он из каменного карьера, что на Пивани. Вагонетки загружены щебнем.

Тут же на замерзшей огромной реке — ширина Амура у Комсомольска три километра — еще с декабря поселился аэроклуб. Черный посадочный знак «Т» раскладывается каждое утро. На лед мягко опускаются самолеты.

Пыль, скрип, треск все ближе. Вот он, «исторический кадр», обещанный Лево́й Качаевым! «Копай-город» в агонии. Куски толя, комья земли, обрезки фанеры, железные отбросы, осколки стекол — как фантастически пестры эти мрачные, подслеповатые берлоги, первое человечье убежище от суровых амурских ветров!

Рвутся на части конуры, сшитые из заплат. Топор и лом прекращают существование землянок. Скоро здесь останутся только три-четыре последние землянки. Их сохранят, как яркое свидетельство ушедших дней, — они будут всего лишь музейным экспонатом, который напомнит прохожему: здесь жил человек!

Комсомольск очень разбросан. Чтобы его осмотреть как следует, познакомиться с ним, надо затратить несколько дней. Добродушный Лева Качаев охотно соглашается помочь нам. Он сейчас в отпуске и может не-

сколько дней побродить вместе с нами по городу. Максун быстро входит в роль гида и со вкусом описывает все достопримечательности. И хоть порою эти самые достопримечательности выглядят внешне убого, но история у них очень интересная.

Сейчас набережная, по которой мы идем с Левою Качаевым, еще зовется Пермской. Так называли глухую таежную деревушку, ютившуюся пять лет тому назад на этом берегу. Маленькие серые ее домишки еще остались. Они лепятся по неровным земляным буграм, омрачая могучее великолепие гордого крутого берега своей личиной, древними ставенками, прогнившими крылечками. Здесь, на берегу великолепной реки, в ранние сумерки амурский прозрачный пейзаж покоряет. Хочется часами стоять на набережной и глядеть, как зябко кутаются в какие-то дымчатые туманы сопки. Медленно и глубоко синеют их полукруглые лесистые силуэты. Кажется, только недавно солнце упало куда-то за гребень сизой горы, и вот оно оставляет после себя три полосы мягкого зарева, подбив их сбоку гаснувшим розовым колером. На фоне этой облачной тонкой акварели оскорбительно унылы отжившие тени деревни Пермской.

Впрочем, каким удобным приютом казались эти старые, ветхие халупы первым комсомольцам, мобилизованным в тайгу!

— Видите, вот чердачок в этом доме? Там провела лето 1932 года целая комсомольская бригада, — говорит Качаев. — Забавно вспомнить, где жил тогда наш народ. Дмитриев на чердаке, Макаренко в сарае.

Но сейчас в каждом из этих маленьких крестьянских домишек на старой Пермской бьется кипучая жизнь большого растущего города. В сером неказистом домике с резными деревянными петушками на ставнях помещается городской совет. Новые дома еще в лесах, в опалубке, поэтому и солидная черная вывеска «Государственный банк» тоже ютится над одной из неказистых изб. Амурский порывистый ветер треплет флаг над крышей этого, несомненно состоятельного, учреждения.

На краю набережной в новом белом бараке, который еще пахнет таежной смолистой сосной, тоже совсем необычное учреждение для бывшего села Пермского. Лева тянет нас.

— Зайдемте внутрь. Здесь много интересного!

В бараке тепло и тихо. Молодой парнишка в мор-

ской куртке заносит в длинную тетрадь какие-то цифры. Раздается телефонный звонок, оказывается, сюда звонят буквально каждый час. Дежурный — зовут его Володя Сутугин — берет трубку и внятно диктует:

— 0700, 26400, 03890, 49628, 10107, 97712...

В переводе с арифметики на нашу обычную словесную речь это означает, как говорит Володя, примерно следующее:

«Сегодня в два часа по местному времени облака нижнего яруса наблюдались в таком-то состоянии. Небо пасмурно, видимость вдаль по горизонту от двадцати до пятидесяти километров, дует порывистый ветер шесть — восемь баллов, температура воздуха семь градусов тепла».

Следующая сводка погоды понадобится аэропорту через час. Тогда Володя Сутугин занесет в свою длинную тетрадку новые показания приборов, нужные пилотам воздушной трассы Комсомольск — Хабаровск.

Гидрометеорологическая станция стала необходимой частью молодого города. Строители, например, здесь узнают, можно ли еще эксплуатировать зимнюю узкоколейку на амурском льду, какова его толщина сегодня. Звонят из аэроклуба: можно ли сегодня выпускать учлетов в самостоятельный полет, какова высота облаков. Каждые шесть часов запрашивают погоду из Хабаровска — там составляется синоптическая карта. Дежурят в этом бараке круглые сутки.

Предстоит большая, содержательная исследовательская работа. Климат этого уголка дальневосточной земли почти не изучен. Многие явления природы еще кажутся здесь загадочными, странными, непонятными. Мало известен режим огромного беспокойного Амура. Неожиданны и грозны его августовские наводнения. Капризна в Комсомольске весенняя пора, изменчиво рано наступающее тепло, смены северных и южных ветров, неожиданно соседство ночных бурь и солнечных ярких дней. Все это требует больших, серьезных обстоятельных наблюдений. И в маленьком домике метеостанции на Пермской эти широкие научные проблемы, интересные задачи и исследования еще не разрешены, они даже не затронуты. Комсомольск ждет своих научных исследователей.

...Длинные улицы в Комсомольске. Многими километрами исчисляются расстояния между поселками, раз-

брошенными по строительной площадке. Чтобы представить себе границы города, хорошо посмотреть на него с горки Аварийного поселка. Оттуда видно, что таежный город лежит как бы в огромной чаше, замкнутой щетилистыми округлыми сопками. Велика и обширна открывающаяся панорама строительства. Многочисленными серыми стальными жилами лежат узкоколейки. Паровозы, грузовики, тягачи непрерывно везут грузы. Всюду высятся леса, всюду разрыты котлованы, всюду лежат груды камня, досок, щебенки.

Пока в колорите городского пейзажа преобладают серые и желтые тона — это старые и новые деревянные дома, коттеджи, избы, леса строящихся больших зданий. Поэтому отсюда, сверху, новые кирпичные дома видны особенно резко. Большими красными кубиками лежат в строительной панораме школа имени Орджоникидзе, баня, аптека, несколько многоэтажных каменных зданий. Оказывается, в молодом городе уже есть двенадцать школ, рабфак, совпартшкола, вечерний факультет кораблестроения. Еще бы! Комсомольск на глазах растет и вверх и вширь, забирая у тайги десятки и сотни гектаров площади.

В городе сейчас уже больше шестидесяти тысяч жителей, и с каждым новым заводом их становится все больше. Больше молодежи, больше детей — школьников, питомцев детсадов и яслей. Каждый новый день прибавляет на тех пятистах гектарах, где расположился город, еще что-нибудь невиданное вчера: либо новый газетный киоск, либо еще один барак с окрашенными в голубое наличниками окон, либо новую линию узкоколейки к только недавно укрепшему строительному объекту, либо грузовик новой конструкции, прибывший с последним поездом из Москвы, или же последнюю ленинградскую новинку — переносный рентгеновский аппарат в хирургическом корпусе больничного городка.

В красивой березовой рощице на площадке еще одной новостройки белеют пока всего четырнадцать домов. Шесть новых домов достраиваются. Тут уже живут восемьсот строителей. Но когда проект завода будет полностью осуществлен, в Комсомольске сразу прибавится десять тысяч жителей. Далеко на Восток, сюда, к городу, расположившемуся у подножия горных цепей, потянутся молодые инженеры, сталевары, прокатчики. Они будут работать в цехах этого завода и будут учить

• в фабзавуче своему мастерству молодых комсомольчан.

В сумерки зажигается в Комсомольске множество электрических огней. Самые приземистые фонарики спускают к берегам Амура. Самые высокие поднимаются к небу, подчеркивая огромные размеры стройки. С каждым месяцем этих огненных точек становится все больше. Видно, как приближаются друг к другу расширяющиеся поселки, как постепенно сходятся в одну магистраль дальние штрихи едва намеченных улиц. Все более по-соседски располагаются дома. Ширятся вырубленные в тайге просеки.

Город сквозь суету и разбросанность гигантской строительной площадки обретает прочные, определенные линии, четкие проспекты, стройные вереницы зданий.

Так выглядит сегодня, весной 1937 года, город, которому нет еще и четырех лет от роду.

...Мы долго бродили по улицам молодого города, ездили из одного поселка в другой, и Лева Качаев, наш неутомимый спутник, попыхивая сигарой, рассказывал все новые и новые истории, излагал все новые планы. У него и у нашего спутника по вагону, словоохотливого комсорга почтамта, была одна общая черта: они оба влюблены в свой город, хотя в нем сейчас еще много хаоса, грязи, бесприютности.

Как-то вечером мы сказали Лева об этом. Он усмехнулся:

— Конечно, влюблены! А как же иначе? Вы знаете, что такое патриотизм старого комсомольчанина? Это... Впрочем, нет, сейчас не буду говорить. Вы к нам зайдите в выходной день, в «дом старых комсомольцев». Это в Брусчатом поселке. Спросите — каждый укажет. Соберутся ребята, вспомним старое, поговорим. Тогда вам много станет понятнее. Только разговор у нас будет долгий — на целый день...

В выходной день мы отправились в Брусчатый поселок. Действительно, первый же встреченный нами прохожий показал «дом старых комсомольцев». Жители этого дома были достаточно популярными людьми города. Они ведь и прибыли сюда первыми на пароходе «Колумб». Они раньше других закрепились до конца стройки. Они же стали первыми гражданами нового города.

«Старые комсомольцы» собрались в квартире бригадира плотников Андрея Гоменюка. Хозяин попросил

родных вынести погулять Владимира Андреевича. Пускай повеселится во дворе в обществе Андрея Андреевича Шанурова, Веры Алексеевны Смородовой и Роберта Тихоновича Мартынова... Во дворе дома через несколько минут собралось действительно обширное общество подлинных комсомольчан, которое, солидно завернувшись в стеганные одеяла, восседало в колясках, санках, на коленях у матерей.

— Эх в этой тайге младенцев развелось! — вдруг удивился рабфаковец Кусков, который еще пять лет назад был за малый рост окрещен друзьями кличкой Пупсик.

— Не все тут, — самодовольно заметил Лева Качаев, — я вчера привез из родилки новую, Валерию Львовну.

Тут у Гоменюка мы познакомились со многими «стариками». Собравшиеся соседи сразу заметили какие-то перемены в квартире.

— Тут кто у тебя спит? — спросил Андрея Коля Макаренко, кивнув на стоявшую в комнате кровать, которая, как видно, недавно появилась здесь.

— Та Кухарский же, — ответил хозяин, — у него еще комнаты нема...

— Опять с Кухарским на пару, — засмеялись ребята. — И семья не мешает?

Нам рассказали о двух неразлучных друзьях, которые долго жили в одном шалаше, братски делили друг с другом еду, одежду и даже соломенный мат, заменявший постель.

— Не будь Кухарского, так я бы и не встал тогда от цинги, — тепло вспомнил своего постояльца Гоменюк, — это он меня выходил!

— Иван Яковлевич, — шутливо спросил Ваню Голованева тот же неугомонный Макаренко, — что-то у тебя я заметил дома кучу народу. Ты что же, сам восьмым, что ли, стал?

Оказалось, что и у Голованева живет семья еще не обосновавшегося в городе товарища. Крепка дружба между «стариками». Им вместе не тесно! Почти никого не удивило, когда черноглазый, шумный украинец Гриша Пойда, демобилизовавшись из армии, уговорил ехать к себе в Комсомольск целое отделение. Семь бойцов поверили своему командиру и поехали в таежный город, он сказал, что здесь найдется для них работа и жилье.

Гриша не был в Комсомольске почти два года. Куда же пойти прямо с вокзала со всеми чемоданами?

— А идемте к Алешке Смородову на Брусчатку.

И все отделение командира Пойды осталось ночевать в ту ночь в квартире Алексея Смородова.

Много интересного рассказали нам строители города Комсомольска. Мы узнали, между прочим, как Лева Качаев декламировал Маяковского в стойбищах нанайцев, почему у Андрея Гоменюка восемь вставных зубов, как случилось, что Пупсик стал лучшим лесорубом, почему Алексей Смородов вместе с маршалом Блюхером участвовал в закладке первого завода. Мы поняли, почему эти люди так любят свой город.

Как это начиналось

Холодный, суровый тысяча девятьсот тридцать второй год начинался тревожно. На полях Маньчжурии гремела канонада — японские дивизии с боями шли к советской границе. В Берлине маршировали колонны людей, одетых в коричневые рубашки, и их вожак Гитлер кричал, что великой Германии нужна Украина. Только недавно закончился процесс Промпартии. В деревнях загорались колхозные амбары — кулачество сопротивлялось коллективизации. У дверей ЗРК — так назывались в то время закрытые рабочие кооперативы — стояли огромные очереди. Поезда шли медленно, опаздывая на сутки. На вокзалах жили тысячи людей, кочевавших с одной стройки на другую.

Где-то на Урале уже разжигали новые домны. В Сталинграде и Харькове пришли в движение конвейеры тракторных заводов. В Запорожье монтировали турбины Днепростроя. В Нижнем Новгороде «комсомольская дивизия» заканчивала стройку автомобильного завода. Но здесь, близ берега Тихого океана, пока еще было удивительно тихо — только сейчас, этой зимой, сюда докатывалось эхо тридцатого года.

Но, как всегда случалось в те бурные годы, уж если брались за дело, то все закипало мгновенно, как вода в котле на сильном огне. Вот как описывал в беседе с нами первый начальник стройки на берегах Амура Иосиф Каттель самое-самое начало этого большого дела.

Поздней осенью тысяча девятьсот тридцать первого

года на строительство металлургического завода у горы Магнитной на Южном Урале, где Каттель работал главным инженером, заехал народный комиссар обороны Климент Ефремович Ворошилов. Он возвращался с Дальнего Востока, — там он по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства вместе с руководителями края готовил предложения о создании новой индустриальной базы.

Одной из первоочередных задач было сооружение судостроительного завода — этого требовали жизненные интересы обороны страны.

— Стройка, по-видимому, начнется на реке Амур у села Воронежское — это в четырнадцати километрах от Хабаровска, — говорил Ворошилов, — там расположена зимняя стоянка амурского речного флота, есть ремонтно-механические мастерские. Они будут переданы строителям. Стало быть, начинать придется не с нуля, будет кое-какая база...

Нарком обороны пытливо взглянул на внимательно слушавшего его инженера и улыбнулся:

— Знаю, знаю; вы сейчас удивляетесь, зачем я вам все это рассказываю. Ну так вот вам мой прямой вопрос, чтобы не было никаких недоумений: хотите быть руководителем этой стройки?

Для Каттеля этот вопрос был совершенно неожиданным: предложение Ворошилова коренным образом ломало все его планы. Но в те времена люди были легки на подъем. К тому же у него просто язык не повернулся бы, чтобы сказать «нет» члену Политбюро, наркому обороны, который только что столь убедительно рассказывал ему об огромном значении будущей стройки на Амуре.

— Если нужно, поеду, — сказал он.

— Ну и отлично, — сказал Ворошилов.

И далее события начали разворачиваться в кинематографическом темпе. Каттель был вызван в Москву. Там уже начинала работать контора Дальпромстроя. Научные институты быстро составляли проектную документацию для стройки. Нарком тяжелой промышленности Григорий Константинович Орджоникидзе сообщил Каттелю, что Политбюро уже утвердило его начальником строительства и что он должен немедленно ехать в Хабаровск.

Надо было как можно скорее подобрать кадры руко-

водителей стройки и найти рабочих. Это были нелегкие задачи — людей в то горячее время, когда вся страна была в строительных лесах, не хватало. Каттель предложил Орджоникидзе: давайте попросим комсомол помочь нам! Орджоникидзе одобрил эту идею. ЦК ВЛКСМ с готовностью откликнулся — была объявлена комсомольская мобилизация. Это была, конечно, весьма своеобразная мобилизация: брали только добровольцев, да и то не всех, — их было слишком много.

Одним из первых в контору Дальпромстроя, даже не дожидаясь мобилизации, а просто так — на «ого-нек» — явились трое веселых молодых парней — Лев Качаев, Сергей Шефтелевич и Амоян Аствацурьян, которого все звали Амо, — они работали в тресте Заводстрой и жили в коммуналке.

Каттель их хорошо знал: он сам раньше работал в Заводстрое, и эти расторопные, дружные ребята пришлись ему по душе. Качаев был техником-конструктором, Шефтелевич — инструктором по труду — была такая должность в этом тресте, — Амо заведовал светокопировальной.

— Поедете со мной? — спросил их начальник новой стройки.

— Конечно! За этим и пришли.

— Ну тогда бегите в ЦК комсомола за путевками и как можно быстрее отправляйтесь в Хабаровск — там встретимся...

В начале февраля 1932 года с Ярославского вокзала отправился в Хабаровск и сам Каттель в сопровождении группы отобранных им специалистов. С ним ехали главный инженер строительства В. И. Вайнтрауб, руководитель проектной группы А. Л. Жари, начальник технического отдела А. В. Сидоров, опытный прораб с Магнитостроя И. К. Массиондз, который должен был стать начальником строительного участка, и другие.

Вагон, в котором ехали эти люди, превратился в своего рода управление стройки на колесах — в нем чуть ли не круглые сутки шла работа — специалисты готовили необходимые расчеты, разрабатывали планы, составляли заявки на материалы и рабочую силу.

Из Москвы вдогонку поезду шли телеграммы. В одной из них была неожиданная новость: по-видимому, стройку придется перенести из Воронежского гораздо дальше к северу, сейчас на месте надо будет произвести

рекогносцировку. Во второй телеграмме сообщалось, что ЦК ВЛКСМ принял решение послать на стройку шесть тысяч комсомольцев — цифра для начала немалая!

Но где же все-таки будет строиться завод? Телеграмма о выборе новой площадки беспокоила специалистов: ведь там, на Севере, таежная глухомань. Как туда добираться? Железной дороги нет, а навигация в нижнем течении Амура длится лишь 145 дней в году. Но уж если принимается такое решение, значит, есть на то серьезные основания. Этого явно требовали интересы обороны.

Как же решился вопрос о выборе новой площадки? В наших рабочих тетрадях сохранилась уникальная запись рассказа видного специалиста по кораблестроению Гойнкиса, с которым мы встречались на стапелях уже вступившего в строй судостроительного завода в Комсомольске в весенние дни 1937 года, — завод еще строился, но с его стапелей уже сходили первые корабли.

В Хабаровск Гойнкис прибыл в начале 1932 года. На вокзале в Хабаровске к нему подошел человек из крайкома партии: «Простите, Вы инженер Гойнкис? Вам телеграмма из Москвы». Это было новое указание: по прибытии в Хабаровск сойти с поезда и примкнуть к правительственной комиссии, которой поручено найти новую площадку для строительства судостроительного завода дальше к северу.

Комиссию возглавлял видный военный деятель той поры Ян Гамарник. Ему, как говорится, и карты в руки: ведь он с 1923 по 1928 год работал на Дальнем Востоке — сначала председателем ревкома, а потом секретарем крайкома партии. Вместе с ним должны были искать и найти новую площадку секретарь крайкома партии Бергавинов, инспектор Военно-Морского Флота флагман Муклевич, командарм Блюхер и начальник будущей стройки Каттель.

— Точка переносится севернее, — сказал Гамарник Гойнкису. — Выезжаем на рекогносцировку сегодня же. Вперед уже ушел командующий Амурской флотилией Исаков. Говорят, подходящее место вот в этом селении...

Он ткнул карандашом в кружочек на карте, где было написано «Пермское». Гойнкис мысленно прикинул: туда от железной дороги несколько сотен километров. Задача будет не из легких...

Это было 17 февраля 1932 года. Олевшись в тулупы

и валенки, участники экспедиции сели в автомобили — большой, песочного цвета «кадиллак» и «форд». В грузовике разместились сопровождавшие их красноармейцы. В семь часов утра машины покатали по льду, вниз по течению Амура. Погода была аховая: мороз, метель, заносы. То и дело машины застревали. Возницы встречных конных обозов удивленно глядели на невиданные в этих глухих местах автомобили. Кричали: «Куда вы? Там впереди ключи, лед тонкий, провалитесь. Осторожнее!» В опасных местах ехали тихо, впереди шел человек, выстукивая лед ломом.

Часам к девяти вечера, когда все выбились из сил, решили заночевать в приамурской деревне Троицкое. Машины пришлось бросить в шести-семи километрах от этой деревни — они безнадежно застряли в заносах. Добрались туда пешком в темноте, с большим трудом, свалились на пол в избе местной учительницы и уснули как убитые, передав по телефону в Хабаровск: «На машинах не пробьемся. Вышлите в Троицкое самолет!»

Наутро суровая дальневосточная природа смилилась над Гамарником и его спутниками: пурга прекратилась, засияло солнце. Экспедицию догнал трехмоторный самолет, он удачно сел на лед, и через 50 минут путешествие закончилось — самолет совершил посадку у высокого обрывистого берега, на котором были разбросаны приземистые бревенчатые домишки и возвышалась церковная колокольня, — это и было село Пермское. С обрыва уже катилась, словно горох, веселая детвора. Навстречу Гамарнику спешил молодой стройный моряк — начальник Амурской флотилии Исаков уже произвел здесь первую рекогносцировку и спешил доложить, что место для стройки здесь, пожалуй, подходящее...

Два дня прожили Гамарник и его спутники в Пермском. Исходили окрестности деревни, на которую со всех сторон грозно наступала тайга; военный топограф, которого они прихватили с собой, сделал предварительную съемку местности.

— Более подходящего места на всем протяжении реки в этих местах нет, — сказал Исаков.

— Ну что ж, — задумчиво сказал Гамарник. — Быть посему. Через сто лет скажут: 23 февраля 1932 года — историческая дата. И будет к тому времени на этом месте стоять город с населением этак тысяч на сто...

Действительность, как знает читатель, значительно

опередила это предположение, хотя тогда оно и казалось фантастическим — уже в 1972 году число жителей Комсомольска-на Амуре достигло 226 тысяч человек, а теперь о нем в «Большой Советской Энциклопедии» говорят так: «Второй по численности населения город Хабаровского края... Основан в 1932 году на месте тайги и болот силами прибывших со всех концов страны комсомольцев, в честь которых 10 декабря 1932 года назван Комсомольском-на-Амуре. Вытянут вдоль левого берега Амуре более чем на 20 километров. Долиной реки Силинки делится на две части. Крупный промышленный и культурный центр Дальнего Востока. Главные отрасли промышленности: судостроение (завод имени Ленинского комсомола), металлургическая (завод «Амурсталь») и машиностроение (заводы: «Амурлитмаш», подъемно-транспортного оборудования, «Металлист»). Нефтеперерабатывающий завод, работающий на нефти, поступающей с Сахалина. Лесокомбинаты, мебельная и швейная фабрики, предприятия стройматериалов. Педагогический и вечерний политехнический институты, горнометаллургический и строительный техникумы, политехнический техникум, медицинское училище. Драматический театр, краеведческий и художественный музеи».

А в солнечное утро 19 февраля 1932 года, когда Гамарник спускался с крутого берега на лед Амуре, где его ждал самолет, эту затерянную в лесах деревушку обнимала первозданная тишина, и невольно начинало чудиться, что так оно и будет всегда. За ним солдаты несли на руках двух медвежат, которых подарили гостям жители Пермского, — медведи здесь были не в диковинку, они частенько навевались сюда...

Выбор комиссии Гамарника был одобрен Москвой. В архиве крайкома партии нам показали две телеграммы. Вот они:

«№ 164. Из Москвы, 4 апреля. Гамарнику, Каттелю, Оксману. Окончательно решено, что Воронежская площадка отпадает. Надо строить в районе Пермская — Нижнекамбовская. Иное решение исключено... Начинайте работу. *Серго*».

«№ 167. Из Москвы, 7 апреля. Гамарнику, Блюхеру, Бергавину, Каттелю. Телеграмму Серго, вероятно, вы уже получили. Решение обусловлено двумя мотивами. Первое. Завод надо построить возможно дальше от границы. Возле Хабаровска было бы легче, но надо затруднить возможность нападения на него. Учтите исключительную важность завода. Второе. Завод надо построить обязательно на левом берегу Амуре, чтобы обойтись без моста через

реку, с присоединением ветки на магистраль. Считаю, что Каттелю и его работникам не следовало бы выезжать в Москву — это лишняя трата денег. Приступайте к работе скорее. *Сталин*».

Эти телеграммы говорят о многом. Во-первых, о том, какое исключительное значение придавали партия и правительство новой стройке, место для которой выбрала комиссия Гамарника, причем, как отметил Сталин, сразу же было решено, что стройка будет связана с Амурской магистралью железнодорожной веткой БАМа. Во-вторых, настойчивое требование и Сталина, и Орджоникидзе начинать работу на новом месте немедленно, не допуская пересмотра уже принятого решения, говорит о том, что у самих строителей все еще сохранились колебания — они по-прежнему склонялись к варианту Ворожежской площадки, поблизости от Хабаровска, и начальник строительства Каттель даже порывался выехать в Москву, чтобы убедить руководство в необходимости именно такого выбора.

Каттель был прав в том отношении, что решение о сооружении завода и города в далекой пока еще от железной дороги таежной глуши чревато величайшими трудностями. Но государственный резон взял верх, и будущее показало, что выбор, сделанный комиссией Гамарника, был единственно правильным в драматических обстоятельствах той эпохи.

Почти одновременно решался вопрос о другой стройке на Амуре. Срочно требовался большой, современный поселок. Его было решено строить поблизости от судостроительного, — там же, близ Пермского, несколькими километрами ниже по течению Амура, где стояло крохотное стойбище промышлявших рыбной ловлей и охотой нанайцев — Дземги.

Первым, кому выпало на долю начать подготовку будущей новостройки в Дземгах, был молодой инженер Кравцов, — его срочно командировали туда из Москвы в первой половине апреля 1932 года. В рабочих тетрадях, в которых мы записывали рассказы первостроителей четыре года спустя, эта необычная миссия отражена так.

...Поезд шел из Москвы в Хабаровск. Ночью он долго стоял на какой-то станции. За окном простуженными сиплыми гудками перекликались паровозы. Кто-то долго и надрывно свистел. Доносился скрип снега, отчаянно визжали обмерзшие снегом и льдом колеса. Инженер

Кравцов проснулся и недовольно выглянул из-под одеяла. Ему не хотелось расставаться с теплой постелью. Поеживаясь от холода, — в ту зиму поезда отапливались неважно, — пассажир подошел к окну. Прямо против вагона белела запущенная инеем вывеска: «Сковородино. Амурская железная дорога».

— В чем дело? — раздраженно спросил он.

— Опять заело, товарищ Кравцов, — отрывисто сказал вошедший в купе проводник в широком овчинном тулупе и непомерно огромных валенках. — Говорят, на перегоне рельсы разошлись, товарный состав застрял под откос...

Торопливого молодого пассажира уже знала по имени и фамилии вся поездная бригада. Говорили, что он едет с каким-то срочным заданием из Москвы в Хабаровск и очень торопится. А поезд, как назло, запаздывал. Он подолгу стоял на полустанках среди длинных товарных составов, загруженных рельсами, кирпичом, какими-то механизмами, автомобилями. Этот далекий край только начинал свою первую пятилетку, и по рельсам на Восток катили сотни эшелонов строителей, двигались нескончаемые товарные поезда. На вокзалах толпились сотни людей, казалось, в этом году никому не сиделось дома и все куда-то ехали. Людей всюду не хватало, на станциях висели большие зазывающие плакаты: «Алдану нужны строители, ветфельдшера, плотники. Оплата по соглашению. Квартирой обеспечиваются», «На стройку требуются штукатуры, нормировщики и культработники. Ударная столовая. Теплый барак».

На станции Бочкарево молодой инженер купил «Амурскую правду». Среди сводок о подготовке к посевной кампании, о производстве ширпотреба и ходе лесозаготовок он отыскал телеграммы ТАСС, лаконично озаглавленные «За рубежом». Вернувшись в купе, он внимательно прочитал их и покачал головой. Потом инженер достал из портфеля свои бумаги и углубился в них. Конечно, будет сделано все, как было приказано там, в Москве. Но сделать это, видимо, будет нелегко...

На другой день экспресс пересек Амур. На небольшом здании вокзала висела вывеска «Хабаровск». Инженер сошел с поезда, пристроился на какой-то грузовой и добрался до центра города. Закончив все необходимые формальности, договорился о том, что ему завтра дадут самолет, и отправился в холодную неудобную

гостиницу. Инженер понял, что ему придется надолго проститься с комфортом. Впрочем, его это не очень удручало. Заботила единственная мысль: как можно скорее добраться до далекого нанайского стойбища с таким неудобопроизносимым названием «Дземги».

Ровно в шесть утра привезли тулуп и валенки. Внизу, поторапливая, гудел «форд». Пора! Через минуту автомобиль помчался по занесенным снегом окраинным улочкам Хабаровска. В стороне мелькнули леса — строился новый завод. Потом автомобиль круто повернул к новеньким ангарам и остановился у въезда на аэродром. Там на снежном поле уже гудел готовый к полету самолет.

Инженер торопливо влез в кабину. Летчик отдал штурвал вперед и включил газ. Кравцов с любопытством глядел в окно. Это был его первый полет. Оказалось, что в этом нет ничего страшного, — точь-в-точь как в автобусе, только шуму больше. Зато гораздо удобнее с деловой точки зрения: сверху хорошо виден рельеф берега и легче определить, где выгоднее будет разбить площадку будущего поселка.

Самолет летел над замерзшим Амуром.

На берегах многочисленных рукавов Амура росла реденькая чахлая тайга. Тонкие стволы голых лиственниц роняли на снег косые тени. Порою тайга раздавалась, и на широкой, занесенной снегом поляне чернели обгорелые стволы, похожие на мачты ушедших под землю кораблей, — здесь осенью прошелся лесной пожар...

Кравцов посмотрел на часы. Самолет летел уже 90 минут. Морозный воздух был тих, и машина шла ровно, как по асфальтовой дорожке. Стало немного скучновато, будто самолет ползет медленно, медленно. Внизу было все то же: снег, лед, тайга. И только изредка под крылом самолета мелькали крохотные кучки игрушечных избушек, прилепившихся у берега Амура. Избенки вытягивались в одну линию — их было двадцать — тридцать. Сразу за околицей опять начинался дикий лес. Насколько мог охватить глаз, всюду теснились голые, чахлые деревья, вытянувшиеся над болотами. Они глушили друг друга, переплетались, падали, образуя непроходимые препятствия, и сверху казалось, будто вся земля заросла каким-то дрянным, бурым бурьяном, и нет ему конца и края.

Мотор рокотал четко и бесперебойно. Ветер забирал-

ся под обшивку кабины, и становилось заметно холоднее. Пассажиры кутались в свои шубы. То была пора младенчества авиации, и кабины самолетов не обогревались.

Наконец летчик убрал газ, и самолет пошел на посадку. Внизу виднелось какое-то селение.

— Это Дземги? — спросил Кравцов.

Пилот, обернувшись к нему, пожал плечами.

— Простите, но я не имел от руководства указаний о посадке в Дземгах. Мы с вами в Нижней Тамбовке. Это на сто километров севернее Дземгов. Вам придется вернуться туда на лошадях...

Еле заметная, занесенная снегом дорога вилась по замерзшей гигантской реке. Амур не похож на европейские реки. Быстрый и многоводный, он замерзает медленно, дробя и перемалывая льдины. И вот сейчас лошади тащат сани по бугристому льду, лавируя среди огромных торосов, похожих на скалы.

Становилось еще холоднее — с верховьев Амура задувала пурга. По небу ходили низкие свинцовые тучи, свирепый ветер подхватывал на лету массу снега и швырял ее поперек дороги. Вначале лошади легко пробивали неокрепшие сугробы, но пурга с каждым часом наметала снег все выше. Сани увязали в снегу. Тогда возница и Кравцов соскакивали, раскапывали сугробы деревянными лопатами, наваливались плечами, и лошади, тяжело хряпая, вытаскивали сани из сугроба.

Так продвигались они несколько суток, ночуя в редких, разбросанных по берегу Амура стойбищах. Наконец возница сказал Кравцову:

— Однако, доехали. Вот те и Дземги...

Кравцов увидел на отлогом берегу около десятка убогих нанайских жилищ, сложенных из жердей и сверху обмазанных глиной. Эти фанзы неровной чередой рассыпались вдоль Амура. Перед каждой из них стояло вешалое из жердей, на нем болтались распластанные вяленые рыбы. Позади или сбоку фанз располагались поставленные на сваях амбары. Стойбище оглашал свирепый собачий вой и лай — грызлись своры ездовых собак, связанных к большим кольям.

В нескольких километрах к югу, за речкой Силинка, лежало небольшое русское село Пермское. Кравцов знал, что в будущем на месте Пермского и Дземгов вырастет один большой город, — и там и здесь должны были строиться крупнейшие заводы. Нет ли там, в Перм-

ском, кого-либо из строителей? Надо бы съездить туда...

Кравцов не ошибся. В Пермском уже орудовал энергичный молодой коммунист Амо Аствацтурьян — один из трех друзей из треста Заводстрой, которые первыми выразили желание ехать на стройку на Дальний Восток. Он пришел в Пермское по льду из Хабаровска с обозом — надо было хоть кое-как подготовить деревню к приему первой партии строителей Дальпромстроя. Обоз полз по Амуру 14 суток, пробиваясь сквозь пургу. Лошади скользили и падали. Аствацтурьян, кутаясь в полушубок, шел пешком за санями и угрюмо поглядывал на неприветливые берега широкой реки. Добравшись до глухой деревни, он взялся за работу.

Со стороны казалось, будто ему нет ровно никакого дела до той обстановки, в какой ему приходилось начинать стройку будущего города. Он действовал так, точно сейчас ему поручено самое будничное задание где-нибудь в подмосковной деревне. Аствацтурьян заготавливал сено, готовил рыбную базу, учитывал жилищную площадь. Но, по правде говоря, никакой жилищной площади в Пермском еще не было, и он лишь прикидывал, как разместить будущих строителей на чердаках деревенских изб и в сараях.

Аствацтурьян очень обрадовался своему гостю. Они долго беседовали о будущем города, о новостройках. Что ждет их? Оба они, несмотря на свою молодость, были достаточно практичными людьми и прекрасно понимали, с какими трудностями им предстоит встретиться.

Комсомольцы целый день бродили по берегу. Инженер Кравцов с огромным интересом осматривал этот дикий угол. Он добросовестно вымерял площадку, прикидывал возможные варианты расстановки домов и невольно ловил себя на одной и той же мысли: неужели это не сон? Неужели они, взрослые, деловые люди, всерьез говорят об этом захолустье как о будущем городе?

Если это так, тогда вот здесь, на этом мерзлом болоте, должны быть доки. Здесь, где сейчас густо растут березы, встанут заготовительные цехи. А тут, вот по этому следу зверя, пройдет асфальтированная дорога к складам. Отлично! Левее, нет, чуть дальше к сопкам, начнется город. Ведь здесь будет не один завод. Там, где рождается один гигант, сразу растет целая семья их. Город...

Небо уже темнело, и на нем зажглись звезды — та-

кие яркие, каких инженер нигде еще не видел. Луна заливала Амур ровным голубым светом, и мерзлый снег, хрустевший под ногами, искрился синими огоньками. Где-то на том берегу Амура чернели грозные, обрывистые скалы, заросшие густой щетиной дремучего леса. Кравцов невольно залюбовался этим суровым пейзажем.

Было тихо. Кравцов вспомнил, что ближайший паровоз находится в четырехстах километрах отсюда, а ближайший трамвай — за тысячу километров, и невольно улыбнулся — жителя больших городов, привычного к уличному грохоту, такая таежная тишина оглушает больше, чем самый сильный городской шум.

Где-то левее мирно дремала засыпанная снегом деревня. Даже собаки, сморенные сном, перестали лаять.

В каком году, в каком веке все это происходит? Инженеру показалось, что он теряет ощущение времени. Вот так же тихо дремал этот лес десять, пятьдесят, сто тысяч лет назад. Человек не задерживался в этом ди-ком, хотя необычайно богатом крае. Он кочевал мимо него в поисках других, более вольготных земель.

Сегодня днем словоохотливые бабы рассказывали о том, как возникло село Пермское. Эту бльь они слышали от своих дедов. Когда-то в шестидесятых годах прошлого века царское правительство начало переселять на Дальний Восток крестьян из Европейской России. И вот сюда, на Амур, через всю Сибирь погнали пешком тамбовских, пермских, полтавских мужиков. На берегах угрюмой, быстрой реки солдаты линейных батальонов наспех сколачивали деревянные срубы, законпачивая их травой. Измученных дальней дорогой, изголодавшихся, обносившихся мужиков приводили в эти дикие места, в болотную мокроту, в перелески и приказывали им селиться здесь на вечные времена. Так рождались Тамбовки, Пермские, Полтавки...

Когда-то здесь, на этом глинистом косогоре, находилось нанайское стойбище. Нанайцы ловили рыбу и били зверя. Голодные пермские мужики, осевшие табором возле стойбища, опасливо косились на своих соседей. Они привезли с собой вековой опыт земледелия, и им была странна эта кочевая жизнь охотников. На глинистой сырой земле, очищенной от пней, пермские мужики пытались сеять хлеб — точно так же, как сеяли его на родине, за Уральским хребтом. Но здешняя земля требовала иных приемов, иных методов земледелия, и

переселенцы, посеявшие рожь, не собрали даже семян.

Конечно, если бы тогда здесь, в тайге, каким-то чудом оказался опытный агроном, он помог бы переселенцам найти лучшие земельные участки и начать обработку земли новыми приемами. Но чудес на свете не бывает, и все кончилось тем, что пермские мужики пошли на выучку к нанайцам и, оставив земледелие, стали тоже промышленять охотой и рыболовством.

Заселение края продвигалось очень трудно, болезненно, медленно. Города, заложенные царскими чиновниками, хирели от вынужденного безделья, — это были казенные, искусственно созданные центры, лишенные всякой промышленности. Здесь, в низовьях Амура, прозябал забытый всем миром город Николаевск. Он существовал уже несколько десятков лет, но так и остался казенным, бесприютным поселением. Почта приходила сюда пять раз в год, чиновники потягивали американский ром, лабазники сбывали подмоченную прелую муку, и за целые десятилетия едва ли прибавлялся в городе хотя бы один дом...

Кравцов усмехнулся, отгоняя унылые мысли, и сказал вслух, убеждая самого себя:

— Стало быть, строим здесь город...

Он еще раз оглянулся по сторонам. Луна взошла высоко, и оголенные сучья лиственниц бросали резкие тени на снег. Внизу лежал широкий Амур. Лунный свет причудливо преломлялся в огромных ледяных торосах. Далеко к горизонту уходили горные хребты, покрытые снеговыми шапками, — сопки замыкали в кольцо широкую приамурскую долину, густо заросшую лесом. Деревушка, оттесненная тайгой к самому обрыву, лежала на берегу, беспомощная и жалкая. Облитые лунным светом, серые домишки казались какими-то неестественными бутафорскими декорациями, чуждыми этой величественной картине.

Когда Кравцов и Аствацатурян вернулись в жарко натопленную избу, там уже спали вповалку лесорубы, пришедшие с обозом. Кравцов разостлал на полу свой тулуп и улегся рядом с остальными участниками экспедиции. Ему не спалось, и он долго ворочался с боку на бок, машинально прикидывая возможные варианты графиков строительства.

Вернувшись на завтра в Дземги, Кравцов приступил к работе. Долго уговаривал нанайцев поступить на строй-

ку, но они противились. Эти люди были очень гостеприимны. Они отказывались брать плату за помещение и за рыбу, которой они кормили гостя. Охотно давали ему собак, лыжи для служебных поездок. Уступили ему лопаты, топоры, пилы, которые каким-то чудом нашлись в фанзах. Однако, когда разговор заходил о работе, они вежливо, но упрямо отказывались:

— Моя работай не могу. Моя охота ходи, рыба лови...

Когда нанайцы узнали, что здесь, в стойбище, будет строиться поселок, они сразу заторопились на новые места. Кравцов прилагал все усилия, чтобы купить у них фанзы — многие отказывались от денег. С большим трудом ему удалось вручить хозяевам за все стойбище 3640 рублей. Нанайцы остались очень довольны, благодарили Кравцова и грузили на нарты свой скарб. Они переселились вверх по Амуру в стойбище Экань. Строительное не забыло о них — впоследствии им помогали на новых местах: дали гвозди, печные приборы, стекло, железо. Нанайцы опять благодарили, но на стройку не шли, охота и рыбная ловля — промысел дедов и прадедов — им были милее.

На Амуре еще стоял лед. Кравцов уныло ходил по опустевшему стойбищу. Ему с трудом удалось нанять всего шестнадцать рабочих — случайных людей, завербованных частью в Пермском, частью в других селениях на берегах Амура. Рабочие оборудовали временные причалы в ожидании будущих пароходов, измеряли подъем воды в реке, заготавливали кое-какие материалы. И Дземги и Пермское были оторваны от всего мира. Нетрудно представить себе, как нетерпеливо ожидался здесь первый пароход!..

И вот в ночь на шестое мая Аствацгурьян и Кравцов проснулись от страшного грохота. Казалось, где-то рядом идет оглушительная орудийная пальба. Стояла глухая темная ночь. Люди бежали к берегу. Из мрака доносился несмолкающий шум и треск. Кто-то из старожиллов буднично сказал: «Пошел!»

Внезапно Кравцов увидел огромную льдину, которая выползла из мрака на берег к его ногам. Где-то там, на середине реки, слышался странный хрустальный звон, шуршание, какие-то тяжелые глубокие вздохи.

Когда взошло солнце, Амур предстал в совершенно новом ослепительном виде. Лишь кое-где плыли запоз-

далые льдины. Широкая река, освободившаяся от зимнего покрова, плавно катила высокие волны. Вдоль берегов громоздился четырехметровый ледяной барьер — жалкие остатки разорванной в клочья зимней шубы Амура. Прибрежные лозняки были смяты, раздавлены, срезаны, точно здесь прошел гигантский плуг.

Путь из Хабаровска был открыт. Начиналась навигация — первая навигация нового строительства...

Эшелоны шли на восток

Это было в марте — апреле 1932 года. В Москве и Хабаровске в самом разгаре была дискуссия о том, где же строить новые заводы на Амуре и город. Но время не ждало, при любом варианте решения надо было спешить с подготовкой к строительству, и на восток уже шли эшелоны с комсомольцами, мобилизованными ЦК ВЛКСМ. Двигались поезда в ту пору медленно, и расчет был такой: пока комсомольцы доберутся до Дальнего Востока, адрес их строек определится.

Люди ехали на восток со всех концов страны — из Ленинграда, из Москвы, с Северного Кавказа, с Украины. Давайте же поглядим на это «великое переселение народов», как в шутку прозвали его потом первостроители Комсомольска, — мы расскажем здесь лишь об одном эшелоне, который шел в Хабаровск с Украины. Для Ивана Сидоренко и его друзей из Запорожья история эта сложилась так...

Все началось третьего марта. Где-то там, на берегах Амура, скованного двухметровым льдом, выла снежная пурга, и люди кутались в шубы. Здесь же, на берегах Днепра, где неподалеку от знаменитой на весь мир гидроэлектростанции строился завод ферросплавов, в этот день было солнечно, и трое комсомольцев, неразлучных друзей, вышли на работу без пальто. Никто из них не подозревал, что нынче по-новому решается их судьба.

Ребята прибыли сюда, на берег Днепра, сравнительно недавно с особым заданием, которым каждый из них очень гордился. Трое друзей официально именовались «буксирной бригадой». Они должны были передать Днепрострою опыт прославленного комсомольского батальона, поставившего на стройке Харьковского тракторного завода мировой рекорд по укладке бетона.

Смуглый черноглазый парнишка, с густыми сросшимися бровями и курчавой шевелюрой, взбежал по лесам на самый верх гигантского корпуса завода ферросплавов. Здесь, на высоте 34 метров, работала женская ударная бригада бетонщиц, которой он сейчас руководил. Сегодня надо было закончить бетонировку последнего бункера. Молодой бригадир выглядел не очень мужественно — пухлые, почти детские щеки выдавали его юный возраст. Но на стройке Харьковского тракторного он прошел отличную школу, и теперь его имя приобрело всесоюзную известность. Портрет красивого кудрявого бетонщика обошел всю печать. Когда закончилась стройка тракторного завода, он получил замечательную премию: вместе с группой ударников совершил на теплоходе «Украина» рейс вокруг Европы, побывал в Берлине, Лондоне, Неаполе, Стамбуле и вот вернулся снова на стройку — крупнейшую стройку юга.

— Сидорен-ко-о!

Черноглазый бетонщик глянул вниз. Что случилось? Его друзья Козырев и Зозуля, которые должны были, по его расчетам, уже начать работу, стояли у подножия башни и отчаянно махали руками.

— Иди сюда!..

Видимо, произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Ребята! Какого черта работу бросили? Не могли перерыва дожидаться?

Сидоренко на Тракторострое командовал комсомольским батальоном, и Козырев с Зозулей, как бригадиры, ему подчинялись. Теперь они были равноправными работниками, но по старой памяти Сидоренко еще командовал ими. Вот и сейчас, заслышав оклик «комбата», бригадиры смутились и, путаясь от волнения, доложили, что произошло чрезвычайное происшествие. Полчаса тому назад Зозулю мобилизовали на Дальний Восток. Для чего, пока неизвестно. А Козырева скоро возьмут в армию. Ведь его год уже вышел!..

— Выходит, ты тут один будешь куковать...

Сидоренко снял кепку и почесал затылок. Действительно, получалось нехорошо. Но он тут же нашел выход:

— Все в порядке, мы останемся вместе — едем на Дальний Восток...

— Как?

— Очень просто. Козыреву все равно призываться,

а меня как-нибудь отпустят. Ведь там люди нужнее. Бетошировку мы сегодня кончаем. Пошли! Сейчас зайдем в комитет комсомола, а потом в военкомат насчет Козырева...

Назавтра трое друзей выехали в Харьков. Там комплектовался эшелон мобилизованных. Их провожала гурьба комсомольцев, одетых в светлые весенние костюмы. Ярко светило солнце, зеленела молодая трава. Вслед поезду кричали какие-то хорошие, дружеские слова, но разобрать что-либо было трудно, — поезд быстро набирал скорость.

В Харькове Сидоренко сел в автобус и уехал за город на Тракторный завод. Он нашел друзей, оставшихся после стройки в цехах, тепло попрощался с ними и вернулся незадолго до отправления эшелона. Эшелон этот выглядел весьма непривлекательно, комсомольцы тут же прозвали его «телячьим экспрессом». В простых товарных вагонах наскоро ставили чугунные печки, настилали деревянные нары, развешивали железные фонари. Никто не знал, куда и зачем едет этот поезд. Одни говорили, что комсомольцев шлют на войну, другие доказывали, что им придется искать золото, третьи болтали о каком-то морском походе на Камчатку. Сидоренко внимательно прислушивался к этим разговорам, но сам молчал. Когда его спрашивали, куда он едет, бригадир уклончиво отвечал:

— По мобилизации ЦК.

У одного вагона, самого грязного из всех, раздался шум. Оказывается, группе комсомольцев достался вагон, из которого только что выгрузили уголь. Кто-то зло кричал:

— Криворожская организация не заслужила такого позора! Криворожье выполнило пятилетку в три года!..

Обидевшегося парня тянула за воротник пышноволосяя девушка, одетая в мужской костюм. Она энергично размахивала тряпками и уговаривала:

— Нема часу. Я ж кажу, нема часу... Визьми тряпку, зараз мы его вымоем... А то поезд пойдет, будешь в грязном вагоне ехать!

Сидоренко хотел вмешаться в этот спор и помочь девушке, но в этот момент он увидел статного молодого парня в аккуратно пригнанной юнгштурмовке и громко завопил:

— Крикун! Коля... Откуда?

Встреча была неожиданной. Сидоренко потерял этого парня из виду два года назад. Тогда они оба были юнцами. Это было в тихом украинском городке Орехове. Крикун учился в школе ЦИТ, а Сидоренко был в этой школе секретарем комсомола. Они дружили. Потом, как это часто бывает, судьба их раскинула по разным стройкам, и вот...

— Неужели на Дальний Восток?

— Так точно. А ты?

Паровоз неожиданно свистнул, дернул длинный состав. Вагоны замелькали мимо. Сидоренко вспомнил, что его теплушка находится в голове поезда, махнул рукой и вскочил в вагон к Крикуну. Здесь он нашел еще целую группу старых друзей из Орехова. Это было великоленно. На Дальний Восток ехала уже целая компания своих ребят, и что бы там ни случилось, эта компания сумеет себя показать...

Эшелон шел медленно. Комсомольцы на остановках бегали от одной теплушки к другой и заводили знакомства. Очень жалели, что не было девушек, — на весь поезд одна, та, что была одета в мужской костюм. Все удивлялись: как это так, — на войну и вдруг едет девушка? Но бригадир криворожцев, высокий, статный комсомолец с веселыми голубыми глазами, Борис Выбицкий, неустанно разъяснял с деловитым видом:

— Она у нас особенная — за двух парней постоит! Она у нас днем плотником работала, а по вечерам на прорыве в шахте вагонетки катала...

Лена Нищенко сконфуженно поправляла на себе рабочий костюм. Была эта комсомолка очень бойка и жизнерадостна. Она с радостью ехала в далекое путешествие и неустанно рассказывала всем, как ее мобилизовали.

Бойкие ребята из Киева пробовали ее дразнить. Нищенко не смущалась, она протягивала руку зубоскалам для дружеского рукопожатия и так стискивала им пальцы, что у них навсегда пропадала охота болтать о слабосилии девчат.

Ехали организациями: вагон киевлян, вагон одесситов, вагон запорожцев... В пути выпускали стенные газеты, играли в шахматы, читали лекции, стирали белье. Поезд подолгу стоял на узловых станциях, и комсомольцы старались осмотреть все, что только удавалось. Некоторые отставали от эшелона и потом догоняли его с

курьерским. Такие происшествия сурово осуждались, и виновных ругали на общевагонных собраниях.

Сидоренко любил путешествовать. Запасливый и аккуратный, он хранил при себе комплект любопытнейшей газеты, редакция которой ежедневно меняла свой адрес. В заголовке первого номера значилось «Балтийское море». Второй номер вышел с новым адресом: «Кильский канал». На третьем гордо значилось: «Па-де-Кале — Ла-Манш», на четвертом — «Кадикский залив (Испания)». Газета называлась «Второй рейс» и кочевала вместе со своими читателями вокруг Европы на борту теплохода «Украина».

Когда с неба моросил дождь и обитатели вагона за-двигали двери теплушек, устав обозревать сибирские равнины, Сидоренко доставал из чемодана свои листки, и комсомольцы собирались вокруг железной печи. Хотя и заранее знали, что будет он читать, все с огромным любопытством и завистью всматривались в лицо бригадира: он повидал за свою короткую жизнь чертовски много! Сидоренко откашливался и важно начинал:

«Дневник экскурсии.»

21 августа. До 12 часов ночи любовались освещенными берегами Италии. В 6 часов 30 минут причалили к берегу. Фашистская портовая милиция карабкается на трап. До 4 часов утра штаб разрабатывает план пребывания в Генуе.

22 августа. В 10 часов утра часть ударников усаживается в автобусы и едет осматривать город, другая часть, в специально поданном трамвае, едет осматривать артиллерийский завод «Ансальдо».

23 августа. После завтрака все ударники и часть свободной от вахты команды вместе с советской колонией отправляются специальным поездом в Раппало. Здесь, на международном курорте, буржуазная публика разинула рты при виде советских ударников.

24 августа. В 6 часов разъехались — частью в Милан, частью в Турин, на предприятия концерна «Фиат»...

Потом бригадир торжественно читал какие-то непонятные слова и тут же переводил:

«Дате ми манджаре — дайте мне покушать; кванте операи личенциато дуранте квесто мезе да квесте оф ичина — сколько рабочих уволено за последний месяц с этого предприятия; кванта коста квеста роба — сколь-

ко стоит эта вещь; *ио соно мембро де ля бригада* — я ударник, рабочий...»

— *Мембро де ля бригада...* — машинально повторил вдруг Крикун, — мембро де ля бригада... Вот и наша бригада будет ударная, да? Я слышал вчера от начальника эшелона, — только вы не болтайте, хлопцы, — будто мы будем строить на море какой-то судостроительный завод. И вот, когда мы тот завод закончим, тогда мы построим огромный корабль и поедem на нем вокруг света. Вот будет здорово, а? Поедем в Индию, на Цейлон, вокруг Африки. И будем тоже издавать газету — «Третий рейс»... Нет, лучше не так. Лучше назовем ее «Комсомольский рейс»...

Поезд вздрогнул и остановился, лязгнув буферами. Ваня приоткрыл дверь и отстранился от щели — в нее били холодные брызги докучливого весеннего дождя. По мокрому дощатому перрону бегали люди с ведрами и жестяными чайниками. Толпа промокших комсомольцев окружила какую-то старуху, цепко державшую в своих руках крохотную черную булочку. Ей совали пачку денег, а она все еще не решалась назвать цену своему сокровищу и испуганно отстраняла руки комсомольцев. У киоска с надписью «ЗРК» стояла длинная очередь. Было холодно, сыро и неуютно.

Крикун вздохнул и мечтательно продолжал:

— И вот приезжаем мы, Ваня, в теплые страны. Светит солнце, и всем нам жарко. В порту стоят сто, нет — тысяча кораблей. А наш корабль, — такой белый, с голубыми трубами, — самый большой и самый красивый. А на мачте у него красный флаг. И тут все выбегают и кричат нам «ура».

Ваня язвительно перебил:

— И тут ты проснулся...

В вагоне засмеялись. Крикун обиженно отвернулся и замолчал. Немного погодя он встал и сказал куда-то в пространство:

— Не знаю как кто, а я на первый корабль попаду. Хоть матросом, хоть коком, а обязательно попаду...

...Поезд шел все дальше на Восток. С каждым днем становилось все холоднее. Запасливые днепростроевцы натянули новые сапоги, приобретенные перед отъездом, и закутались в теплые одеяла. Беспечные одесситы, выехавшие из родного города в летних костюмах, отчаянно мерзли и проклинали сырой климат Востока. Единствен-

пая девушка эшелона Лена Нищенко тоже ежилась от холода, засовывая руки поглубже в карманы своих брюк, но не подавала виду и громко распевала украинские песни.

За Байкалом начались первые ссоры. Одесский слесарь Владимир Крячко читал вслух унылые стихи и поговаривал, что в таком неуютном климате у него может исчезнуть поэтический дар. Его могли мобилизовать, но никто не вправе убивать в нем таланта. Лежавший рядом с Крячко его друг, краснощекий котельщик Михаил Ильин, язвительно острил насчет того, что терпение и выносливость не принадлежат к числу добродетелей поэтов.

Киевский инструментальщик Датюк, подняв воротник модного осеннего пальто, угрюмо и раздражительно бубнил, что незачем ехать в это де-ве-ка. К его разговорам внимательно прислушивался один тихий плечистый паренек с лукавыми глазами, запавшими глубоко под бровями. Этот паренек за всю дорогу не проронил ни слова, и все как-то не замечали его. Но однажды, когда Датюк ораторствовал особенно яростно, этот парень встал, натянул на голову свой старенький картуз, взял деревянный сундучок и, дождавшись остановки, вылез из вагона. Он пробежал вдоль состава и вошел в теплушку к макеевцам. Здесь было тише. Паренек робко поставил свой сундучок в углу, сел на него и опять начал прислушиваться.

Кто-то спросил:

— Откуда ты, хлопец?

Он степенно ответил:

— Макаренки мы. С «Арсенала». Плотники...

В другом эшелоне ехали ростовские комсомольцы, путевки которых были подписаны Минкиным. Заместителем коменданта эшелона по политической части был молодой осетин Хазбулат Зангиев, недавно демобилизовавшийся с Черноморского флота. Черноволосый, кареглазый морячок, щеголявший в своей краснофлотской форме, был веселым парнем, отличным спортсменом, человеком неистощимой выдумки. Несмотря на то, что Хазбулат был не в ладах с русским языком, это не мешало ему сразу найти контакт с ребятами. Вокруг Зангиева немедленно образовался кружок таких же, как он, энергичных парней, помогавших поддерживать в коллективе хорошее настроение и соблюдать дисциплину в

лучшем виде. Это были ростовчане Павел Шве́ц, Миша Ду́рнев, Андрианов и другие.

По вечерам, когда начинало смеркаться и ребят подчас охватывала какая-то неясная грусть, Зангиев вдруг принимался читать стихи своего любимого поэта Косты Хетагурова. «Тише, тише! Слушайте Косту!» — говорили комсомольцы. И вот так неожиданно имя Коста, перешагнувшее на более привычное русскому слуху Костя, прилипло к Зангиеву, — его самого начали звать Костей, а настоящее имя — Хазбулат — было забыто...

Кончился март. Начался апрель. Скоро уже месяц, как тронулись на восток эшелоны, а конца пути все не было видно. Разговоры в вагонах утихли. Перестали петь. Но головы комсомольцев по-прежнему торчали из люков теплушек, их любопытные глаза не уставали глядеть на большой, просторный мир.

«Колумб» открывает новый мир

На тридцать пятые сутки ребята увидели Амур. Широководную реку переезжали по какому-то необыкновенному мосту длиной в несколько километров. Потом поезд остановился. Это был Хабаровск. Пришли начальники и сказали: дальше поезд не пойдет. Эшелон разгрузили.

В Хабаровске шла напряженная работа. Там уже суеился только что приехавший из Москвы сорокадвухлетний начальник строительства Каттель, для солидности отпустивший себе длинную реденькую бороденку какого-то соломенного цвета.

Начальник метался из одного учреждения в другое, добывая баржи, муку, грузовики, пишущие машинки. Управления строительства пока еще не существовало, его на первых порах заменяла группа комсомольцев, подобранных Каттелем из числа прибывших по мобилизации.

Начальнику помогал Лева Качаев, плотный румяный парень с чуть озорными ореховыми глазами, второй из троицы первых добровольцев из треста Заводстрой. Ему было поручено вместе с комсомольцами Ермаковым, Пальчиковым и Трегубовым принимать «кадры». Это была нелегкая задача: эшелоны прибывали в Хабаровск один за другим, а направлять комсомольцев вниз

по Амуру можно было только с началом навигации — не раньше 12 мая. До этого приходилось рассылать комсомольцев на разные стройки края. Комсомольцев отправляли во Владивосток, Спасск, в Никольск-Уссурийский.

Часть из них — человек пятьдесят — попала в село Воронежское, где первоначально намечалось строительство судостроительного завода. Комсомольцы там жили в бараках и пока что строили баржи, которые почему-то называли «халками». Там орудовал третий из друзей с Заводстроя — стройный черноволосый парень Сергей Шефтелевич.

Шефтелевич помогал руководить строительством барж инженеру-коммунисту Якову Петровичу Варенцову и вел активную общественную работу. Комсомольцы избрали его секретарем своей ячейки.

Украинцам повезло: им не пришлось скитаться по краю. Когда их эшелон на тридцать пятый день путешествия прибыл наконец в Хабаровск, вопрос о выборе площадки для строительства уже был окончательно решен, и пароходы, которые должны были доставить в Пермское первую партию молодых строителей, уже стояли у причала. Туда и направил украинцев сразу же Лева Качаев.

Пароход назывался «Колумб». Это было большое двухэтажное судно с высокой тонкой дымовой трубой и огромным гребневым колесом за кормой. Михаил Ильин авторитетно разъяснял, что этот корабль американского типа — такие плавают по реке Миссисипи, он видел их на картинке в старинном журнале «Вокруг света». Датюк пожимал плечами и, сплевывая за борт, говорил, что это один обман и что в тайге пароходов не будет — там плавают только на лодках. Практичный Макаренко спустился в трюм, чтобы поскорее занять место на нарах.

Михаил Ильин с приятелем предпочел остаться на палубе. Любитель аллегорий, он настойчиво доказывал Крячко, что в названии парохода есть особый смысл: «Колумб» идет открывать новые земли. Крячко вяло соглашался, уныло поглядывая за борт. Ему не нравилась эта странная река, по которой пятого мая еще плывут льдины, в Одессе в мае он мог бы уже купаться...

Дряхлый пароход медленно полз по течению. Вяло шлепали по воде лопасти его огромного гребного ко-

леса. Было холодно и сыро. Над Амуром стлался промозглый туман.

Впереди «Колумба» шел еще один пароход — «Коминтерн». На капитанском мостике флагмана стоял начальник стройки, одетый в коротенькую кожаную курточку, кончавшуюся у пояса. Он зябко тер руки и поминутно поднимал к глазам бинокль, болтавшийся на шее. Впереди он не видел ничего утешительного — там сплошные льды. В низовьях Амура ледоход еще не начался, и пароходы то и дело останавливались у кромки медленно сползавших льдин.

Начальник заставлял капитанов пробиваться вперед. Капитаны нервничали, ругались и кричали. Обшивка бортов трещала, и по воде прыгали свежие крашенные щепки. В конце концов пароходы все же останавливались и ждали, пока не поредеют льды.

Многие были недовольны — замерзли и хотели есть, а есть было нечего. В Хабаровске было объявлено, что пароходы дойдут до Пермского за сутки, поэтому каждому комсомольцу дали на руки по селедке и по 400 граммов хлеба. Но водное путешествие длилось уже четвертый день. Делегации шли к капитану, требовали у него продуктов, но испуганный капитан заперся в каюте и не отвечал на стук.

Вечером на третий день с парохода «Коминтерн», шедшего впереди «Колумба», отчалила шлюпка. В ней оказался уже знакомый украинским комсомольцам общительный и веселый Лева. Когда лодка приблизилась, все просияли:

— Вот это дело!..

Лева ловко бросал на борт большие буханки хлеба, банки с консервами, мешки с пшеном. Потом он вспрыгнул на борт сам и шутливо отрапортовал комсомольцам:

— По приказанию начальника строительства назначен старшей кухаркой «Колумба». Где у вас тут коки?

Суп варили долго — до 4 часов утра. Но все терпеливо ждали, и никто не ложился спать. Зато после этого необычайного обеда, когда над Амуром взошло солнце, настроение заметно изменилось к лучшему. К тому же рассеялся туман, льды двинулись вниз, и пароходы, выбрав якоря, пошли за ними.

Впереди на «Коминтерне» тоже не спали. На корме, как обычно, собралась группа ребят, и черноглазый москвич Сергей Шефтелевич, одетый в военную гимна-

стерку, затягивал слабеньким своим тенорком песню собственного сочинения:

Кругом сопок обошли,
На Амуре встали...

Комсомольцы обнимали друг друга за плечи и все вместе жестко рубили:

Эй, эй, их-ха-ха,
На Амуре встали...

Лева, насытивший пассажиров «Колумба», блаженно улыбался. Добродушный и привязчивый, он уже чувствовал себя тут своим человеком. Поискав кого-то глазами, он подошел к девушке, одетой в мужской костюм, и дружески сказал ей:

— Слышишь, как москвичи заливаются?

Лена Нищенко видела Леву впервые. Но этот румяный парнишка говорил так душевно, что ей показалось, будто она уже давно дружит с ним. А тенор с «Коминтерна» опять звонко вытягивал:

На Востоке можно жить,
Есть что строить, соорудить...

И снова хор рубил:

Эй, эй, их-ха-ха,
Есть что строить, соорудить...

Лева подмигнул Лене:

— А говорят, что украинцы хорошие песни знают. Неужели же наш «Колумб» отстанет?

Лена потрянула головой; она нырнула в трюм, созвала ребят, и скоро над Амуром поплыла еще одна песня — громкая и протяжная душевная украинская песня.

Пароходы теперь шли быстрее. Фарватер был чист ото льда, и «Колумб» заметно обгонял флагмана.

Утром на пятый день плавания «Колумб» и «Коминтерн» дали протяжные гудки. С крутого берега залаяли собаки. Тридцать бревенчатых изб стояли на косогоре. За ними шумели голые, лишенные листвы березы.

— Лево на борт!

Капитаны вели пароходы к берегу. Это был конец пути.

Комсомольцы сошли по сходням на берег и выстроились у воды. Чемоданы лежали рядом. Пассажирам «Колумба» очень хотелось познакомиться с пассажирами

«Коминтерна». Особенно интересовалась флагманским пароходом Лена Нищенко — она видела на борту «Коминтерна» целую группу девушек.

Но времени для знакомства не было — надо было успеть до вечера разгрузить пароходы и соорудить хоть кой-какое жилье для ночлега. Бригад еще не было. Были города — Москва, Одесса, Ростов, Киев. Вот так, городами, и пошли на разгрузку. Трудно было понять, кто здесь старший, кто начальник. Сидоренко организовал своих земляков. Нищенко шла с криворожцами. Макаренко присоединился к макеевцам. После того как он наслушался речей Датюка, ему не хотелось быть вместе с киевлянами.

Разгружать пароходы без сноровки было нелегко. Тяжелые чугунные части каких-то машин резали плечи. Четырехпудовые мешки гнули ребят к земле. Бочки с соленой рыбой катились по сходням неровно, и казалось, вот-вот упадут в воду. Сидоренко и Крикун быстро устали, но старались не подавать виду и весело покрикивали на отстающих:

— А ну, чья возьмет — «Колумб» или «Коминтерн»?

Среди комсомольцев, разгружавших «Коминтерн», выделялась бойкая группа веселых ребят во главе с крутолобым парнем в морском бушлате — это был уже знакомый нам Хазбулат Зангиев, прозванный Костей. Моряк плохо говорил по-русски, но он очень быстро сумел организовать комсомольцев, и теперь они понимали его с полуслова. Эта группа быстрее всех перетаскала свои ящики и принялась помогать остальным комсомольцам.

Часа в три дня кто-то подал знак — кончай работу!

Ваня Сидоренко выпрямился. Рядом на пригорке стоял начальник стройки. Он сгорбился больше, чем обычно, и руки у него немного тряслись, — для поднятия духа комсомольцев он таскал ящики вместе с ними. Сейчас открывался митинг. Первый митинг в будущем городе!

Одесский котельщик Ильин толкнул под бок Крячко и весело улыбнулся:

— Вот тема для вступления к поэме, а ты искал!..

Крячко буркнул что-то неопределенное и посмотрел на свои ладони, ободренные до крови.

С пригорка говорил начальник. Потом выступил капитан одного из пароходов — он был старым партиза-

ном. Потом предоставили слово тому самому матросу, который разгружал «Коминтерн» — Косте Зангиеву. Костя говорил не очень складно, но его речь всем понравилась своей напористостью и убежденностью. Вот как записал ее тогда один из первостроителей города Александр Грачев, впоследствии он воспроизвел эту речь в своем романе «Первая просека»:

«— Мы скоро будем самый богатый страна в мире. Сталинградский и Харьковский заводы построили? Построили. Челябинский тракторный строим? Стрёмим! А Магнитострой, а Хабиногорск! А почему? А потому, что наш большевистский партия сказал народу: надо строить, чтобы богато жить и чтобы врагу по зубам дать, если полезет воевать. А мы зачем приехали за десять тысяч километров? Чтобы тоже строить! Тут некоторый пугает: вот придет стая медведей и нас сожрёт. Сожрёт, сожрёт!.. А мы кто — ишак или козявка? Не пугайте нас, пожалуйста, некоторый граждане! Мы обязательно не уедем, пока не построим город. Какие хочешь трудности выдержим. Раз партия так сказала комсомолу. Ура, товарищи!..»

Потом разгрузка продолжалась. Она шла до глубокой ночи. Сначала грузы сваливали на берег, прямо в песок; потом, когда пароходы уже ушли, начали переносить их повыше. Закончив работу, измученные, усталые комсомольцы попадали на землю и уснули мертвым сном. Но спать им удалось не больше часа — их разбудил ледяной ливень. Тогда промокшие, продрогшие люди начали ставить палатки. Мокрый, негнувшийся брезент с трудом удавалось натянуть на колья. Налетевший откуда-то ветер, точно издеваясь над усталыми людьми, рушил палатки, и все приходилось начинать сначала.

Сидоренко, яростно ругаясь, натягивал скользкий канат и в десятый раз расправлял мокрые полотнища, натыкаясь в темноте на какие-то пеньки. Комсомольцы тащили откуда-то валежник, складывали костер и пытались зажечь его. Мокрые сучья шипели, дымили, но в конце концов разгорались, и комсомольцы, собравшись в кружок, грели исцарапанные руки.

Простуженный Крикун хрипел:

— Сильна тайга, сильна!..

Сидоренко, довольный тем, что палатка наконец была туго натянута на колья, иронически спрашивал:

— Ну, а как насчет рейса в тёплые моря?

И Крикун обиженно откликнулся:

— И поеду. Вот увидишь, поеду! Хоть кочегаром, а поеду...

На берегу вспыхнул еще один костер. Потом еще один. Теперь уже весь берег Амура пылал огнями, и длинные мохнатые тени метались на ярко освещенной земле. Далеко в стороне темнели серые избы Пермского. Деревня спала, плотно притворив ставни своих окон. Новый город начинался здесь, у пылающих костров.

Испытание

Многие годы спустя будут вспоминать об этом времени с теплой улыбкой.

Они станут опытными хозяйственниками, партийными работниками, квалифицированными специалистами. Они будут жить в большом и шумном городе, ездить в автомобилях по мощеным улицам, ходить в театр и читать ежедневно городскую газету. Они будут подшучивать над тем, что было в первые дни стройки: «Вот какие мы были неумелые!»

Но сейчас им не до шуток. Сейчас они взволнованы и целиком поглощены работой. Пусть эта работа выглядит странно с точки зрения современных производственных процессов, но ведь им приходится начинать город на голом месте, голыми руками, и каждый из них делает то, что подсказано ему собственной смекалкой.

В хаосе бочек, ящиков и множества палаток с надписями «Москва», «Ростов», «Одесса», «Нижний Новгород» пока еще трудно найти хозяина, руководителя. Командуют и распоряжаются все сразу. Начальника дергают со всех сторон: «Где топоры?», «Откуда начинать корчевку?», «Где можно заточить пилу?», «Когда выдашь сапоги?». В этой суматохе, кажется, никогда не навести порядка. Но, к счастью, с «Колумбом» и «Коминтерном» прибыли не сезонники и не случайные люди. Центральный Комитет поступил очень дальновидно, посылая на эту стройку комсомольцев, — они сразу почувствовали себя хозяевами здесь и, не дожидаясь, пока все «образуется», сами пошли рубить тайгу.

В общем хаосе с первых же дней стройки начало кристаллизоваться крепкое ядро коммунистической ор-

ганизации. Здесь же, в лесу, состоялось первое собрание большевиков. Это были молодые, напористые люди. Большинство из них еще не вышло из комсомольского возраста. Однако у них уже был значительный жизненный опыт, приобретенный на стройках Днепровской электростанции, магнитогорских домен, тракторных заводов. Приехавшие в тайгу коммунисты сразу же определяли, где наиболее трудные участки, и там организовывали людей.

Когда мы готовили к печати эту книгу, ее рукопись прочитал Сергей Шефтелевич — один из первых комсомольских активистов стройки, который, видимо, уже запомнимся читателю. Он задумчиво сказал: «Конечно, хорошо, что наша литература насчитывает уже несколько книг, повествующих о том, как мы жили и трудились в ту трудную пору. Комсомол многое сделал тогда, да и сам город называется Комсомольском. Понятно поэтому, что во всех книгах речь идет о нас, грешных, тогдашних юнцах. Но ведь если вот так, положи руку на сердце, спросить себя, а как же все это делалось, кто сумел в том невероятном и далеко не всегда неизбежном хаосе, который вначале царил на строительной площадке, организовать работу, воодушевить людей, наладить руководство стройкой, — то тут ответ будет только один: партия. И об этом надо писать и писать...»

Да, именно партия поставила на ноги эту великую стройку. Вся партия, начиная с Политбюро Центрального Комитета, которое изо дня в день следило за ходом строительства и всячески помогало ему, и кончая партийными ячейками на строительных участках. Изо дня в день оперативно занимался трудными делами стройки Дальневосточный краевой комитет партии.

Уже 19 марта 1932 года крайком ВКП(б) создал комиссию по приему строителей. Ее возглавлял тогдашний первый секретарь краевого комитета А. П. Гричманов. Комиссия послала своих представителей в Москву — там они брали комсомольцев, отправлявшихся эшелонами, под свое попечительство, подбирали начальников эшелонов, их заместителей — комиссаров, старост в каждом вагоне. Секретари краевого комитета партии неоднократно выезжали в Пермское, помогая на месте организовать работу.

Восьмого-девятого июня 1932 года на строительстве

в Пермском состоялось первое партийное собрание. К этому времени на участках уже было создано двенадцать партийных ячеек. Организация насчитывала 110 членов партии и 175 кандидатов. Две недели спустя собралась первая партийная конференция на стройке в Дземгах. К этому времени и там уже были созданы ячейки на строительных участках. В них вошли 49 членов партии и 60 кандидатов. В Пермском и Дземгах были созданы партийные комитеты, работавшие на правах райкомов. Так сложилось партийное ядро коллектива строителей, которое стало душой всей стройки, ее вдохновителем и организатором.

Организовать комсомольцев было сравнительно нетрудно. Труднее было обеспечить успех работы. В первый же день выяснилось, что в той спешке, какая сопровождала первую отправку партии строителей, были допущены серьезные просчеты. В трюмах пароходов, например, доставили все что угодно, кроме самого необходимого: лопат, топоров, сапог, хлеба. Люди шли в тайгу совсем безоружные. Как же они могли бороться с ней?

Электрик из Ростова, коммунист Павел Шве́ц, которого избрали членом парткома, с недоумением подсчитал, что на всей стройке с трудом нашли двадцать три топора и тринадцать пил. Комсомольцы пошли в лес в легких летних костюмах, в парусиновых туфлях. Обратившись усталые, промокшие, грязные. Костюмы рвались, туфли расползались при первом соприкосновении с густой и липкой таежной грязью. Шве́ц сердито вспоминал бойких вербовщиков, которые проводили мобилизацию в Ростове, и их нелепые советы:

— Поезжайте налегке. Не берите с собой ни сапог, ни спецодежды, ни инструмента. Там, на месте, вам дадут все готовое...

Теперь было ясно, что разговоры эти были преступно легкомысленными. Но как исправить ошибки? Не будет же каждый строитель выписывать из Москвы сапоги и брезентовые брюки! И не может стройка ждать, пока все это будет доставлено в централизованном порядке.

Оказалось, что даже пекарню на площадке забыли соорудить, и теперь за пятью тоннами печеного хлеба приходилось гнать в Хабаровск мощный пароход.

Больше всего озадачило Шве́ца собственное нелепое положение. Его, квалифицированного рабочего-электри-

ка, зачислили старшим конюхом строительства — ведь электростанции в Пермском не было. Что ж, пришлось пока работать конюхом...

А Костю Зангиева весь этот ералаш даже поначалу немного забавлял: жизнь, полная приключений, всегда ему нравилась. Однако в этой первобытной тайге приключения выглядели много суровее, чем в книгах. Сил не хватало. Приходилось целыми днями крутиться как волчку. То лазить по чердакам, выявляя «свободную площадь», то устраивать в церкви столовую, то ходить с комиссией раскулачивать богатеев Романовых, которые держали в кабале всю деревню, то бродить по тайге и собирать у комсомольцев учетные карточки, — ведь пора взять на учет организацию!.. Затем он взялся создавать механическую мастерскую. Это было срочное задание. До сих пор площадка оставалась без электрического света, без кузницы, без слесарной. Легко сказать — организовать мастерскую! Но попробуйте сделать это, если у вас нет ни помещения, ни инструментов, ни материалов...

Костя Зангиев вдвоем с Пашей Швецом не раз вспоминали бедствия Робинзона, пока у них хоть что-либо стало получаться. Прежде всего они отыскивали «цех» — так был назван большой сарай. Комсомольцы купили его у какого-то рыбака за пол-ящика конфет и пол-ящика печенья. Потом среди бочек и ящиков, сваленных грудами у палаток, они нашли шестнадцать слесарных тисков, части токарного станка и какой-то моторчик. Сарай стоял довольно далеко от деревни — вниз по течению Амура. Таскать все эти грузы на себе ребятам было не под силу. Тогда Костя придумал:

— Плохие мы с тобой Робинзоны, Паша! А ну-ка вспомни, как он перевозил свои ящики с разбитого корабля на берег!..

Швец улыбнулся. Идея была правильная. Ребята быстро связали несколько бревен, разделись догола и перетаскали тиски на этот импровизированный плот. Потом взялись за веревку и потащили плот, как бурлаки, вдоль берега.

Когда «слесарный цех» был готов, Швец остался в нем налаживать работу, а Зангиев начал устраивать кузню. Это было еще сложнее — второпях снабженцы совсем забыли о том, что стройке потребуется кузница, и не привезли из Хабаровска никакого оборудования. Но

без кузницы нельзя было обойтись. И главный механик говорил Косте:

— Я вас, комсомольцев, знаю. Если захотите, из-под земли выроете! Делай, что хочешь, а чтобы через пять дней кузница была...

Костя уныло бродил по берегу Амура. Ничего подходящего ему найти не удавалось. Потом он остановился, внезапно осененный новой идеей: не может быть, чтобы в деревне не было кузнеца! Надо его найти, и тогда...

К вечеру кузнец был найден. Однако он уже ликвидировал свою кузницу и упаковывал сундуки. Костя охрип, доказывая кузнецу значение сверхударного строительства, но тот был непреклонен. Единственное, чего добился от него Костя, — это был старый, рванный мех, который кузнецу лень было тащить с собой в дорогу.

Ночью моряк сидел у костра и разглядывал кожаные лохмотья ветхого меха. Рядом с ним полулежал нижегородский молотобоец, сегодня на корчевке он узнал, что организуется кузница, и поспешил предложить свои услуги. Костя спросил его с тоской:

— Ну как, выйдет что-нибудь, Кузьма?

Кузьма подтянул мех, поковырялся в его лохмотьях и, сплюнув в костер, авторитетно заявил:

— Была бы кожа, залатать можно...

— А где ее взять?

— Вот то-то и главное, что негде!

Костя взглянул на свои новые сапоги, которыми так гордился, тяжело вздохнул, стащил их с ног и отрезал голенища. Повертев в руках опорки, обулся в них и подал голенища Кузьме:

— Как, хватит?

— Попробуем...

Вдвоем они начали латать дыры. Оказалось, что голенищ не хватает. У Кузьмы сапог не было. Костя разгорячился — неужели свои голенища он сгубил напрасну? Схватив ножик, он с маху отрезал свои шикарные красnofлотские брюки по колену — перед кем в тайге форсить? Обойдется и без клеша!..

— На, латай!

В конце концов мех был отремонтирован. Утром радостный Костя, щеголяя в опорках и укороченных брюках, перенес его в какой-то заброшенный амбар. Мех — это хорошо. Но где взять остальное оборудование? На-

до было найти и наковальню. Искать ее в селе Пермском было нелепо. Но что за кузница без наковальни?

И тут Костя вспомнил, что на барже «Клара Цеткин», которая стояла у берега, он мельком видел отличную наковальню. Попросить? Дадут ли? В конце концов наковальню достали. Но три часа пришлось ее тащить по болоту, спотыкаясь и падая.

Костя приволок огромный пень, врыл его в землю и торжественно водрузил на нем наковальню. Кузьма к этому времени раздобыл молот и принес из леспромхоза железную ось от телеги — он решил из этой оси выковать себе клещи. В горне развели огонь, и когда комсомольцы через день утром пошли на корчевку, они услышали звон металла.

Довольный Костя Зангиев стоял в своих обрезанных по колено брюках у порога и радостно кричал всем знакомым:

— Индустрия растет! Первый горячий цех пущен на два дня раньше срока...

Вот так, в хаосе, в суете, в муках начинался город...

В девяти километрах от Судостроя, за рекой Силюнка, где стояли фанзы нанайцев, в эти дни еще было тихо. Кравцов угрюмо ходил по берегу, изредка поглядывая вдаль. «Колумб» привез только строителей судостроительного завода. Комсомольцы, которые должны были ехать в Дземги, пока не смогли получить парохода и ждали своей очереди где-то там, у Хабаровска.

На борту «Колумба» приехало лишь несколько специалистов.

Лишь тридцать первого мая в Дземги донесся далекий, хриплый гудок парохода «Капитан Карпенко». На этот раз «Капитан Карпенко» шел по Амуру, минуя Пермское. Он красиво развернулся на середине реки и плавно подошел к берегу у березовой рощи, стараясь держаться против течения.

На берег уже бежала вся немногочисленная колония стойбища.

— Принимай концы!

На палубе теплохода толпились десятки комсомольцев. Они радостно махали фуражками, кричали «ура» и спешили сойти на берег.

Долгожданных строителей надо было разместить на

ночлег. Как это сделать? Выручили амбары, поставленные нанайцами на высоких сваях. Их заселяли в три этажа: одна бригада карабкалась на чердак, другая занимала помещение амбара, третья устраивалась под полом амбара между сваями, наскоро оплетая столбы лозой. Некоторым не хватило места и здесь. Тогда комсомольцы начали строить шалаши. Они связывали вместе за макушки ветви соседних кустов и под таким зеленым шатром укладывались спать.

Но спать пришлось недолго. Комары, которых на этом болоте было великое множество, быстро разбудили усталых комсомольцев. Спотыкаясь о кочки, шаря в темноте по земле, строители собирали сырой валежник и зажигали костры.

Работу следовало начинать с осушки территорий. Нужно было рыть канавы, устраивать дренаж, корчевать пни и рубить кочки. Природа готовила строителям неприятные сюрпризы: под слоем дерна лежала мерзлая, заиндевевшая земля. Она еще не оттаяла, хотя календарь показывал июнь. Высокие твердые кочки не поддавались ни топору, ни лопате. Комсомольцы недоумевали:

— Неужели вправду здесь будет большая стройка?

Дикий заболоченный кочкарник, поросший смешанным лесом, усеянный пнями сгнивших лиственных. Только у самого Амура лежала небольшая полоска твердой земли. Сразу же за ней разливалось море непролазной грязи с обнаженными гарями, покрытыми мхом.

Внешне эти места выглядели довольно красиво. Ландышей здесь было столько, что их можно было косить косой, как сено. На кочках росли красивые лиловые ирисы. Там, где было немного суше, желтели лилии. Всюду тянулись сплошные заросли черной смородины, багульника, голубики. Над самым берегом Амура сплошной стеной стояла роща отцветающей черемухи.

Но красота эта казалась обманчивой. Работать здесь было почти невозможно. На красивых полянах, заросших цветами, водилось столько комаров, что приходилось в нормах выработки вводить специальный «комариный коэффициент». Комсомольцы придумывали сетки из марли, мазались дегтем, обвязывались платками, но все это не помогало. Даже в закрытых помещениях нельзя было обойтись без дымокуров.

И все-таки комсомольцы работали. Здесь, на боло-

тистом берегу Амура, не было строевого леса. Поэтому для стройки требовалось доставлять бревна издалека, от сопок. Транспорт пока отсутствовал. Дорог тоже не было. И ленинградские комсомольцы, высококвалифицированные токари, фрезеровщики, слесари безропотно брели к сопкам через болота, взваливали на плечи тяжелые бревна и несли их на строительную площадку.

На Судострое дела шли несколько лучше, но и там пока что строительство по-настоящему еще не было начато. Усталый, измученный всей этой неразберихой Зангиев бродил по берегу Амура, неприязненно поглядывая на лозунг, повешенный на фасаде старенькой церкви в Пермском: «Дадим стране судостроительный гигант к 1 января 1933 года».

Но штурм тайги уже был начат. Комсомольцы рубили первые просеки. Почему-то получалось так, что любое самое бесхитростное дело приходилось делать «в ударном порядке». Надо было организовать столовую — проводили мобилизацию поваров. Надо было вырыть четырнадцать колодцев — проводили мобилизацию по водоснабжению. В один из дней состоялась совсем необычная мобилизация — по палаткам пробежал запыхавшийся Лева Качаев и объявил:

— Мобилизуются все, у кого есть сапоги. Выходи строиться!

Из палаток вышли сорок четыре человека. На самом краю длинной шеренги стояли двое похожих друг на друга степенных парней. Говорили, что они приехали из Нижнего Новгорода. Лева наспех записывал фамилии мобилизованных. Парни ответили:

— Алексей Смородов...

— Никандр Смородов...

Лева на мгновение вскинул глаза.

— Братья?

— Да. Из колхоза. Работали в Горьком, на Автострое.

Лева переписал всех и объявил:

— Теперь вы сплавщики. Сейчас вы пойдете вверх по реке Силинка, будете оттуда сплавлять лес. Понятно?..

Никто из владельцев сапог до этого никогда не был сплавщиком. Но здесь не принято было отказываться

от работы, и комсомольцы, построившись по двое, зашагали в тайгу. Шли очень долго. Говорили, что надо пройти двадцать пять километров. Места были глухие и страшные. На берегу быстрой, холодной реки лежали огромные груды бревен. Их надо было сплавить вниз на стройку.

Нижегородский колхозник Алексей Смородов, тихий, рассудительный парень, нравился комсомольцам своим спокойствием. Он как-то очень быстро сдружился со всеми. Но ближе всех он сошелся с молодым украинцем Гришей Пойда, который очень страдал от того, что его украинскую речь плохо понимали многие комсомольцы. Алексей видел, что Грише было не по себе. Он деликатно отводил его в сторону и протягивал ему руку.

— Что это?

Пойда, улыбаясь говорил:

— Долонь.

— Ну вот, видишь, как просто. А по-нашему — ладонь.

Потом он ему показывал топор.

— Сокира...

— А по-русски будет топор.

Алексей по-хозяйски держал Гришу при себе и показывал ему, как надо работать. Когда-то он видел, как работают сплавщики, и теперь учил сплавному делу своего ученика.

Работать было нелегко. Комсомольцы ночевали под открытым небом у костров, обрастали волосами, спали в мокрой одежде, питались как попало; лишь изредка через тайгу пробирался выючный караван с хлебом и консервами. Здесь, в глухих лесах, комсомольцы провели все лето. Они изрядно пообносились, а комсомолец Коля Мохолев в один из дней оказался совсем в безвыходном положении. Он переправлялся через реку и случайно выронил узелок со своей одеждой. Бурная Силка быстро унесла его, и Мохолев остался совершенно голым. Смородов отдал ему свои брюки, и Коля так и проходил все лето в этих брюках, даже без рубашки. Оберегая его от назойливых комаров, комсомольцы единодушно назначили Мохалева поваром — у костра дыма, комары не так мешают.

Сильно докучали комсомольцам змеи. Они, как дождевые черви, кишели под бревнами. Однажды комсомольцы нарочно подсчитали, сколько змей они убили за

день. Оказалось, что в этот день отрубили головы ста тридцати гадам.

Силинка — очень быстрая река. Она несет бревна, швыряя их с торца на торец. Бревна прыгают по волнам, выскакивают на берега, запутываются в прибрежных кустах. Комсомольцам приходилось бережно высвобождать их и пускать дальше по течению. Однако это не всегда удавалось. Иногда какое-нибудь шальное бревно упиралось на дно реки, на него насакивало второе, третье. Бревна упирались в дно, и на реке молниеносно образовывалась плотина.

— Залом!..

Заслышав этот сигнал, комсомольцы стремглав мчались к берегу. Иногда залом удавалось разбить топорами, ломами, растащить его веревками. Но вот однажды поперек Силинки выросла гигантская запруда. Бревна гнулись, трещали, ломались, как спички, но залом держался крепко. Вода в реке поднималась. Сплав замер, грозили страшные последствия. Никто не знал, что делать. Тогда Алексей Смородов взял топор и пошел по бревнам, которые скользили и ныряли у него под ногами. Он дошел до середины залома, потом нырнул под воду, сильными ударами топора разрубил затор, и вся гряда толстых, скользких бревен рухнула на него.

Алексей мог погибнуть. Но каким-то чудом уцелел. Избитого бревнами комсомольца выбросило на берег. Все было в порядке, сплав продолжался нормально.

А через несколько дней комсомольцев ждали новые переживания. Бригада разбила еще один трудный залом. На самом ответственном участке работали братья Смородовы — Алексей и Никандр. Они долго бились, но залом не поддавался. И вдруг его прорвала сама Силинка. Бревна затрещали, рванулись и разом вылетели вперед, как будто их выбросила катапульта. Комсомольцы бросились к берегу, перепрыгивая с одного бревна на другое. Но Никандр, — он был моложе всех, — невольно растерялся. Увидел, что до берега далеко, и прыгнул назад — на какой-то песчаный островок посредине реки.

К ужасу своему, он тут же увидел, что островок этот быстро тает. Оказывается, это был не островок, а простая куча песка, которую река нанесла на залом. Сейчас бревна ушли вниз по течению, и эта кучка песка ухнула вслед за ними. Вода была уже по щиколотку Ни-

кандру. Он погибал на глазах у всех, и казалось, помочь ему было невозможно. И вдруг Алексей нашел выход.

— Руби ее!

Он выхватил из-за пояса топор и побежал к высокой старой березе, которая росла по-над самым берегом. Комсомольцы поняли его. Они привязали березу тросом и свалили ее в воду так, чтобы ее макушку отнесло к Никандру.

Береза рухнула. Течение ее подхватило, в одну секунду повернуло и... унесло вниз мимо Никандра. Он уже стоял по колени в ледяной воде и еле держался — течение сбивало его с ног. Но Алексей опять не растерялся. Он закричал:

— Вали второе!

На берегу, к счастью, стояло еще одно дерево. Оно упало в воду, и коварная Силинка снова начала разворачивать его макушку вниз по течению. Тогда сам Никандр собрал последние силы и прыгнул навстречу дереву, судорожно цепляясь пальцами за ветки. Так его и вытащили на берег вместе с деревом.

Алексей был счастлив: брат спасен. Конечно, это был героический эпизод. Но в то время на стройке такие поступки считались обыденными, поэтому никто не называл Алексея героем.

Между тем сорока четырем комсомольцам, которые ушли в тайгу, приходилось довольно туго: никто из них не предполагал, что эта экспедиция затянется на три месяца. Ни один комсомолец не взял с собой даже лишней пары белья — ушли в том, в чем вышли из палаток. Комсомольцы ходили в лохмотьях. Не хватало продуктов. Не было мыла.

В тайге было холодно, больно жалили комары. У некоторых из ребят, из тех, что послабее, нервы не выдерживали. В одну из ночей внезапно исчез Никандр Смородов. Алексей ходил хмурый, невеселый. Говорили, что и он колебался, но потом твердо решил остаться вместе со всеми. На площадке тем временем начинались новые штурмы...

Пароходами прибывали новые и новые партии комсомольцев. Разбросанные весной по всем стройкам Дальнего Востока, они теперь собирались в единый железный кулак. Многих не отпускали: и во Владивостоке,

и в Спасске, и в Никольск-Уссурийске — всюду нужны были люди. Однако комсомольцы требовали: отправляйте туда, куда нас послал ЦК! Делегации комсомольцев ходили к директорам, в комитеты партии, всюду твердили:

— Нас послали строить новый город в тайге. Отпустите немедленно, иначе будем жаловаться Косареву!

Владивостокские хозяйственники уговаривали комсомольцев:

— Куда вы поедете? Там болото, холод, дикie звери!

— Звери? Отлично. Вот это нам и нужно!

И целыми бригадами комсомольцы ринулись в охотничьи магазины закупать ружья, порох, патроны. Многие по два раза вступали в союз охотников — по членскому билету выдавали порох...

Из Спасска прибыла большая группа комсомольцев Северного Кавказа, потом они временно работали на строительстве цементного завода. Когда в Хабаровске пересели на пароход, высокий худой коммунист Андрианов собрал своих друзей и сказал:

— Ребята! Давайте создадим ударную бригаду. Такую бригаду, чтобы она прогремела на всю стройку, — вот, мол, какие люди есть на Северном Кавказе!..

Назавтра у Андрианова лежало полтора ста заявления. Разбирали их сообща, собравшись на палубе «Профинтерна». Каждую кандидатуру дотошно обсуждали. В конце концов из полтора ста отобрали двадцать. Сам Андрианов был двадцать первым.

Пароход прибыл в Пермское. Андрианов отыскал Леву Качаева. Обутый в лыковые лапти, добродушный и веселый, Лева возился в темном чулане. В дощатой стенке он вырубал окно — здесь, в чулане, должен был разместиться отдел кадров.

Андрианов сказал:

— Есть ударная бригада Северного Кавказа. Куда ее направите?

Ударную бригаду послали на корчевку. Здесь в тайге, которая начиналась за огородами деревни, уже возились тысячи комсомольцев. В роли организаторов выступали коммунисты.

Павел Швец, организовавший вместе с Костей Зангиевым слесарную мастерскую, теперь налаживал снабжение комсомольских бригад инструментом. Сидоренко, Зозуля, Крикун быстро вошли в свои роли и стали за-

правскими лесорубами. Они валили деревья, корчевали пни, подбодряли ребят шутками, запевали песни. Но топоров не хватало, и работа шла не так быстро, как хотелось бы.

Андрианов молча присматривался. Потом он собрал своих парней и сказал им:

— Ребята! Наша ударная бригада будет работать иначе. Технику корчевки мы меняем и будем работать вот так...

В своем рабочем архиве мы сберегли уникальный документ, составленный самим Андриановым тогда же отчет об изобретенном им и осуществленном его бригадой новом способе корчевки тайги, который тогда получил название «нахальный метод» и пользовался большим успехом. Мы приведем его здесь полностью, с сохранением стиля — в нем чувствуется аромат эпохи:

«Ввиду недостатка топоров, мне пришлось изменить свою технику корчевки. Отобрав шесть человек сильных ребят, совместно со мной стали арканом забрасывать веревку за вершину дерева. Если веревка не попадала на необходимое нам расстояние, у нас была заготовлена 12-метровая рогуля, которой поднимали веревку вверх. Поскольку ростом у нас не все одинаковы, пришлось расставлять людей меньшего роста на конц веревки, а самого высокого ближе к дереву, чтобы физические силы не пропали даром. После команды «раз-два» дерево, сгибаясь в дугу, начинает поднимать корнями почву и постепенно падает с огромным весом земли. Вторая группа в количестве шести человек поставлена только на распиловку поваленного дерева, отделяла корни от ствола. И это звено не успевало производить распиловку за первым звоном. Еще девять человек непосредственно стояли на переноске распиленного дерева с корней. Работая таким способом, мы достигли до 400 процентов нормы против 150 у других бригад, и в начале июня наша бригада первой зажгла социалистическое соревнование на корчевке. Эта борьба шла под лозунгом построения завода к 1 января 1933 года. Это был, конечно, фантастический лозунг, но мы за ним шли. В конце июля моя бригада получила премию 20 ударных талонов в столовую ударников. Вечером было собрано бригадное собрание, чтобы решить, кому не дать талон, потому что нас было 21. У меня не хватило смелости обидеть кого-нибудь из бригады, и вот, когда все собрались, я сказал, что талоны получены полностью на всех, и эти талоны были розданы. Вся бригада стала ходить питаться усиленно в ударную столовую, а я ходил в общую столовую. Через несколько дней нам дали вторую премию — 20 пар сапог, 20 костюмов. Я все это роздал, а себе опять не взял ничего. Об этом узнала бригада, самовольно собралась на собрание, и был поставлен вопрос — почему я так делаю. И поставили перед стройком вопрос о выдаче мне дополнительной премии. Одновременно бригада пожаловалась на меня в партком, там поставили мой отчет и меня критиковали, как неправильно поступившего с распределением премиального фонда. Вскорости мне выдали 21-ю премию

лично для меня. В начале августа наша бригада была расформирована, потому что наступили другие задачи. Семь человек послали по их основной специальности в механический комбинат — бригадирами, трех человек взяли работать в совет ОСО-Авиахима, а меня решением общего слета рабкоров послали работать в редакцию газеты, которая уже создавалась. Так же взяли, кого куда, и других...»

Лесная газета.

История создания газеты, о которой мельком упомянул в своем отчете Андрианов, заслуживает особого рассказа. Когда среди грузов, доставленных в Пермское, обнаружились печатная машина и наборные кассы со шрифтами, в парткоме стали думать, как же создать газету. Квалифицированных журналистов на стройке не было. Редактором назначили коммуниста Маловечкина, а литературных сотрудников стали искать среди комсомольцев.

В партийном комитете вспомнили о двух одесских друзьях Крячко и Ильине — кажется, они когда-то имели отношение к литературе — писали стихи или что-то в этом роде. Их вызвали 23 июня к заведующему организационным отделом парткома Акиму Осиповичу Окуличу. Он сказал:

— Скоро на стройке начнет выходить газета. Вы, кажется, люди пишущие. Где сейчас работаете?

Ильин ответил:

— Я в бригаде Михаила Фурмана. Прорубаем просеку — прокладываем дорогу к Силинскому озеру.

— Добро. А вы? — Окулич повернулся к Крячко. Тот замялся:

— Мне противопоказана тяжелая работа. Ожидаю направления в главную контору Дальпромстроя.

Окулич нахмурился:

— Значит, зря едите хлеб. Идите и подумайте об этом. А вы, Ильин, назначаетесь литературным секретарем редакции.

К счастью, Ильин в прошлом был юнкором и даже несколько раз заходил в типографию, когда там делалась газета. В редакции «Амурского ударника» ему пришлось стать мастером на все руки: и выпускающим, и корректором, и фельетонистом, и репортером.

Однажды бродя по берегу, Михаил Ильин встретил

парня, внешность которого его поразила — на борту баржи сидел, свесив ноги, черноволосый парень с седой челкой, в голубой, явно заграничной, рубашке и желтой кожаной куртке. Сидел с удочкой, ловил рыбу.

— Ты откуда такой?

— С Китайско-Восточной железной дороги, из Харбина. Был там на комсомольской работе.

— А туда как попал?

— ЦК посылал.

— А ты где раньше работал?

— В аппарате ЦК ВКП(б). Был стенографом...

— А у нас что будешь делать?

— Вот хотят послать в соцбытсектор, — нахмурился незнакомец. — А я хотел бы на корчевку...

Это был Михаил Эрлих, в будущем — один из активнейших первостроителей. Ильин поглядел на незнакомца, подумал-подумал и сказал:

— Знаешь что? Давай-ка к нам, в редакцию «Амурского ударника». Тут и твоя стенография авось пригодится.

Сказано — сделано. Пошли в партком, договорились, и Эрлих стал заместителем редактора газеты.

Вскоре к числу сотрудников «Амурского ударника» добавился еще один бывалый комсомолец — Тарлинский. Это уже была целая редакция. Нашелся и печатник, наборщиков пока еще не было. Ну что ж, наклеили буквы на окошечки касс, и целый день вся редакция раскладывала шрифт.

Набирать было труднее. Это удавалось одному печатнику. Он целый день набирал один столбец. Потом он отложил верстку в сторону и ушел на берег: не может быть, чтобы среди рабочих не нашлось наборщиков! И он действительно привел в амбар какого-то человека. Наборщик Васькин соскучился по верстатке: корчевать пни гораздо тоскливее, чем набирать свинцовый шрифт. К утру первый номер был готов. Его набирали при свете керосиновой лампы и печатали, вращая колесо машины руками.

Первые номера газеты выглядели довольно тускло. Ее набрали какими-то слепыми шрифтами. Заголовки были длинные, но неубедительны. Клише отсутствовали. Под заголовком крупными буквами был напечатан адрес редакции: «Пермск-на-Амуре, Амбар КБО». Но это была своя газета будущего города, и все гордились

этим обстоятельством. А начальник Судостроя написал для первого номера пафосную статью, которая начиналась словами:

«Сегодня день нашей первой победы на строительстве Амурского гиганта. Сегодня мы выпускаем первый номер нашей газеты...»

В амбаре было душно. Пахло вяленой рыбой и портянками. Редакция спала на полу, подкладывая под головы тюки бумаги. Ранним утром все уходили в лес за материалом.

Котельщик Ильин стал Михаилом Горном. Он писал яростные разоблачительные фельетоны: «С благословения головотяпов и премудрых пескарей, вроде тов. Плетнева, готовая часть крольчатника превращена в общежитие. Надо со всей беспощадностью ударить по тем, кто смеет наплевательски относиться к кролику, свинье и корове».

Продуктов не хватало. Надо было организовать крольчатники, ходить в тайгу на охоту, собирать грибы. Бригада Храневского в выходной день собрала одиннадцать килограммов смородины и голубицы. Никто не съел ни ягодки — все было сдано в столовую № 1. Андрианов уехал в Николаевск-на-Амуре закупать рыболовную снасть. «Амурский ударник» темпераментно писал: «Кета ждет своих ударников и энтузиастов. Дело чести комсомольских ячеек, профсоюза, каждой рабочей бригады — снабдить свою столовую свежей рыбой!»

Города еще не было. Не было даже барачков. Но здесь, на берегу, в шалашах и землянках уже жили тысячи людей. Нужно было создавать почту, больницу, школу, пекарню, баню. В лесу заложили фундамент будущего кино, а пока что полотно натягивали между двумя березами, и по вечерам комсомолцы, отмахиваясь от надоедливых комаров, смотрели фильмы стоя. Почта ютилась в сарайчике. В углу лежала груда писем и телеграмм: У дверей стоял длинный хвост. Люди по очереди рылись в куче истрепанных, засаленных конвертов и находили свои.

«Амурский ударник» зло писал: «Ввиду того, что почта не обеспечила аккуратную доставку «Амурского ударника» подписчикам, редакция расторгла соглашение с почтой и проводит доставку газеты своими силами».

Теперь Михаил Горн, отправляясь в лес, нес кроме блокнота пачку газет.

Газету брали нарасхват. Пусть она делалась в профессиональном отношении пока еще неумело, пусть на ее страницах пестрели опечатки — это был свой, родной, комсомольский орган печати, отражавший суровую жизнь в тайге такой, какой она была, без всяких прикрас. И даже сейчас, когда мы перелистываем свои выписки из «Амурского ударника», сделанные четыре десятилетия тому назад, они трогают душу своей искренностью, комсомольской прямоотой и, что очень важно, — бескомпромиссной политической остротой! Вот некоторые из сообщений, опубликованных в этой удивительной газете в июле — ноябре 1932 года:

«Библиотека, имеющаяся на втором участке, не может удовлетворить полностью запросы рабочих — мало книг. Бригады Пучкова и Селезнева, проживающие на 10-й линии в шалаше № 13, это учли, решили собрать книги у ребят и устроить свою небольшую библиотеку. Нашлось 60 книг. Следуйте примеру шалаша № 13!»

«4 июля 1932 года начата аэросвязь Пермское — Хабаровск. Утром прилетел первый гидроплан со свежей почтой».

«Рабочие, ИТР и служащие! В свободное время ловите рыбу. Собирайте ягоды. Сдавайте их в кооперацию! *Правление ЗРК*».

«Всем педагогам среди мобилизованных на стройку комсомольцев предлагается срочно стать на учет в поселковом совете. *Пред. поселсовета Крючков*».

«15 августа сего года в 20 часов лесозавод пришлось остановить из-за отсутствия бревен, которые не были подтянуты к заводу. На подтягивание бревен мобилизовались все рабочие, и за два часа прорыв был ликвидирован. Участникам этого штурма объявлена благодарность с выдачей из фонда премирования по комплекту нательного белья каждому. *Начальник строительства Каттель*».

«Курсанты рабочих курсов пропагандистов 2-го участка организовали ударный батальон по ликвидации прорывов и вызывают курсантов 4-го участка последовать их примеру».

«Штаб сентябрьского штурма постановил: второму участку, выполнившему план 1-й декады сентября на 95 процентов, идущему впереди остальных, вручить переходящее красное знамя строительства. Лесозаводу за систематическое невыполнение плана дать орден черепахи. Четвертому участку, выполнившему план 1-й декады на 35 процентов, — орден медведя. Транспорту за срыв плана 1-й декады (18 процентов выполнены) — рогожное знамя».

«Обязуюсь к 15-й годовщине Октябрьской революции научить читать и писать двух неграмотных рабочих. Вызываю всех последовать моему примеру. *Комсомолец Койдцнов*».

«У нас, на втором участке, словно в Африке, трудно найти воды — в барак ее не привозят. Придя с работы, рабочие берут ведра и бегут к Амуру. Надо больно взгреть КБО за такие безобразия. *Сафронов*».

«Как лучшего ударника и активного общественника передаем к 15-й годовщине Октября в ряды партии нашего бригадира Макаренко. Тов. Макаренко вышел из батраков, 3 года на производстве, комсомолец с 1931 года, образцовый производственник, стойкий товарищ. Достоин быть коммунистом. *Бригада (15 подписей)*».

«Выход очередного номера нашей газеты задерживается на 1 день ввиду отказа руководителей отдела снабжения тт. Козлова и Тихоньрука отпустить 3 литра керосина, чем была сорвана вечерняя работа типографии 15 октября».

«На 2-м участке в бараке № 23 проживает прогульщик Степанов. Свой невыход на работу он объясняет тем, что у него якобы нет белья, но на самом деле он одет с ног до головы. Товарищеский суд должен осудить Степанова. *Уфимский*».

«Три бригады — Маяева, Кунилова, Васильева месячный план выполнили. Приступлено к постройке кухни для коммуны. Вся коммуна закрепилась за стройкой до окончания, а часть коммунаров во главе с советом коммуны остается первыми жителями будущего города».

«В подарок 15-й годовщине Октября и 10-летию советизации Дальневосточного края обязуемся к 7 ноября отеплить столовую № 1. *Бригада Рубина*».

«Производственное совещание рабочих типографии и сотрудников редакции «Амурского ударника» постановило: из обрезков бумаги организовать выпуск блокнотов и записных книжек для продажи в поселке, а также на колхозном базаре. Вызываем столяров 2-го участка организовать производство ширпотреба из отходов. *Андрианов, Васильев, Васькин, Грибков, Дикарев, Ильин, Коблов, Крылатов, Пузников, Филькин, Эрлих*».

Да, дело понемногу двигалось. Конечно, все это было лишь подступом к настоящей работе. И все же первые, пусть самые незначительные, успехи радовали молодых строителей. Вот что записывал в своем дневнике, к примеру, комсомолец Сергей Ключков, добровольно работавший на стройке с утра до ночи без всякого отдыха, — эта запись, как и другие, которые воспроизводим мы в этой книге, документальна, мы не меняем в ней ни слова:

«Лесозавод был уже давно готов, надо было подвозить лес, заготовленный в Силинском озере, но не было на чем его возить. Тогда мою бригаду перебрасывают на постройку узкоколейки и дают срок полтора дня, чтобы уже во второй половине второго дня торжественно пропустить первое бревно.

Мы заканчивали ветку, а около ворот завода уже была готова маленькая трибуна, а на крыше развевался во все стороны гордый красный флаг. Мы стояли, с лопатами, топорами и мотыгами и смотрели на свисток, который блестел над крышей. Сначала появился пар, потом послышался гудок, — сначала тихий, потом сильнее, сильнее и сильнее.

Ребята почему-то заплакали. А потом начался митинг. Речей было много, и очередь дошла до меня. Но я малость оробел и, когда поднялся на трибуну, сказал только несколько слов, хотя не ораторских, но радостных.

После митинга на глазах присутствующих было распилено первое бревно, а отнесенные от рамы доски признаны первосортным материалом. Так мы впервые кончили работу не по солнцу, а по гудку. А вечером в столовой № 1 нам дали премии. Мы с радостью шли домой, спотыкаясь на каждом шагу и ударяясь о стенки амбаров, так как у восьми человек из десяти моих ударников была куриная слепота...»

Да, пуск лесозавода был по тем временам крупным, волнующим событием, которое подняло настроение у молодых строителей. Но тайга по-прежнему пугала своей дикостью, а ночи становились все длиннее и холоднее, и в шалашах начинались бурные споры. Одни кричали, что на этом проклятом месте город не построить и надо бежать отсюда, пока еще не поздно. Другие говорили, что следует обождать и посмотреть, что из этого выйдет. Третьи ругали и тех, и других, и стыдили их примером Елены Нищенко.

Нищенко — та самая комсомолка из Криворожья, которая уехала на Дальний Восток прямо с работы, не заходя домой, — попала в очень трудное положение. Хотя горком комсомола в Криворожье и сулил ей выдачу полного обмундирования на Дальнем Востоке, но получить здесь она ничего не смогла. Тогда она раздобыла две наволочки и сшила из них юбку. Кто-то из комсомольцев продал ей рубашку. И вот в таком наряде она ушла в тайгу и там наравне с мужчинами корчевала лес, изредка переругиваясь с начальством из-за сапог. Ей приходилось работать в легких тапочках, а под деревьями была непролазная грязь.

Нищенко заметил прораб Массиондз, коммунист с Магнитостроя, Герой Труда и почетный строитель. Этого краснолицего, седеющего человека комсомолцы очень любили. Он знал каждого из полутора тысяч работающих у него на участке по имени и по фамилии, знал, кто как работает, кто чем живет. На его участке как-то меньше чувствовалась суeta и бестолковщина. Хладно-

кровный и уравновешенный, этот прораб одним своим присутствием успокаивающе действовал на людей. Комсомольцы знали: если Массиондз обещал, значит, сделает; если сделать не сможет — обещать не будет.

И вот однажды Массиондз услышал, как Нищенко отчитывала своим звонким голосом бригадира. Она кричала в десятый раз, что без сапог женщине в тайге работать невозможно. Массиондз окликнул Лену, добродушно улыбаясь:

— Слушай, Лена, ты же хохлушка, а все хохлушки умеют хаты мазать...

Лена огрызнулась...

— Не хохлушка, а украинка. И при чем тут хаты?

— А при том! Начальник приказал нам шалаши строить, а их обмазывать глиной надо. Вот ты и покажи, как это делается. А я тебе сапоги достану!

Нищенко насторожилась.

— А не брешешь?

— Завтра получишь...

Наутро Массиондз принес Лене сапоги. Она раздобыла где-то лопату, накопала глины и начала ее месить, подбавляя в грязную жижу рубленое сено.

На стройке шалашей орудовала бригада Макаренко; макеевцы избрали этого широкоплечего сильного киевлянина своим бригадиром после того, как их прежний руководитель сбежал. Макаренко необычайно ловко оплетал колья лозой и крыл лозу берестой. Следом за ним шла Нищенко. Она работала от зари до зари в любую погоду. Разувшись, она месила ногами глину, потом выкладывала ее поверх бересты и обмазывала шалаш точь-в-точь, как мажут хаты в украинской деревне.

И все же Нищенко не успевала за плотниками. Тогда она собрала комсомольцев и создала из них бригаду штукатуров. Правда, до этого никто из них ни разу в жизни не имел дела с глиной, но Лена сумела довольно быстро приучить их к этому нехитрому делу. Однако она все еще не была удовлетворена. Можно было бы обмазывать больше шалашей, если бы было достаточно разведенной глины. Много ли ее вымесишь ногами?

Однажды Массиондз приехал на участок верхом на лошади. Это было событие: лошадей на стройке было очень мало. Оказывается, комсомольцы поймали в тайге одичалого коня, отбившегося от какой-то экспедиции. Массиондз привязал коня к березе и пошел по лесу. Гла-

за у Лены разгорелись: вот теперь она покажет, как можно работать! Она набросала огромную грудку глины, разровняла и залила ее водой. Потом подбежала к лошади, отвязала ее и смело вскарабкалась в седло.

Лошадь не понимала, чего хочет от нее этот странный седок. Отвыкнув от людей, она храпела и брыкалась. Но Лена, засунув босые ноги в стремяна, колотила ее пятками под бока и упорно понукала — она хотела заставить лошадь месить глину.

Куча была большая, метров пять шириной. Залитая водой, она напоминала огромную трясину. Когда Нищенко натянула повод, лошадь взвилась, как ужаленная, на дыбы. Сзади заулюлюкали комсомольцы, которым хотелось помочь Лене загнать коня в глину. Тогда лошадь рванулась вперед. Нищенко изо всех сил потянула за повод, и тут произошло что-то страшное: обезумевшая лошадь потеряла равновесие, центр тяжести переместился назад и она с размаху рухнула на спину, придавив Лену седлом.

Все ахнули. Лошадь тяжело брыкнула копытами и перевалилась на бок. Вверх полетели желтые брызги. Лена бессильно лежала в жидкой глине рядом с конем. Одна нога ее висела в стремени. По ней стекала кровь. Потом лошадь поднялась и, выскочив из глины, ускакала в тайгу. Все это произошло так быстро, что ее не успели задержать.

Нищенко вытащили. Подруги долго пытались остановить кровотечение. Смертельно бледная Лена повторяла:

— Конь ушел... Конь ушел... Что я Массиондзу скажу?

Ее товарищи растерялись. Врач был в нескольких километрах отсюда, на берегу Амура. Как быть? Идти она не может, нести ее не на чем, нет носилок. Тогда решили отвезти Лену на лодке — вниз по речке Силинка, а потом по Амуру, против течения. Так и сделали. Но когда лодка спустилась к Амуру, откуда-то налетел свирепый ветер. Лодку отнесло на середину реки, и комсомольцы, выбиваясь из сил, четыре часа гребли к берегу.

Лена лежала в лодке совсем синяя, она сразу осунулась. Наскоро сделанная повязка пропиталась кровью. Когда лодка наконец причалила к берегу, к ней подбежал запыхавшийся Массиондз — он бегом примчался сюда прямо с участка. Сюда же спешил врач в белом

халате. Ругнув комсомольцев за то, что они рискнули в такую погоду везти раненую в лодке, Массиондз подошел к Лене. Он неловко спросил ее:

— Как же это ты, Лена?

Щеки Лены покрылись слабым румянцем. Она чуть слышно сказала:

— Не ругайте меня за коня, я хотела как лучше...

Врач копался пинцетом в ране и тщетно пытался остановить кровотечение. Массиондз взволнованно сказал:

— Черт с ним, с конем, Лена, мы его опять поймаем. Выздоровливай скорее.

Лена вдруг заплакала. Стыдясь своих слез, она еще тише сказала:

— Мне не больно, Массиондз, мне коня жалко...

Через семь дней, когда Лена пришла в сознание и ей стало немного легче, к ней явилась целая делегация. Комсомольцы принесли премию от руководства строительства. Нищенко наградили теплой фуфайкой — по тем временам это был королевский подарок. Теперь о Нищенко говорила вся стройка. Она стала героиней дня. Рана еще долго не заживала, и даже после выписки из больницы Лена ходила прихрамывая. Но это не помешало ей пойти на стройку плотником...

Кое-кто, однако, начал убежать. Одним из первых исчез киевлянин Датюк. Потом ушла целая группа комсомольцев. Ее увел в тайгу какой-то подозрительный старик, взявший с них за это большие деньги. В одном сарае создавался «гульком» — полуполюгальный «гулевой комитет», который организовал целую группу прогульщиков в сто двадцать человек. Этот «комитет» подделывал талоны на обед и кормил всю ораву. Кроме того, он создал бригады для ловли рыбы и сбора ягод. Лозунг у «гулькома» был такой: «От работы кони дохнут». Здесь же в сарае подделывались пропуска на пароход — обладатель такого пропуска мог уехать из Комсомольска. За фальшивый пропуск брали от ста до двухсот рублей.

Группа молодых ребят разработала совершенно фантастический план: купить лодку, спуститься в ней вниз по течению, переплыть Татарский пролив, добраться до Сахалина и оттуда на пароходе уехать домой. Украинец Голованев, худой, угловатый паренек, поздно

ночью, когда все уже спали, пошел к знакомому рыбаку, с которым все уже было договорено, отдал ему деньги и получил ключ от лодки. Все было готово. Голованев вернулся в свинарник, в котором жила его бригада. Оставалось забрать вещи и уйти. Но он медлил, понурившись, стоял у входа. На земле спали, раскинув руки, мокрые, грязные комсомольцы. Вместе с ними Голованев мечтал о том, как будет выстроен город в тайге, вместе с ними корчевал пни. И вот сейчас он предаст их...

Голованев вышел из свинарника, не взяв вещей.

Он отыскал приятеля, с которым собирался бежать, сунул ему тысячу двести рублей, скопленные на дороге, и пробормотал:

— Возьми. Пригодятся. А я останусь. Понимаешь, не могу...

— Трус!..

Приятель выругался, сплюнул, но деньги взял. Наутро он исчез.

Комитет жил кипучей жизнью. Знаменитый украинский бетонщик Сидоренко, строивший Харьковский тракторный и Днепрострой, московский техник Шефтелевич и ростовский комсомолец Андрианов собирали прогульщиков и до хрипоты ругались с ними. Конфисковывали карты и финские ножи. Организовывали политучебу в шалашах, собирали детей приехавших на стройку вербованных рабочих, чтобы создать пионерский отряд, устраивали штурмы, походы, эстафеты, подсчитывали кубометры леса, земли, сочиняли воззвания и организовывали починку обуви.

Киевлянин Макаренко похудел, глаза его ушли еще глубже, ремень застегивался на последнюю дырочку. Он теперь уже не стеснялся подать голос на собраниях, столкнуть с дороги парня, который пробовал смеяться над неуклюжим плотником.

Криворожский комсомолец Выбицкий, который когда-то возглавлял группу мобилизованных комсомольцев Криворожья, сейчас был на новой, очень трудной работе. Его должность именовалась несколько необычно: массовик коммунально-бытового отдела. Он помогал комсомольскому комитету бороться с прогулами, организовывал агитбригады, выдумывал песенки и частушки, в которых высмеивались дезертиры, и сам разучивал

их. Выбицкого, веселого, подвижного парня, все очень любили, и он пользовался необычайным авторитетом. И все же дезертирство не прекращалось.

Ночью Зангиева разбудили: Попандопуло увел баржу, стоявшую у берега, целую бригаду. Утром баржу должны были увести в Хабаровск. Дезертиры хотели бежать на ней. Попандопуло? Зангиев вспомнил коренастого, упрямого парня, лицо которого быстро обросло какой-то клочковатой рыжей бородой, — в деревне не было парикмахера, и комсомольцы постепенно обретали совсем не свойственную их возрасту внешность.

Попандопуло... Он, кажется, неплохо работал на корчевке. Зангиев толкнул в бок Сидоренко, который спал рядом с ним на одном соломенном матрасе, — оба члена комитета жили в старой, прокопченной бане:

— Пошли. На баржу. Попандопуло...

Сидоренко понимающе кивнул головой, вскочил и стал натягивать ботинки. Эти ночные прогулки повторялись довольно часто. Дезертиры под покровом ночи переправлялись на пустые баржи, которые наутро с пароходами уходили в Хабаровск.

Через несколько минут Сидоренко и Зангиев сидели в шлюпке и гребли к барже. Оттуда раздался знакомый веселый голос. Попандопуло насмешливо скомандовал:

— Эй, на шлюпке! Лево руля. Не подходить!

Зангиев, стараясь быть спокойнее, незлобиво ответил:

— Не дури!..

Весла плеснули опять. С баржи скомандовали злее:

— Не подходи! Стрелять будем...

Зангиев опять спокойно сказал:

— Не надо нервничать, Попандопуло. Мы с тобой поговорить хотим. Не кричать же с берега.

На борту баржи поднялся невообразимый шум.

Шлюпка причалила к барже, стукнувшись в темноте о борт. Ее оттолкнули сразу несколько десятков рук. Сидоренко, балансируя в лодке, удержал ее и снова причалил. Лодку снова оттолкнули. Зангиев все время мирно беседовал с Попандопуло, нарочно не обращая внимания на эту возню. Как ни в чем не бывало он спрашивал у бригадира, как вчера работала бригада на корчевке, что бригадир думает делать завтра, какие новости на участке.

Попандопуло приготовился к ругани. Он ждал рез-

ких упреков и заранее придумал обидные и злые ответы. Сейчас он был несколько озадачен и поэтому, вместо лихой отповеди, тихо сказал в темноту:

— Мы сегодня уезжаем. — И, боясь, что его не поймут, он тут же добавил: — Насовсем уезжаем, понял?..

Сидоренко тем временем улучил удобную минутку и подвел шлюпку к самому борту. Ее не успели оттолкнуть, и оба члена комитета ловко прыгнули на баржу. Снова поднялся свист и крики. В темноте вспыхивали огоньки папирос, мелькали силуэты — на корме толпились беглецы.

Зангиев по-прежнему делал вид, что ничего не замечает. Казалось, он был весь поглощен беседой с одним Попандопуло. Усевшись рядом с ним на какой-то ящик, он закурил и спокойно продолжал разговор:

— Насовсем, говоришь? Интересно. Погуляешь, отдохнешь, с девушками знакомыми встретишься. Тебя не бось как героя стройки встретят...

Продрогший, забрызганный водой, Сидоренко недоумевал, почему Костя так мирно болтает с этим дезертиром? Этого мерзавца арестовать надо, а он любезничает с ним. И Сидоренко резко вмешался:

— Герой! Ты скажи, дорого взял?

Попандопуло вспыхнул:

— Что ты мелешь?

— Дорого взял, говорю? Помнишь, в одной сказке писалось, как Иуда Христа продавал за тридцать сребренников. А ты...

Попандопуло вскочил. Из-под всклокоченных рыжих бровей сверкнули злые глаза:

— Я сказок не читаю, из детского возраста вышел!..

На корме загалдели. Зангиев как ни в чем не бывало продолжал разговор:

— Ведь они тебя посылали сюда на геройское дело. Знали, кого посылали. Надеялись на тебя. И вот ты вернулся. Раз вернулся, значит, стройку уже кончили. Значит, тебе тут честь и слава. Разве такой, как ты, мог бы сбежать, позорно дезертировать?..

Попандопуло как-то обмяк. С Сидоренко он справился бы быстро — тут удар идет на удар. А этот, черт, за душу тянет...

А Костя все так же спокойно говорил:

— И вот тебя встретят, как героя, окружают, спросят: а как вы там работали, какой город выстроили? А тебе

и сказать-то нечего — так быстро в дорогу собрался, что и узнать ничего не успел. Зашел бы ко мне, я бы тебе рассказал наши планы, показал бы по карте, что мы тут выстроим. Все тебе легче было бы...

Попандопуло молча ворочался на ящике, силясь понять, искренно говорит Костя или издевается над ним. Но издевки в голосе Зангиева не было. К вящему удивлению Сидоренко он вдруг начал подробно рассказывать о будущем социалистическом городе. Говорил он негромко, душевно — совсем не так, как говорят на митинге. Это подкупало. Попандопуло теперь сидел совсем тихо, как провинившийся мальчишка, хотя Костя ни разу не упрекнул его. Затихли и те, что шумели и на корме. Оттуда по одному подходили все новые и новые люди. Теперь Костя был окружен плотным кольцом слушателей. Не обращая внимания, он по-прежнему говорил одному Попандопуло:

— И вот мы едем на троллейбусе по проспекту Ленина. Кругом огни, светофоры, магазины с большими витринами. Вот проехали мимо большого комсомольского кинотеатра. Тут, левее, остался парк. Там сейчас горят прожекторы, люди прыгают с парашютной вышки, а там, внизу, течет Амур. Набережная вся в граните. У пристани речной вокзал. А дальше, на рейде, весь в огнях огромный теплоход. Первый теплоход, спущенный со стапелей нашего завода! На этом теплоходе едут кругосветным путем в Ленинград лучшие ударники стройки...

Сидоренко перестал внутренне возмущаться. Теперь он и сам с увлечением слушал этот рассказ. Костя говорил все о том же, о чем мечтали они все, когда Крикун развивал свои планы кругосветной экскурсии. Попандопуло молча вынул из дерева финский нож и яростно стругал какую-то доску, подвернувшуюся под руку.

— Ты знаешь, счастливые это будут люди. Ведь их вся страна на руках носить будет!..

Костя вдруг резко оборвал:

— Вот ты все это дома и расскажи. А так что ж? Счастливого пути, как говорится, — и он протянул руку Попандопуло. — Не забывай, пиши...

Наступила напряженная минута. Стало так тихо, будто бы на палубе не было ни одной живой души. Сидоренко обмер: неужели же вот так и бросить их здесь — целую баржу дезертиров?..

Попандопуло медлил. Рука Кости висела в воздухе. Видимо, бригадир колебался. И в этот момент кто-то нерпеливо выкрикнул:

— К черту! Кому он басни рассказывает? Мы сто раз сложем до того теплохода.

— Погибайте сами в этом болоте!..

И в этот момент к Косте подошел Попандопуло. Он тихо сказал ему:

— Завтра зайду в комитет...

И, обернувшись к корме, зычно скомандовал:

— А ну, ша! Чтобы было тихо! Попандопуло не едет сегодня, мальчики!..

...К себе в баню Зангиев и Сидоренко возвращались под утро. Они четыре часа просидели на этой проклятой барже. Разговор кончился тем, что беглецы мирно разошлись по своим палаткам.

Разговоры были очень откровенными. Члены комитета узнали много нелестного о работе хозяйственников, снабженцев, некоторых неумелых комсомольских организаторов. В конце концов дезертирство возникало не потому, что люди были плохи, а из-за того, что с ними плохо работали. Комсомольский комитет долгое время забывал о том, что в первую очередь надо заниматься воспитанием людей. Сейчас Зангиев понял, что вот этот разговор по душам на барже стоит десятка протоколов допроса дезертиров. Лучше предупредить бегство людей, чем потом осуждать беглецов!

Если бы на стройке было больше порядка, организованности, заботы о людях, дезертирство во много раз уменьшилось бы. Молодым руководителям стройки не хватало опыта. Было много излишней суеты, шумихи, увлечение штурмами начинало утомлять людей, хотя они по-прежнему охотно выходили на работу даже по ночам, если это требовалось.

Раздражало комсомольцев и то, что руководители порой давали обещания и провозглашали обязательства как-то механически, отказываясь считаться с суровой реальностью, которая не давала никакой возможности эти обещания и обязательства выполнить в столь сложных обстоятельствах.

Нереальным был лозунг, который все еще висел на фасаде церкви: «Построим завод к 1 января». Неправду говорил начальник снабжения, когда в ответ на жалобы рабочих он заявлял одно и то же: «Все закуплено,

все движется, все на колесах». Непродуманные, безответственные обещания злили людей.

Перестали воодушевлять их даже речи руководителя стройки Каттеля, которые раньше им так нравились.

Партийный комитет видел, что обстановка усложняется, понимал, что стиль работы надо менять, что надо самым решительным образом бороться с ошибками в работе. Члены парткома старались глубже вникать в сложные дела строительства, смело критиковали хозяйственников и в то же время помогали им. Многие удавалось исправить, но трудностей было много, очень много, и для преодоления их требовались огромные, истинно героические усилия.

В этот сложный и трудный момент на помощь хозяйственным, партийным и комсомольским руководителям стройки пришел крайком партии. 22 августа 1932 года в Пермское прилетел секретарь крайкома И. О. Бергавинов. Был созван огромный митинг, и Бергавинов выступил с прямой, откровенной речью, обращенной к умам и сердцам строителей. Он не скрывал трудностей, не сулил золотых гор, напротив, говорил о том, что трудности будут и, видимо, зимой они даже усилятся, но с ними надо бороться по-большевистски: никто за нас этого не сделает, мы сами, и только мы сами сможем преодолеть эти трудности и выполнить ту задачу, ради которой партия и комсомол послали в эту дикую тайгу своих лучших сыновей.

У нас сохранилась стенограмма этой интереснейшей речи, подлинный документ этой изумительной эпохи, ее записал Эрлих. И вот некоторые выдержки из нее, помогающие воссоздать и ту неповторимую атмосферу, которая тогда царила там, на берегу Амура, и стиль партийного руководства Бергавинова, и его умение, что называется, брать быка за рога, ставить острые вопросы и давать на них прямой партийный ответ. Вот что он говорил и вот как он говорил:

— Товарищи! — начал секретарь крайкома. — Я знаю, что после моего отъезда, или точнее отлета, вы меня будете ругать. Скажете, что вот, мол, приехал, повертел хвостом и уехал, а мы остались. Но у меня другого выхода нет, через 30 часов я должен выехать из Хабаровска в Москву, где, между прочим, мне придется заниматься и вопросами вашей стройки...

И далее Бергавинов сразу же коснулся самого боль-

ного вопроса, вокруг которого в шалашах и бараках было так много толков и пересудов: почему было решено строить заводы и город в таком далеком таежном углу, куда трудно доставлять все необходимое для стройки. Не разумнее ли было бы сооружать заводы где-нибудь возле Хабаровска или Владивостока?

— Я принадлежу к числу людей, которым партией и правительством было поручено выбрать место строительства, — сказал Бергавинов, преднамеренно вызывая огонь на себя, — вот, мол, выбрал какое гиблое место; будь ты проклят. Но учтите, товарищи, время сейчас, сами знаете, суровое, пахнет порохом, и строить в таких условиях на границе — дело рискованное, а здесь заводы будут в полной безопасности. К тому же учтите, сюда уже начали прокладывать от Волочасевки железную дорогу, и придет время, когда на месте этой тайги будет стоять большой город, и сюда будут каждый день приходить поезда...

Но секретарь крайкома не скрывал, что до этого придется пережить еще очень большие трудности.

— Невозможно, — сказал он, — рассчитывать на то, что когда мы создаем такой завод-гигант и создаем его буквально на голом месте, на плешине в тайге, за сотни километров от железной дороги, невозможно в таких условиях рассчитывать на то, чтобы тут все сразу было подготовлено для удобной жизни и успешной работы. Именно поэтому и пришлось и приходится еще эти трудности преодолевать. Фокус не в том, чтобы не было этих трудностей, — на первый период они неизбежны, — фокус заключается в том, чтобы их стало меньше, а этого мы с вами должны добиться...

Другого выхода нет, — подчеркнул Бергавинов. — Конечно, можно и убежать, кое-кто именно такой выход находит. Ну, хорошо, — уйдет один, уйдет другой, уйдут сотни людей, а дальше что? Создавать этот завод и этот город нам все равно придется. Значит, вместо этих беглецов будут приезжать новые тысячи людей, и они опять будут жаловаться, что нет того, другого, а трудности все равно надо будет преодолевать. Нет, товарищи, раз уж мы взялись за дело, то, как это ни трудно, — а это действительно дьявольски трудно, дьявольски тяжело, — надо его довести до конца. В кусты бежать не приходится. И вы должны действовать как настоящие хозяева стройки.

Знаю, что у вас плохо с жильем, плохо с питанием, плохо со снабжением. Многого я вам не обещаю, но сейчас кое-что мы вам подбросим из централизованных фондов, в том числе и по части мануфактуры. И даже дадим на несколько барачков хорошие заграничные гармошки...

Раздался веселый смех. Послышались реплики: «Давайте, давайте!» Бергавинов почувствовал, что ледок разбит, контакт с аудиторией устанавливается. И он пошутил:

— Да, ребята, гармошка вас не подведет, иной раз и от горя трепака задашь...

Послышались аплодисменты. А Бергавинов уже переходил на серьезный тон:

— Еще раз вам говорю: вы здесь хозяева. И я думаю, что настраиваться надо на долгую работу и жизнь в этих местах. А места здесь красивые, климат здоровый, только надо обжиться тут как следует, навести порядок и культуру в жизни. Семьи пусть сюда едут. Мы должны обеспечить их жильем, потому что знаете — семья есть семья. Все мы люди, каждый знает, что творится с человеком, если он полгода-жизнь не видит. Все это по-человечески понятно. Семья вообще укрепляет каждое дело. Значит, надо быстрее строить бараки для семейных.

Теперь опять о снабжении. Считаю так: в первую голову надо взять работу ваших кооператоров. Нельзя рассчитывать только на то, что привезут из Москвы. Пусть займутся заготовками продовольствия по амурским селам, пусть свяжутся с нанайцами — охотниками и рыбаками. А вы сами, особенно комсомольцы, трясите своих кооператоров покрепче, как следует тут, а заодно и помогайте им.

И тут же секретарь крайкома опять честно предупредил:

— И все-таки, товарищи, судя по всему, предстоящая зима будет трудной. Говорю об этом прямо потому, что знаю: рабочий человек не любит, если ему очко крутят. Как бы ни была жестока правда, но если о ней говорят открыто — это лучше.

— Правильно! — слышались голоса.

— Трудно будет, — продолжал Бергавинов. — Мы будем вам помогать, будем вместе с вами решать ваши сложные задачи. Но говорю прямо: никто за вас вашу

работу сделать не сможет и в кусты убегать ни в коем случае не следует. Это никуда не годится.

Так что же от вас требуется прежде всего? — спросил он. И ответил: — Дружба! Дружно жить — очень большое дело. Конечно, найдутся такие, которые похнычут, попищат. Поддержите их! Разберитесь, в чем дело. Если человек оступился, растерялся — ваша помощь вернет его на правильный путь. Ну а уж если это хныканье просто от того, что у человека неисправимо слабое нутро, что ж, тогда худую траву с поля вон. Черт с ним, пусть уезжает. А здесь останутся выдержанные, сильные люди, которые закалят себя на этом деле, которые станут новыми людьми и построят новую жизнь в этом пока еще глухом диком месте.

Раздались аплодисменты. Бергавинов обвел взором внимательно слушающую его молодежь и сказал:

— Товарища Каттеля поддержите. Помогите ему в его большой работе, а то если он будет только один за все дела хвататься, то сколько не будет трясти своей жидкой бородой, ничего не выйдет. А с вашей помощью горы свернет. Это факт. Есть, конечно, и у него недостатки — расплывается, во все дыры лезет, — как говорят: тыр-тыр, сорок дыр. Излишне нервничает. Может быть, иногда грубовато решает. Может быть, иногда хочет всех под себя подмять. Но это, товарищи, дело поправимое. Главное, это то, что он при вашей поддержке может быть хорошим вожаком стройки. Опыт у него большой, и он вместе с вами наверняка все трудности преодолет. Тогда у него от удовольствия и работа пойдет и борода погуще вырастет...

Строители громко захохотали и зааплодировали. Каттель сконфуженно улыбался. Настроение в толпе решительно изменялось — Бергавинов сумел добиться перелома. И в заключение он говорил:

— Нет сомнения, товарищи, что вот эти ваши паршивые, нехорошие шалаши, — будь они во веки веков прокляты, — со временем исчезнут, и на их месте будут воздвигнуты крупные дома со всеми благоустройствами, а на месте вот этих диких пустырей встанут корпуса заводов. И вот я не сомневаюсь, что многие из вас вдохновятся этим новым индустриальным завоеванием на Дальнем Востоке и останутся работать на этих заводах. Мы, конечно, не будем здесь никого оставлять в порядке комсомольской мобилизации, но это будет великий, за-

хватывающий творческий процесс, и я уверен, что многие останутся добровольно...

— Так оно и будет! — закричал Павел Шве́ц, хлопая в ладоши, и все его поддержали.

Эта встреча с секретарем крайкома партии запомнилась всем надолго, и о ней очень долго вспоминали в шалашах и бараках, повторяя наиболее понравившиеся меткие и острые его словечки.

Комитет комсомола работал так...

Комсомольский комитет в эти дни был перегружен организационными делами. Повестка дня обычно выглядела так: «Как организовать сушку мокрой одежды; как провести сбор политучебников у ребят; кому какие чердаки обойти, чтобы на работу вышло 100 процентов комсомольцев; как подготовить очередной субботник; кого командировать в нанайские колхозы для закупки продуктов».

Партийный комитет, который был душой стройки, предоставлял комсомольской организации самые широкие возможности для проявления инициативы. Ведь комсомольцы представляли собой основной костяк коллектива строителей и с ними можно было любые горы свернуть.

Заседали, впрочем, комсомольцы редко. Заседать было некогда. Разъезжали по всему краю в поисках продуктов. Сидоренко послали в Хабаровск. В удостоверении было записано: «Командируется от комитета комсомола для проверки нарядов у Крайпотребсоюза, Крайснаба, Крайкоопита по своевременной отгрузке продуктов питания и для организации комсомольских постов по проверке нарядов по отгрузке продуктов питания, что и удостоверяется».

Швец был командирован на заготовку овощей в Тамбовский район. Андрианов уехал в Николаевск — покупать рыболовную снасть: комсомольцы решили создать рыбный промысел при стройке. Конечно, всеми этими делами комсомольский комитет часто попросту подменял кооператоров. Но рассуждали так: все что угодно, лишь бы рабочие были сыты.

В шалашах по вечерам оживленно беседовали. Ростовский комсомолец Карл За́кевич раздобыл где-то ке-

росин, смастерил из консервной банки светильник и читал лекции — какой будет жизнь при коммунизме.

На крохотной площадке возле церкви начали собираться физкультурники. Где-то раздобыли мяч и начали готовиться к краевой спартакиаде. Правда, подготовка была довольно примитивной. У ребят не было даже секундомера. Но все же подготовка шла с большим азартом. Однажды мимо площадки пробежал Лева Качаев. Ему до всего было дело. Отложив в сторону свою потрепанную папку, Лева остановился и спросил, кто здесь бегают. Ему сказали:

— Мы едем на спартакиаду в Хабаровск. Может быть, и ты бегать умеешь?

Вместо ответа Лева сбросил пиджак и снял свои лыковые лапти. Он бегал по дорожке три раза и обогнал всех. Его немедленно зачислили в команду. Перед отъездом физкультурников собрали в комсомольском комитете. Им строго сказали:

— Вас тридцать два человека. Это добрых четыре бригады. Положение на стройке вы знаете. Возвращайтесь поскорее.

Физкультурники в Хабаровске показали неплохие спортивные результаты. Обрато они ехали пароходом, который вел на буксире баржу с лошадьми для стройки. Сена было мало, а пароход шел медленно. На четвертые сутки лошади начали падать от истощения. Тогда Лева пошел к капитану и сказал:

— Физкультурники стройки предлагают вам немедленно причалить к берегу, как только вы увидите первый стог сена. Остальное мы обеспечим сами...

В это время Амур от дождей вышел из берегов и много стогов сена осталось стоять прямо в воде — крохотными островками. Капитан согласился выполнить это требование.

Так физкультурники стройки прославили ее на краевой спартакиаде и спасли от гибели лошадей. Наибольшее впечатление в Пермском, конечно, произвело второе, а не первое обстоятельство: 180 лошадей, привезенных на барже, были огромным богатством для стройки.

Вот так в ту пору и работал комсомольский комитет, занимаясь всеми делами, какие только возникали на стройке, откликаясь на любой тревожный сигнал.

Когда четыре с лишним года спустя мы собирали материалы, чтобы написать эту книгу, секретарь горко-

ма комсомола Исаак Минкин предоставил в наше распоряжение бережно сохраненный архив 1932 года. И вот некоторые документы той поры, которые лучше всяких рассуждений рисуют неповторимые картины деятельности комсомола...

Извещение. 14 июля 1932 года в 8 часов вечера состоится заседание бюро комитета ВЛКСМ. Повестка дня: 1. Утверждение плана работы (Поликарпов). 2. Организация штаба «легкой кавалерии» (Сидоренко). 3. О проведении субботника (Коцюба). 4. Организация пионерской работы (Сидоренко). 5. Закупка продуктов (Поликарпов). 6. Организация ячеек № 13 и № 14 (Сидоренко). 7. О дезертирах (Сидоренко). Явка в 8 часов вечера обязательна без опоздания. *Заворг комитета комсомола Сидоренко.*

Удостоверение. Настоящее дано бригаде в составе одного человека Коцюба в том, что он командирован на постройку клуба для оказания практической помощи местному руководству в проведении сентябрьского штурма. Что и удостоверяется.

Удостоверение. Дано настоящее члену комитета комсомола Дальпромстроя т. Анохину Г. И. в удостоверение того, что он действительно мобилизован на заготовку овощей в Тамбовском районе для сверхударного строительства Дальпромстроя в качестве бригадира.

Протокол первой комсомольской конференции Дальпромстроя. Июль 1932 года. Налицо 2324 комсомольца, 12 уставных и 25 звеньевых ячеек, 107 ударных бригад — 1100 комсомольцев, 32 бригады выполняют свои задания свыше 150 процентов, 73 — свыше 100. За июнь премировано 527 комсомольцев. Доклад начальника строительства Каттеля «О ходе и перспективах стройки», доклад оргбюро — «Отчет и практические задачи». Решение: Ход выполнения июльского плана ни в коей мере не совпадает с необходимыми темпами и сроками строительства. Объявить конкурс на лучшую хозрасчетную бригаду. Организовано провести обмен комсомольских билетов и организовать принятие самообязательств. Провести декадник по улучшению питания. Создать контрольные комиссии при столовых. Особое внимание уделить стройке барakov.

Отчет комсомольского барака № 36 (бригадир Андрианов) о борьбе за чистоту. В выходной день 30 июня после комсомольского субботника по выгрузке барж была начата уборка барака. Сделано следующее: 1. Крыша покрыта толем. 2. Внутри барак оклеен газетами. 3. Сделано окно. 4. Сделан шкафчик для посуды. 5. Сделаны стол и скамейка. 6. Убрали грязь около барака и насыпали кругом гравий. 7. Украсили барак ветками и положили на пол траву. Ребята из бригады Селезнева стали чаще бриться, ежедневно купаться в Амуре. *Тарлинский, Ремпель, Уколов, Жигайлов.*

Постановление комитета комсомола. Комитет постановляет к Международному юношескому дню дать тонны грибов и ягод путем сбора их в выходные дни и, кроме того, организовать не менее десяти постоянных бригад по сбору грибов и ягод из иждивенцев (семьи рабочих и служащих, ребята старших возрастов, примерно с 11—12 лет). Немедленно приступить к разъяснительной

работе среди семейных рабочих. Для этого ячейки должны выделить наиболее выдержанных товарищей, которые сумеют разъяснить значение самозаготовок в наших условиях. Для заключения соглашений о сдаче заготовленной продукции направлять людей в правление ОРС, до 25, к Павлову и Харитонову.

Время было суровое. С далекой Кубани шли смутные слухи о кулацком саботаже. Донбасс не выполнял своей программы. У дверей закрытых распределителей стояли длинные очереди: по карточкам выдавали хлеб, грубошерстную ткань и тапочки, сшитые из обрезков материи. На стройках работали многие сотни тысяч людей, вся земля, изрытая и перекопанная, была похожа на одну гигантскую строительную площадку. Кончалась первая пятилетка, страна выполняла ее в четыре года, чтобы обезопасить себя от готовившегося нападения врагов.

Наша страна жила, как осажденная крепость, и в этих условиях требовалась железная государственная дисциплина. 27 августа, через пять дней после митинга, на котором выступал секретарь крайкома партии Бергавинов, комсомольцы прочли в «Амурском ударнике» важное решение правительства:

«За последнее время участились жалобы рабочих и колхозников на хищения (воровство) грузов на железнодорожном и водном транспорте и хищения (воровство) кооперативного и колхозного имущества со стороны хулиганствующих и вообще противонародных элементов. Равным образом участились жалобы на насилия и угрозы кулацких элементов в отношении колхозников, нежелающих выйти из колхозов и честно и самоотверженно работающих над укреплением последних.

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозно-кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа...»

Основа советского строя крепла и ширилась. Это отлично понимали комсомольцы, создававшие ее своими руками. Общественная собственность не была для них понятием отвлеченным. Это было свое, кровное. И комсомольцы на собраниях все резче ругали администрацию за то, что грузы, лежащие на берегу, до сих пор

охраняются недостаточно бдительно, что в столовых кое-где обнаружались растратчики, что в пригородном хозяйстве нет должного порядка.

Комсомол ставил на охрану общественной собственности своих, проверенных людей. Лену Нищенко послали в пекарню — она сама пекла хлеб и следила за тем, чтобы никто не стащил лишний кусок. Петя Костров, который когда-то собирался бежать на Сахалин, но потом одумался и стал энергично корчевать пни, отправился в пригородное хозяйство. Там он стал кладовщиком, и вскоре его избрали комсоргом. Многие комсомольцев послали в ОРС — так называли тогда отделы рабочего снабжения — и в прокуратуру.

Коле Крикуну поручили самый ответственный участок — охрану грузов, лежащих на берегу. Коля с радостью принял это предложение. Его всегда увлекало военное дело, и он с гордостью носил зеленый костюм «юнгштурм» и фуражку со звездой. С первым же парходом он выехал в Хабаровск раздобыть оружие. Оттуда он вернулся с наганом, надетым через плечо на ремне. С собой Крикун привез целый ящик старинных винтовок различных систем. Винтовки роздали комсомольцам, и они вышли на берег — охранять ящики с продовольствием, части машин, мешки с цементом, разбросанные вдоль Амура.

Кончался сентябрь 1932 года. Ночами уже были первые заморозки. Строительство бараков подвигалось медленно. Люди ютились по-прежнему в шалашах. И дезертирство возобновилось. Бежали по ночам, с краской стыда на лице, но бежали.

Однажды в комитет комсомола прибыл секретный пакет из Вятки. В нем лежала перепечатанная на машинке копия письма комсомольца Сергея Качурова к своей матери. Качуров писал нечто совершенно невероятное:

«Добрый день, дорогая семья! Пишу очень второпях. Мама, прошу вас как-нибудь позаботиться о моем освобождении. А то надеяться не на кого... Вам жить очень трудно без меня, но мне еще в несколько раз труднее вашего. Даже мне писать про свою жизнь вам неохота. Живу очень скверно: в болоте, в горах воды полно. Кругом заливы, реки и моря.

Не получаем никакой спецодежды... Прошу вас нажать на горком, чтобы освободили меня. Даже можете

хлопотать вплоть до Центрального Комитета ВЛКСМ в Москве. А если не так, то вам не видать меня года три или два, не раньше.

Я пока жив и здоров, но можно ожидать нечаянного случая каждую минуту, — зверей полно и змеи на каждом шагу и другие неприятности. Все не напишешь, у меня голова кужится, я не могу даже писать. Вот как живет известный вам Качуров Сергей Степанович...»

В комитете комсомола читали это письмо нахмурившись. Больше всего ребят возмущал не этот трусишка, а секретарь Вятского горкома комсомола Шуклин. Вместо того чтобы успокоить перепугавшуюся старушку мать Качурова, секретарь горкома сам поддался панике и срочно запрашивал Дальний Восток:

«Возможен ли отзыв Качурова обратно в нашу организацию? Прошу данное дело провести как можно скорее...»

Надо было опять что-то предпринимать. Зангиев и Сидоренко долго ворочались на нарах в своей прокопченной бане, не зная, с чего начать. Ясно было одно: надо поднять дух у ребят, как-то развеять тоску по родным местам, вселить в них бодрость. Надо было сделать так, чтобы каждый поверил в себя и работал с таким же упорством, как Нищенко, как Макаренко, Андрианов...

Через несколько дней в «Амурском ударнике» появилась статья «Слезы Сережи Качурова». Безымянный автор ее дружески журил впавшего в панику комсомольца:

«Закружилась голова у Сережи от страха, и он сам себя пугает воображаемыми опасностями, пугает и свою старушку мать. Где ты, Сережа, живешь? Около тебя тысячи молодых здоровых ребят, у которых не кружится голова. Мы хотим верить, Сережа, что и ты здоров. Мы знаем, что это классовый враг вскружил тебе голову несуществующими страхами. Мы окажем тебе поддержку, вместе будем бороться за завод, за город Комсомольск...»

За город Комсомольск? Это была удачная мысль. Сидоренко и Шефтелевич, работая в комитете комсомола, не раз в мечтах представляли себе, каким будет будущий город, и вот, а как же назвать город? Перебирали названия: «Амурград», «Амурск», «Ударный», «Комсомольский», и вдруг — «Комсомольск»...

Да, именно Комсомольск — город комсомола — вот, что строится здесь, в тайге! Комсомольцы строят не обычный завод, не обычный поселок — они строят первый в мире город всего комсомола. И никто не станет тосковать по Вятке, по Одессе, по Ростову, если его так и назвать — Комсомольск. Попробуй смани людей из города Комсомольска!

И слово «Комсомольск» действительно воодушевило людей. Целые бригады объявили себя пожизненными гражданами будущего комсомольского города. Со многих участков в комитет ВЛКСМ приносили просьбы: «Просим правительство присвоить нашему городу почетное имя Комсомольск, и мы обязуемся не покидать стройки до последнего кирпича».

Уже было послано в Москву такое ходатайство, уже на всех собраниях доложили, что это ходатайство поддерживает крайком, а в партийный комитет все несли и несли резолюции. Наступил перелом. Конечно, некоторый отсев был неизбежен — слабые люди должны были уйти, они только мешали бы в этой суровой обстановке, но зато оставались настоящие, сильные люди, которым сам черт не страшен. И в эти холодные осенние дни окончательно рушились старые землячества, рвались дружеские связи, возникали новые отношения. Киевлянина Макаренко макеевцы выбрали своим бригадиром — это была первая и лучшая хозрасчетная бригада. Колхозник Смородов, который быстро подружился с ловким Макаренко, теперь тоже был бригадиром. Смородов ходил в галифе и пиджаке, щегольски перекинув за спину конец полосатого шелкового кашне. В нем было нелегко узнать вчерашнего колхозника.

Создавался небольшой, но очень крепкий коллектив, которому в будущем суждено было стать ядром стройки. И хотя на строительстве часто по-прежнему не было должного порядка, не хватало инструмента, материалов, — этот коллектив в сравнении со своими возможностями сумел сделать очень многое.

В Дземгах

Что же происходит в эти дни в березовой роще, где приютилось нанайское стойбище Дземги? Как там разворачивается строительство?

Работы на строительстве поселка, как и на Даль-

промстрое, пока еще велись медленно, вяло, не хватало материалов, оборудования, было мало рабочих. Но 12 июля на этом хмуром фоне вдруг появился проблеск надежды на лучшее: пароход «Капитан Карпенко» доставил из Хабаровска отборное пополнение — прибыли ленинградцы.

Добровольцев, направлявшихся на стройку в Дземги, ленинградский обком комсомола отобрал особенно тщательно; имелось в виду, что строительство должно быть закончено в неслыханно короткий срок, а затем добровольцы останутся работать здесь. Поэтому предпочтение отдавалось квалифицированным рабочим.

Перед отъездом на Дальний Восток комсомольцев пригласили в обком партии. Их принял Сергей Миронович Киров, он дал им свое напутствие: «Где бы вы ни были, — говорил он, — помните: вы из города Ленина! Ваша дорога начинается здесь, в Смольном!»

И добровольцы двинулись в дальний путь. В эшелоне царило приподнятое настроение — ехали, как на фронт. В дороге к ленинградцам присоединялись молодые парни из Москвы, Харькова, Ростова, Иванова. Все быстро, по-комсомольски, знакомились и начинали дружить.

— В Хабаровске мы вышли на вокзал настолько знакомыми, будто все вместе работали на одном заводе, — вспоминал впоследствии участник этого путешествия, в ту пору молодой ленинградский токарь Павел Сафонов, которому судьба готовила интереснейший жизненный путь. Мог ли он думать тогда, как удивительно сложится его биография? Судьбой ему, как и многим, было суждено вначале заняться корчевкой леса, потом пришлось переквалифицироваться в работника общественного питания — его «бросили» на ликвидацию очередного прорыва в столовой; затем, когда начали создавать мастерские, вернули к своей специальности — он снова стал токарем. Несколько лет спустя, когда в Дземгах поднялся поселок, Сафонов начал выдвигаться как недоужинный организатор производства. Проницательный Кузьма Кузнецов угадал в нем большой прирожденный талант руководителя.

Сафонов работал и учился. Вдруг его послали — подумать только! — в далекую Америку на стажировку на американском заводе. Вернулся — направили в промакадемию. Но тут грянула война, и Сафонов был мобили-

зован в офицерское танковое училище — учиться начал в Ленинграде, а кончил в Магнитогорске. Потом фронт — от Сталинградской битвы до дня победы. Вот где пригодилась выучка, полученная в трудные годы стройки в Дземгах! А после войны — новый поворот в биографии: Павла Сафонова мобилизовали на дипломатическую работу — она и стала, наконец, основным делом его жизни.

Вот как складывались иные биографии строителей Комсомольска-на-Амуре. Каждая из них — готовый сюжет для романа...

Но в то солнечное июльское утро, когда старенький пароход «Капитан Карпенко», кряхтя, причаливал к берегу в Дземгах, Павел Сафонов, повторяю, не мог и предположить, что его ждет в жизни. Как и все, он с волнением разглядывал зеленый берег, на котором прыгали от радости и кричали «ура!» загорелые парни, радостно встречавшие подкрепление. Приехавшим не терпелось быстрее сойти на берег. Налегли на левый борт — перила палубы затрещали, человек пятнадцать рухнули в воду. Это никого не опечалило — раздался веселый смех, мокрые ребята карабкались из воды на берег, незлобиво подшучивая друг над другом.

Выгрузкой командовал какой-то браваый, очень подвижный человек среднего роста в полувоенной форме, с двумя боевыми орденами Красного Знамени на груди. В те времена такие ордена, полученные за выдающиеся подвиги в гражданской войне, были большой редкостью. Это был, как потом узнал Сафонов, комендант берега Иван Егорович Питкевич. Он командовал:

— В одну шеренгу, стройся! По порядку номеров, рассчитайся! Металлисты, поднимите руки! Два шага вперед, марш! В походную колонну, за мной, марш!

Павла Сафонова и группу его спутников привели в недостроенный глиняно-плетневый барак — еще не было ни пола, ни крыши — торчали одни стропила. Под ногами были кочки, чавкала грязь. Представитель администрации Копылов сказал: «Вы прибыли на все готовое, осталось доделать крышу. Нашей первой партии было труднее». Ну что ж, тут же взялись крыть барак рубероидом. Ребят поторапливал дождь — откуда только он взялся, проклятый!

Три часа спустя кровлю кое-как натянули. На земле в бараке стояли лужи. Было холодно. Натаскали в ба-

как валежника, зажгли костер, согрелись. Стало чуточку веселее. Сафонов много раз в своей долгой жизни вспоминал об этой первой ночи в Дземгах, когда он почувствовал себя настоящим Робинзоном и понял, как много еще придется сделать, прежде чем здесь вырастет поселок, на стройку которого он приехал из Ленинграда...

Надолго запомнился Павлу Сафонову первый выходной день в Дземгах. Это было 30 июля 1932 года. Сияло солнце. Берег Амура был усеян купающимися. Ребята стирали в реке белье, брились, причесывались, пристроив у пенька или кочки заветный осколок зеркала, — в этот день собиралась первая общепостроечная комсомольская конференция, и всем хотелось прийти туда «в порядке».

Бревенчатое здание клуба было украшено плакатами. На конференцию шли колоннами — ячейки за ячейкой. И вдруг появилась странная процессия — маршировали старики из военизированной охраны под командованием неугомонного Питкевича. Чеканя шаг, грудь колесом, он командовал: «Ать-два! Ать-два!» За ним шагали его пожилые питомцы с берданками и дробовиками за плечами. Они пели песню «Мы brave коммунары».

Подойдя по всей форме воинским шагом к секретарю комсомольской организации стройки Михайлову, который стоял у входа в клуб, Иван Егорович отрапортовал: «Товарищ секретарь! Бойцы военизированной охраны, ветераны гражданской войны, прибыли приветствовать комсомольскую конференцию. Разрешите присутствовать!» Ему дали слово на открытии конференции, и он с увлечением, с пафосом провозгласил:

— Дорогие товарищи, наша смена! Победы у нас уже велики. Вы видели, на столбах уже появились первые изоляторы для электропроводки. Скоро мы построим электростанцию, и тогда рабочий класс уже не будет вертеть своей правой рукой динамо-машину, как он вертит ее на сегодняшний день!

Действительно, Паша Бедырев, здоровенный парень, крутил в это время рукоятку небольшой динамо-машины от кинопередвижки, она давала ток для двух крошечных лампочек, которыми освещался зал заседания.

Ивану Егоровичу дружески поаплодировали. Его лю-

била молодежь: вечером у костра он интересно рассказывал о боях, в которых ему довелось участвовать в годы гражданской войны. И еще любили вместе с ним фантазировать, какой замечательный поселок вырастет здесь, в Дземгах, и какой тут будет стоять великолепный город — наверняка к той поре Дземги соединятся с Пермским...

Невзирая на свой преклонный возраст, Питкевич всегда и всюду проявлял необычную инициативу. Раскопали случайно ребята древнее нанайское погребение — он тащит черепки к себе в фанзу и организует музей — первый антропологический музей будущего города. Затеяли вечер самодеятельности — Питкевич тут как тут, надтреснутым тенорком затягивет свою любимую песню «Там вдали за рекой,...» Организуется субботник — и здесь Питкевич участвует...

О будущем теперь разговаривали всюду: в бараках, у костров, на берегу реки. О нем мечтали, в него верили — площадка для строительства уже была готова. Но вскоре разразилась ужасная катастрофа. Начались дожди, проливные амурские дожди, которые длятся десятки дней без перерыва. Мутный, сердитый Амур, пенясь, поднимал свои воды. Сначала комсомольцы смотрели на это с любопытством, потом с удивлением и, наконец, с тревогой. Странная река, вышедшая из берегов в неурочное время, грозила самому дорогому, что было у комсомольцев, — будущему городу, мечте, тревоге и надежде строителей.

Вода поднималась с катастрофической быстротой. Сначала Амур затопил несколько построек, поставленных у берега, потом он в одну минуту поднял и унес все сено, которое было заготовлено с огромным трудом на зиму для лошадей стройки. Потом грязные воды Амура ринулись на береговую площадку, где были сложены запасы леса, железа, где лежало оборудование, закупленное для стройки. Комсомольцы не спали ночей, долгие часы проводили у берега. Они работали с лихорадочной быстротой, стараясь отвоевать у Амура хоть часть богатств стройки. А Амур поднимался все выше и выше.

Не случайно на площадке будущей стройки росли такие гигантские кочки! Не случайно комсомольцы

встретили здесь глубокие болота! Эта площадка находилась в зоне затопления, и Амур с исключительной точностью в определенные сроки покрывал ее новым наносом ила.

Когда наводнение достигло наивысшей точки, комсомольцы оказались на крохотном островке. Этот островок тянулся узенькой полоской вдоль Амура. Амур был здесь — в метре от комсомольцев. Он окружал своими бурлящими водами их лагерь. Путь к суше был отрезан — два больших озера, которые раньше лежали по бокам площадки, теперь слились в одно целое.

Это было невыносимо тяжело: люди видели, что работа, которую они проделали с таким трудом за это лето, пошла прахом. Главный инженер Зиновьев также ходил грустным. Он выражал соболезнование ударным бригадам и беспомощно разводил руками:

— Что можно сделать против стихии? Ошибка, не поправимая ошибка в чертежах топографа...

Вода вскоре спадала. Работа, однако, теперь как-то не клеилась. Всем было ясно, что строить на этом месте нельзя. Будут искать и найдут более высокую площадку. Однако складывать руки и ждать, пока Москва утвердит новое место для строительства, недопустимо. Надо подготовить к зиме теплые жилища, надо заготавливать лес, надо как-то раздобыть корм для лошадей. Все это важно и необходимо.

Самой трудной проблемой стройки был лес, его не хватало. И вот поздней осенью, когда уже ударили заморозки и падали первые хлопья снега, инженер Кравцов, тот самый, который первым приехал на стройку, с группой комсомольцев был послан в тайгу — надо было немедленно организовать лесозаготовительные базы и начать доставку леса на площадку.

Кравцов снарядил караван. Утром у берега Амура выстроились пятнадцать лошадей, навьюченных мешками с хлебом, тюками брезента, железными печами, трубами к ним. Рядом стояли пятьдесят шесть комсомольцев. За плечами у них висели мешки, многие держали деревянные сундучки — экспедиция направляется в далекий путь, и кто знает, когда комсомольцам удастся вернуться на стройку? Поэтому комсомольцы брали все, что только можно было унести с собой.

За ночь подмерзло. Но с первыми же лучами солнца тоненькая корочка льда растаяла, и сейчас комсомоль-

цы тяжело брели по болоту, с которого только недавно сошла амурская вода. Караван растянулся длинной цепочкой. Впереди шел Кравцов, за ним коноводы вели вьючных лошадей, дальше шли комсомольцы. Кравцов показывал дорогу — за два дня до этого он ездил верхом в лес и выбрал площадку.

Экспедиция шла через широкое поле с помертвелой, примятой наводнением травой; далеко впереди виднелись березовые перелески, за ними, километрах в восьми, — сопки. Скорее бы добраться до этих сопки! Там сухо. Там можно идти, не проваливаясь по пояс в грязь. Здесь же, на этом проклятом болоте выбивались из сил не только люди, но и лошади. Все это вызывало раздражение, смутнение и неуверенность.

Восемь километров, казалось бы, недолгий путь. Но комсомольцам он показался бесконечным. Самым страшным был последний километр, здесь комсомольцы встретили марь — большое болото, поросшее огромными травянистыми кочками. На кочках лепились карликовые березки. Кочки держались на тонком торфяном слое, под ним лежали бездонные озера жидкой грязи. Этот слой дрожал и колебался под ногами, как будто бы комсомольцы шли по тонкой натянутой сетке, все зыбилось и колыхалось под ногами.

И вдруг кони начали проваливаться по брюхо — слой торфа не выдерживал их тяжести. Комсомольцы бросались на помощь лошадям, подводили им под брюхо веревки, кричали, пели «Дубинушку» и, наконец, вытаскивали грязных измученных лошадей. Кравцов оглянулся назад. Путь экспедиции был обозначен грязно-желтой тропой, на которой зияли отвратительные ямы с рваными краями.

Худая белая лошадь, на которую были навьючены тюки брезента, глубоко провалилась в болото. Над слоем торфа торчала только одна голова с перепуганными глазами. Лошадь жалобно смотрела на людей, точно взывая о помощи. Комсомольцы попытались поднять ее. Лошадь дернулась, взмахнула головой и снова затихла. Она не могла встать. Возились с нею минут двадцать. Потом она околела. Комсомольцы сняли с лошади вьюки и переложили их на остальных коней. Кто-то глухо сказал:

— Вот и вешка есть. Будут нас искать — по вешкам найдут...

Уже стемнело, когда комсомольцы, наконец, прошли этот страшный восьмой километр и выбрались на твердый грунт сопки. Комсомольский отряд растянулся длинной цепью, разбился на звенья. Собрав всех комсомольцев на какой-то относительно сухой прогалине леса, Кравцов провел переключку и решительно отдал приказ:

— Становись на ночлег!

Комсомольцы рубили елки и зажигали костры, развучивали лошадей. Только что произведенный в кошевары двадцатисемилетний Синяев, юркий и веселый парень, быстро вошел в свою роль и уже командовал. Он требовал дров, кого-то посылал по воду, забивал колья у костра, засыпал крупу в ведра. Вскоре на большом шесте над костром уже висели пять ведер, в которых варилась каша и кипятился чай. Ужинали комсомольцы из пустых консервных банок, которые заменили им тарелки. Спали на еловых ветках под одним большим брезентом. Всю ночь горели костры. Они бросали багровые отсветы на высокие, угрюмые ели, на широкий брезент, укрывавший измученных комсомольцев, спящих под тяжелым пологом ночи.

Кравцов проснулся с рассветом. Синяев уже возился у своих закоптившихся ведер. Комсомольцы еще спали под брезентом. Лишь несколько человек, продрогших за ночь, грелись у костра, зябко потирая руки. Капал дождь. Падали снежинки. Вдалеке над Амуром ходили низкие тучи. Приближалась зима, первая зима новостройки.

Начальник партии молча блуждал по лесу. Освещенная скудным осенним светом тайга выглядела безрадостно. Голые шершавые лиственницы угрюмой толпой стояли среди нарядных темно-зеленых елей и пихт. Горы валежника преграждали путь человеку. Целыми ярусами высились груды деревьев, вывороченных штормами. Поверженные на земле много лет тому назад, они заросли уже сплошным слоем глухих мхов. Рачительному Кравцову стало не по себе — как много драгоценной древесины пропадает зря!..

Выбрав площадку для постройки барака, вернулся на бивуак. Пока комсомольцы завтракали, он распределил работу между бригадами. Настроение у всех было пока еще унылое. После завтрака вперед выступил проф-

орг. Срывающимся, неуверенным голосом, надеясь на поддержку, он говорил:

— Товарищи! Морозы вот-вот застанут нас врасплох, под брезентом, в шалашах. Нам надо во что бы то ни стало за десять дней построить три барака на первой, второй и третьей базах. Иначе мы лесозаготовки сорвем и завод не построим.

Разволновавшись, он крикнул:

— У нас два выхода: или сделать это или умереть!..

Вдруг в рядах комсомольцев раздался смешок. Лица оживились и засияли лукавыми улыбками. Профорг выглядел немного смешно со своими старомодными ораторскими приемами. Невольно, не подозревая этого, он произвел своей речью совершенно неожиданный эффект, — он развеселил комсомольцев, и у всех появилось отличное настроение. Все зашумели и кто-то перебил его громкой репликой:

— Зачем же умирать? Мы и без этого как-нибудь бараки построим. Тут ведь не дома на печке — сами должны торопиться!

Через полчаса в лесу застучали топоры. Комсомольцы валили вековые лиственницы и сосны, очищая площадку для будущих лесных баз. Стройка продолжалась.

Ленинградские монтеры с превеликими трудами подготовили к пуску временную электростанцию. Это было событием. Устроили собрание. Все радовались. У столовой звенел смех, стоял дым коромыслом. Там бродили прикованные цепями к столбу два медведя. Предприимчивые работники снабжения купили их у нанайцев и откармливали на мясо отбросами столовой. Один медведь был бурый, другой чёрный с белой грудью, — гималайский. Медведи доставляли множество забав комсомольцам. Первый в Комсомольске «скотный двор» пользовался необычайной популярностью у молодежи, поднимал настроение.

Сафонов подошел к медведям и машинально протянул им свою суковатую палку. Гималайский зверь зло зарычал. Павел взглянул на него, усмехнулся и тихо сказал соседям:

— Черт знает что. Иногда кажется, что это все во сне: медведь, которого растят на мясо, музей Симонова в фанзе, шестерня, которую приходится вырубать зуби-

лом... Экзотика!.. А мне хочется здесь видеть вместо этого настоящую стройку — с бетономешалками, с дер-
риками, с грузовиками — понимаете? Настоящую
стройку...

Но до настоящей стройки было еще далеко. К осени 1932 года на площадке строительства насчитывалась лишь одна тысяча рабочих. В их распоряжении были тридцать лошадей, семь маломощных тракторов ХТЗ и три речных катера, семь тысяч кубометров бревен и тысяча кубометров досок и брусьев, немного толя, гвоздей и стекла. До первых морозов строители успели соорудить двенадцать зимних барачков, четыре одноэтажных дома для инженеров и техников, один двухэтажный дом, лесопилку на одну раму, пекарню, баню, столовую — она же служила клубом, расчистили и осушили строительную площадку, вырубив топорами кочки, проложили грунтовую дорогу от берега к будущей стройке — вот, пожалуй, и все.

К весне 1933 года дело пойдет все же веселее. Заработают сооруженные строителями лесозавод, деревообрабатывающие мастерские, кирпичный завод. На площадку будут доставлены первые станки. Их будут устанавливать уже в построенном здании механических мастерских. Монтаж поручат Павлу Сафонову и Александру Ефременко, тоже ленинградцу и тоже токарю.

Молодым монтажникам придется сразу же столкнуться со сложной задачей: на токарных станках надо будет обрабатывать шестиметровые валы, но окажется, что станки, доставленные на стройку, рассчитаны на максимальную длину детали в два с половиной метра. Как же быть? Комсомольцы будут долго мудрить и искать, но в конце концов найдут решение: спарить по два станка

— Заместитель главного механика Костя Короленко помог нам высвободить металлостов, все еще работающих не по специальности, — напишет впоследствии в своих воспоминаниях Павел Сафонов. — Быстро вырыли ямы, залили их бетоном. Волоком, по-бурлацки доставили с берега станки и поставили их по два, так что получился как бы один, с общей станиной и двумя суппортами. Но для того чтобы укрепить эти скомбинированные станки на фундамент, надо было нарезать резьбу на анкерных болтах. А как это сделать? Мы и тут нашли выход — разметили шаг белой ниткой и нарезали

резьбу трехгранным напильником. Это был адский труд, но много выхода у нас не было. Что ж, с задачей мы справились...

Первые девушки

Труднее всех, конечно, приходилось в ту пору девушкам. Девушки, первые девушки Комсомольска-на-Амуре! Перед вами в огромном долгу советская литература. Уж если даже самые крепкие парни, получившие до этого закалку на заводах, на колхозных полях, в армии, порой признавались наедине с собой, что им становится немого в этой суровой обстановке, то что же сказать о девушках, приехавших сюда из Москвы, из Ленинграда, из Киева, из Ростова?

Их было очень немного — всего несколько десятков среди тысяч мобилизованных на стройку комсомольцев. На первых порах обкомы комсомола, как правило, отказывали девушкам в разрешении поехать на стройку города в тайге и поступали правильно — для тяжелой физической работы там нужна была мужская сила. И все же всеми правдами и неправдами они прорывались на Дальний Восток, и практика показала, что в сложных условиях 1932—1933 годов первые девушки Комсомольска-на-Амуре «не подкачали», как выражались в ту пору строители.

Мы уже рассказывали историю Лены Нищенко, она вела себя в те дни поистине героически и завоевала уважение всей стройки. В Комсомольске она проработала долго. Сейчас Лена Нищенко — по мужу, который тоже работал на стройке города, ее фамилия Бонцаревич — живет в своем родном Криворожье, живет уже на покое, и ее любимое занятие — встречи с пионерами, которым она рассказывает, как создавался «город юности» на берегах Амура.

Почтенного возраста достигли и другие участницы этой стройки. Иные из них до сих пор живут в Комсомольске, иные на склоне лет вернулись в родные края, иных судьба забросила в какие-то другие города, и следы их затерялись. Теперь это уже солидные, седовласые женщины. А нам они все еще помнятся юными, стройными, смешливыми и вместе с тем невероятно трудолюбивыми, иногда чуточку легкомысленными, иногда очень серьезными девчонками. И вот подумалось: пожа-

луй, точнее всего расскажут читателям этой книги о своей юности они сами — в своих рабочих тетрадях 1937 года мы нашли сделанные тогда, что называется по горячим следам, записи их рассказов о первых самостоятельных шагах, сделанных ими в жизни, о том, как они жили и работали тогда на берегу Амура.

Вот эти записи.

Рассказывает Миля Ленцова, комсомолка из Ростова:

«Моя жизнь была непростая — родителей не помню; первое воспоминание — какой-то детский дом на Украине. Когда мне было лет десять, я оттуда убежала. Попала к какому-то кулаку, до 1925 года у него работала за кусок хлеба, он меня бил. Потом прогнал: «Ты слабая, пускай тебя Советская власть кормит!» Мне было уже 16 лет. Советская власть действительно стала меня кормить, да еще и воспитывать. Я поступила на работу в Ростове в гужевой обоз на строительном дворе — была тогда такая организация. Там вступила в комсомол, а потом выбрали меня секретарем.

Весной 1932 года мы прослышали: начинается мобилизация комсомольцев на Дальний Восток. Это же мечта! Я — в райком. Мне отказ: девчат не берут. Я — в слезы. Требую. И еще некоторые девушки требуют. Мы кричим: на стройке нельзя без женщин, есть такие специальности, что никакой мужчина с ними не справится. А я, во-первых, владею специальностями каменщика и арматурщика, а во-вторых, окончила курсы Красного Креста. В случае чего, говорю, буду врачам помогать. Или на кухне работать. Или любое дело делать. Только возьмите!

Меня поддержал председатель нашего построкома Андрианов, — ну вы его знаете — тот, кто потом первую интернациональную бригаду организовал и придумал «нахальный» метод корчевки. Говорит: — это серьезная женщина, надо ее взять. Взяли меня и еще девятнадцать девчат. И дали нам на всех одну теплушку в эшелоне. Правда, теплушка — это только одно название, то был обыкновенный телячий вагон. Но мы его вымыли, привели в порядок. Едем. По утрам проводили физкультурную зарядку, днем — политучеба, изучали материалы XVI съезда партии, нас потом, после зачета, за хорошие знания премировали печеньем и конфетами. Маруся

Анисимова у нас в вагоне была комсоргом. а я старостой.

Ехали долго — поездом до Хабаровска, потом пароходом в Пермское. На пароходе понадобились мои медицинские знания, хоть и было у меня их на грош: заболел гриппом, перешедшим в бронхит, инженер Лаврентьев. Я за ним ухаживала. На стоянках бегала на берег, собирали клюкву, давала ему сок — витамины! Надеялась поднять его этим.

Наконец доехали до Пермского. У берега — груды льда вровень с кручей. Холодно, мокро, а в воздухе уже тучи комаров и мошек. Парни ставят палатки, а нас, двадцать девчат, отвели в полуразрушенную конюшню — пол из жердей, стены дырявые, дверей нет, но все же крыша над головой. Первую ночь мы там спать не решились — еще не выветрился тяжелый дух навоза. Легли спать на дворе, возле стены конюшни, укрывшись с головой тем, что у кого было из своей одежды, от комаров.

Наутро провели собрание. Условились: конюшню очистить, привести в порядок, сделать ее нашим домом. И чтобы — железная дисциплина. Вести себя строго, в дом парней не заводить. Соблюдать женскую скромность и стыд. Правда, бояться нам нечего было, парни, надо сказать, вели себя очень достойно, хоть им и трудно было, — дело; так сказать, мужское, холостое. Они нас жалели, относились к нам, как к сестрам.

Сразу же распределили кого куда. Меня взяли по медицинской части — сестрой милосердия — помогать врачам; Лена Нищенко попала на корчевку вместе с парнями — она хоть и не ростовская, но прибилась к нам, мы с ней на одном топчане спали. Многие девушки пошли работать в столовые, которые тут же начали организовывать.

Расскажу про наши медицинские дела. У нас сразу же организовался стройздрав. Было четыре врача, старшим вначале стал Надоленко (он вскоре заболел, и его увезли лечиться), Константин Дмитриевич Стоянов — он потом заменил Надоленко, Панов и Чернов. Меня послали им помогать и за сестру, и за санитарку, и за завхоза, хотя вначале я отбрыкивалась, просилась с Леной вместе на корчевку.

Больницу организовали в доме местного кулака, поликлинику — в маленькой хибарочке, разгородили ее

жердями на три врачебных кабинета, и я между ними крутилась, как волчок, — в хирургическом перевязывала, в терапевтическом ставила банки, мерила температуру, выдавала лекарства и так далее. Я, конечно, латыни не знала, поэтому на банках с лекарствами врачи написали по-русски «В глаза», «В нос» и тому подобное. Еще я кипятила хирургические инструменты для Константи́на Дмитриевича, когда он делал операции, мыла полы, одним словом, работы хватало с раннего утра до часу ночи.

Больных было очень много, главным образом, простуда и грипп, но были болезни и посерьезнее. С утра у нашей хибарки устанавливалась очередь, и я следила за порядком. Стояли вдоль улицы. В больнице, которую обслуживали те же врачи и я с ними, было очень тесно. В избе можно было поставить только десяток топчанов, и их, конечно, не хватало. Пришлось на огороде разбить палатки и сделать таким образом своеобразный больничный филиал.

В августе 1932 года приехали еще два хирурга, два терапевта и два зубных врача, гинеколог и с ними настоящая медицинская сестра. Но меня не отпустили: работы медицинской все прибавлялось. Теперь организовали медицинские палатки на втором и третьем строительных участках, а в шалаше открыли амбулаторию, чтобы разгрузить нашу поликлинику. Стоянов теперь стал заведующим больницей.

Прошел сентябрь, начался октябрь. Похолодало. Держать больных в палатках на огороде стало немислимо трудно. По требованию Стоянова для больницы построили барак — это было уже в ноябре. Но скоро оказалось, что и этого мало. У нас, как вы знаете, началось повальное заболевание цингой. Я с врачами ходила по баракам и по шалашам — оказывала помощь цинготным. Жутко было смотреть на наших ребят: лежат вповалку, распухшие, из зубов кровь идет, кругом вши ползают. Вот тогда-то Стоянов и добился, чтобы больных цингой начали вывозить по льду Амура в Хабаровск.

В общем, конечно, было трудное время. Но мы все пережили. И даже в самые трудные дни жизнь шла своим чередом — находилось время и для учебы, и для танцев, и для прогулок по лесу. Девушки из нашей конюшни, превращенной в общежитие, начали постепенно расходиться: первыми от нас ушли Севастьянова и Бу-

ракова, они работали продавцами в магазине и их устроили там жить в кладовке. Потом ушли Барышева и Болдырева — эти трудились на третьем строительном участке, и их поселили в недостроенном бараке — все-таки это было лучше, чем конюшня, где каждое утро мы просыпались с больной головой от неистребимого острого духа конской мочи и от горького дыма: спасаясь от комаров, мы всю ночь жгли в ведре тряпку.

Некоторые девчата вскоре вышли замуж. Первой была Вера из Ростова, ее взял в сентябре Митя Скарга — они подружились еще в поезде, когда мы ехали сюда. Митя работал на корчевке, а она официанткой в таежной столовой. Не думайте, что это была легкая работа. Воду, например, девчата носили ведрами из реки, карабкаясь по обрывистому берегу. Посуды не хватало, а ребята к тому же завели привычку таскать еду с собой в тайгу в алюминиевых мисках, и девушкам потом приходилось бродить по лесу в поисках этих мисок — их не хватало. Вера с Митей вырыли для себя землянку в Копай-городе. Надя вышла замуж за Галицкого, их приняли в мужской барак. Неудобно было, но что поделаешь, спасибо и на том. Полину взял в жены Хрулев, они тоже поселились в мужском бараке.

Осталось нас под конец четверо — Лена Нищенко, Катя Хоменко, я и Клава, запомновала ее фамилию. Жили мы очень дружно. Когда Катя заболела тифом, я за нею ухаживала. Помню, с каким трудом доставала для нее конфеты, хотелось ее подбодрить, порадовать. Были мы, как родные сестры. Сказать по правде, на первых порах очень скучали по своим местам, откуда приехали. Мы, ростовчанки, выписывали газету «Молот» — интересно было читать, как идут дела в нашем родном городе.

Часто по вечерам бывали у нас субботники. Выходили на них дружно, с песнями. Грузили гравий, рассчитали площадку, клали печи в столовых, я ведь каменщица. В общем, в конюшню приходили спать только глубокой ночью. Денег у каждой было тысяч по семь-восемь, а купить в магазинах нечего. Держали деньги под постелью в узле. За сохранность их никто не беспокоился.

Да, забыла сказать про Дусю, вы ее хорошо знаете, теперь она жена Вани Сидоренко. Вот веселая, неунывающая дивчина! Когда мы приехали, ей было всего

семнадцать лет. Была она у нас в конюшне первой заводилой. Пела, плясала. Бывало, придут ночью парни с балалайкой, тут же у конюшни — концерт самодеятельности.

Любимым развлечением в редкие свободные часы было хождение в лес по ягоды. Ведь тут уйма смородины, земляники, малины. Особенно много ягоды было там, где сейчас стоит поселок Брусчатка. Только вот беда — мошка одолевала, будь она проклята. Мы надевали сетки из марли, но это не помогало. Ходили распухшие от укусов.

А так — все было хорошо...

Рассказывает Маша Фендрикова:

«Мне судьба приказала работать в системе общественного питания. Я по этой части пошла еще в 1928 году, в Ленинграде. Ну, еще училась в школе профдвижения в Пскове, и вот меня там выдвинули на работу в профсоюз работников народного питания.

Когда началась мобилизация, секретарь Ленинградского обкома комсомола товарищ Вайшля вызвал меня и сказал: «Хотим тебя послать бригадиром в бригаду девушек, которая едет на Дальний Восток налаживать работу столовых». Было мне тогда уже 22 года. Поехать хочется, а тетка, у которой я жила в Ленинграде, ревет: «Куда тебя черти несут? Погибнешь». Все же я решилась и поехала.

Было в нашей бригаде шестнадцать девчат, большинство работало до этого в столовых. Приехали, сразу же ответственное поручение: завтра — массовка с участием 1200 человек, приготовить буфет на всех! Легко сказать... Все же справились.

Поначалу, конечно, было грустно, вспоминался Ленинград, вспоминались поездки в Петергоф, наши набережные. Но тут начал ходить один парень — техник-нормировщик комсомолец Валентин Фендриков. Приглянулся он мне, и мы расписались в ЗАГСе. Все было хорошо, но вдруг его берут в армию. Опять мне тоскливо. Начал ходить за мной другой парень — Сергей Лапшев, но я его отшила, дождалась Валентина, и все у нас опять пошло хорошо.

Я все эти годы работала по общественному питанию, сейчас стала заведующей столовой № 4, а муж — помощ-

ник начальника коммунально-бытового отдела. Построили мы с мужем дом, он возле пожарной вышки. У нас теперь семнадцать кур, три гуся, свою картошку едим. За хозяйством ухаживают папа и мама, мы их выписали сюда. Теперь все мы — коренные жители Комсомольска. Ведь это наш собственный город. Кстати, я с 1934 года член городского Совета, вроде бы несу ответственность за городские дела...

Семья у нас с Валентином крепкая, настоящая комсомольская семья».

Кстати, в подшивке «Ударника Комсомольска» за март 1937 года мы прочли любопытную дискуссию о комсомольской семье. Началось все с того, что газета 17 марта опубликовала письмо Маши Фендриковой, которая рассказывала о том, как хорошо сложилась ее жизнь. И вдруг — резкая критическая реплика:

«О мечтах тов. Фендриковой. В газете «Ударник Комсомольска» за 17.III. с. г. была статья Фендриковой о комсомольской семье, где она указывает, что они с мужем мечтают купить патефон, провести радио в комнату и почаще ходить в кино и театр. Я комсомолка-работница и в то же время член горсовета, председатель секции общественного питания. Я воспитана в рабочем комсомольском духе и никогда не мечтаю о патефоне и большом развлечении театральным искусством, а всегда нахожу самое лучшее развлечение в ударной работе и в общественной деятельности. Вся моя мысль направлена на лучшее налаживание работы моей секции. В этом я нахожу больше полезного, а о приобретении комнатной обстановки и веселых безделушках (патефон) у меня ни разу не было мечты, и мне кажется, что именно так нужно понимать жизнь и работу. Клейменова».

Началась горячая дискуссия. Мнение Клейменовой встретило всеобщее несогласие и осуждение. «Патефон, названный ею веселой безделушкой, полезный предмет, — писал Якубук. — Он дает нам музыку, а также является неплохим проводником агитации — на пластинках записаны беседы, речи, уроки разных языков». Ф. Куликов заявил: «Радио, кино, художественная литература расширяют наши познания, дают бодрость, энергию». «Не могу согласиться! — протестовал Чернощев. — По мнению Клейменовой, проработав на произ-

водстве и выполнив план на сто процентов, я должен прийти домой и лечь спать, и это все? Нет, так нельзя. Я, как и Фендриковы, хочу жить культурной жизнью!»

Дискуссия о том, как должна жить комсомольская семья, разрасталась, затрагивая действительно серьезные вопросы. Шленговский, пока еще не женатый, писал, например: «Главное — сообща организовать богатое содержанием времяпрепровождение, наполняя жизнь разумным содержанием. Я хочу, чтобы моя будущая жена делилась со мной не только мыслями о том, как лучше воспитать наших будущих детей, хотя это, конечно, очень большой и важный вопрос, но и мнениями о музыке, о театре, о литературе. Еще мне нравятся девушки, занимающиеся спортом. А в целом мне хочется иметь такую жену, у которой брак не уничтожит стремление к творческой деятельности».

И. Шариков написал, что «рубить дерево надо по себе». Тут опять поднялась полемика: уж не считает ли он, что инженер должен жениться на инженере, неграмотный на неграмотной, а комсомолец со средним образованием на комсомолке с таким же образованием? Проработали беднягу!

Дискуссия эта была в стиле той эпохи — комсомольцы без стеснений, прямо и открыто говорили вслух то, что думали, и всегда были готовы поговорить, поспорить, отстаивая свое мнение.

Рассказывает Дорошева:

«Меня считают москвичкой, но я родом с Дона. В Москву приехала девчонкой во второй половине двадцатых годов и проработала там пять лет, пошла по строительному делу, стала арматурицей. Была активной комсомолкой, избрали меня в мои девятнадцать лет комсоргом арматурщиков на стройке, где я работала.

Когда весной 1932 года проходила мобилизация комсомольцев, Москва должна была дать 1200 человек. В это число вошли семьдесят пять подростков, учившихся в областном строительном училище, в том числе шесть девчонок, они не доучились три месяца. Мне сказали: ты строитель и к тому же комсорг. Поезжай с ними, назначим тебя бригадиром. Я согласилась, и мы поехали — наши два вагона были прицеплены к почтовому поезду и он повез нас на восток.

Ехали мы с 14 по 26 апреля. Нам в Москве сказали: «Наверное, будете работать в Хабаровске». А когда мы приехали, то вскоре было получено сообщение: ехать придется еще дальше, в тайгу. Мои ребятишки испугались, заплакали. Но я сказала: раз надо, то надо. Комсомольцы не должны ничего бояться! И вот 7 мая 1932 года нас отправили пароходом в Пермское.

Там оказалось, что работы нам по специальности пока нет, и мы, как и все, пошли на корчевку леса. Было, конечно, трудно, особенно потому, что отсутствовала спецодежда, и мы шли в болото в своих московских туфельках. Но что поделаешь, надо было работать, и мы работали. Правда, кое-кто испугался и убежал, но мы таких презирали.

Потом нас бросили на самые разные работы — носить гальку на носилках, обмазывать глиной плетенные из прутьев шалаша, работать на почте. И вдруг вызывают меня в партком и говорят: надо организовать прачечную — ребята ходят в грязной одежде, заводятся вши. Легко сказать — организовать прачечную, но как это сделать? В парткоме сказали: поможем. Согласилась.

На берегу Амура сколотили на живую нитку сарай, поставили кузнечные горны, на них большие котлы, которые нам дали в отделе рабочего снабжения, и мы стали кипятить в них воду. Для стирки выдолбили из дерева корыта. Из бригад привозили большие узлы с неизменно грязным бельем — по спискам, что кому принадлежит. Стиркой были заняты десять женщин, глажкой — пять. Это была очень трудная работа.

Осенью случилось наводнение, и наша прачечная поплыла — унесло корыта и часть белья — такой быстрый был подъем воды, что мы не все успели спасти. Работа и после этого в прачечной продолжалась. Но меня опять перебросили на новую работу: сначала секретарем комвуза, потом библиотекарем, потом пионервожатой — я вела до февраля 1933 года два пионерских отряда, потом меня сменила Мария Анисимова.

Жили мы, девочки, конечно, трудно, где попало: сначала в бывшем мучном амбаре, потом в конюшне, потом в бывшей крохотной бане. Только осенью 1933 года удалось попасть в барак. Но мы не унывали. Я бы сказала даже — жили весело. Участвовали в спортивных

состязаниях, меня даже посылали в Хабаровск на спартакиаду, в агитбригаде, — ею руководил Борис Быбинский, а помогал ему Рудольф Шидловский.

В декабре 1933 года мы организовали ТРАМ (так называли тогда театр рабочей молодежи). Сочинили инсценировку «Лес», показывали там нашу собственную жизнь на лесозаготовках. Ставили отрывки из пьесы Горького «На дне». Главную роль играл Лева Качаев.

Запомнилась мне и работа с пионерами. Детей на стройке, конечно, было не так много, но все же, поскольку на стройке кроме комсомольцев были еще около тысячи завербованных взрослых рабочих, набралось сорок детишек пионерского возраста. Один отряд был в деревне Пермское, другой — на втором строительном участке. Летом 1933 года, как это ни было трудно, мы создали для ребятшек пионерский лагерь в лесу, в нескольких километрах от деревни, на берегу реки. Тут нам здорово помогли наши комсомольцы, они буквально выколачивали со скандалом у начальства продовольствие и все, что нужно было для детей».

В газете мы прочли заметку Марии Анисимовой, которая рассказала некоторые подробности того, с каким трудом создавался этот лагерь. Вот что она писала:

«Нам нужно было во что бы то ни стало добыть кирпич, чтобы сложить печку в лагере. Прихожу в комсомольский комитет. Толчея страшная. В одной очереди запись на лесозаготовки, рядом горячий разговор с бежавшим из тайги дезертиром. Какой-то парень кричит, что ему надо бутсы или сапоги — работать не в чем. Девушка просит переселить ее в другой шалаш — не хочет жить среди парней, просится к женщинам. Прелезаю к секретарю комитета:

— Где взять кирпич для пионерского лагеря? Никто не дает, а нам печка нужна.

Секретарь сидит взбудораженный, взволнованный. На него со всех сторон насакивают, его теребят.

— Ну что я тебе сделаю, Маруся? — и вдруг сердито тычет пальцем в большую печку, занимающую полкомнаты: — На, бери!..

Ухожу. В обеденный перерыв возвращаюсь с несколькими пионерами и двумя рабочими. В комитете пусто, наверное, все ушли обедать.

— Разбирайте печь, ребята!

Пионеры помогли уложить кирпич на телегу, прикрыли его газетами. Увозим этот трофей на пристань, где нас ждет большая лодка. Я оставляю на столе секретаря записку: «Спасибо! Кирпичи мы взяли»...

Так и действовала. По нынешним временам все это, конечно, выглядит нелепо. Но тогда мы были вынуждены становиться на путь такой партизанщины. И вот через несколько дней мы отвоевали для лагеря все, что было нужно для детей: муку, манную крупу, консервы и даже сушеные фрукты — все это помог достать Борис Выбицкий, атаковавший Каттеля.

Еще надо сказать о том, как помогали нам колхозники. Они любили пионеров — ребята ходили по избам, читали вслух книги и помогали рыбакам чинить сети. И вот они нас отблагодарили. Помню, какой гомон был в лагере, когда рыбаки позвали ребят поглядеть огромную амурскую рыбу, которая называется калуга — была она десять метров длиной. Такой великан давно уже не попадался в сети. Калугу тащили катером на буксире, словно кита. Пять носилок икры выбрали из чрева этой «рыбки». Трое пионеров с восторженным визгом уселись на хвосте огромной, распластавшейся на песке рыбы. Нашему лагерю подарили ее «кусочек» весом в три пуда.

Трудно было, хлопотно, но весело. Мы с Борисом Выбицким научились за себя постоять, добиться нужного, не теряться. Надо сказать, что в управлении строительством Бориса без дрожи видеть не могли — он знал наперечет, что есть на складах, где какие запасы, всюду ходил и доказывал с цифрами в руках свою правоту и не уходил из кабинета, пока не добивался того, что было нужно лагерю...»

И еще одна история, она озаглавлена у нас в рабочей тетради 1937 года так: *«История о том, как Лева Качаев женился»*.

Послушайте, мы воспроизводим ее так, как записали тогда со слов самого Левы и его молодой жены Нины Боровицкой — до этого одной из первых девушек Комсомольска-на-Амуре. Они говорят о многом, и прежде всего о великой духовной чистоте, благородстве и подлинном бескорыстии молодого поколения тридцатых годов...

«В июне 1932 года крайком комсомола прислал на строительство в Пермское агитбригаду, в составе которой была стройная черноволосая девушка — Нина Боровицкая. Агитбригада изрядно проработала в «живой газете» всяческие недостатки, которые в изобилии имелись на стройке. Досталось на орехи и сотруднику отдела кадров Лева Качаеву, добродушному увальню, ходившему в лаптях и откликавшемуся на дружескую кличку Максун.

Качаев не обиделся. Напротив, он подружился с агитбригадой и вместе с ней включился в борьбу с прогульщиками. 6 июля была затеяна массовка в березовой роще на берегу Амура. Пели, плясали, бродили по берегу. Почему-то Качаев и Боровицкая все это время оказывались рядом.

Потом агитбригада решила варить суп. Не оказалось лаврового листа. Качаев вызвался раздобыть его на барже «Клара Цеткин» — там был склад. Нина тут же предложила проводить его. Лавровый лист они искали дольше, чем следует. В последующем Лева и Нина проявляли повышенный интерес к прогулкам при луне. Сиживали на горке, что над Аварийным поселком, под раскидистыми березами.

Потом агитбригада вернулась в Хабаровск. Качаев начал писать Нине письма — звал ее в Пермское. Но агитбригаду уже отправили на золотые прииски, и ответа долго не было. Потом агитбригада вернулась в Хабаровск, и письма пошли уже оттуда в Пермское — Нина звала Леву в краевой центр.

Так прошло лето и настала зима. Лева с друзьями ушел в лыжный поход по нанайским стойбищам, чтобы уговорить рыбаков и охотников везти продукты строителям города. Прошло еще полгода, Лева поехал на пароходе в Хабаровск, и оттуда они отправились в Комсомольск. Их встретили друзья, и вдруг Лева сказал: «Мы любим друг друга».

Нина вспыхнула и сказала: «Не верьте — он шутит. Но его шутки не всегда удачны». Она тут же вернулась в Хабаровск, а Лева загрустил. Некоторое время спустя в Хабаровск отправился Амо — экспансивный парень, друг Качаева по московской бытовой коммуне № 2. Лева, провожая его, невесело пошутил: «Привези мне жену!» Амо усмехнулся. Но, вернувшись, он торжественно крикнул: «Левка! Готовь крышу — Нинка приезжает».

Лева не поверил своим ушам, думал, что Амо его разыгрывает. Но вот однажды февральским вечером 1933 года, в самое трудное время, когда на стройке бушевала цинга, произошло нечто совершенно неожиданное. Качаев сидел на политзанятиях и слушал, как пропагандист Машков усердно пересказывает содержание учебника Попова. Вдруг за окном мелькнули огоньки — по льду Амура шел автомобильный караван из Хабаровска. Качаев подумал: что везут? Может быть, свежие продукты, которых так не хватает? Может быть, пойти встретить? Да нет, неудобно уходить с занятий...

Вдруг позвонили по телефону: «Качаев здесь? К нему приехала жена!» Лева оторопел от неожиданности и пулей помчался к берегу. На крыльце конторы его ждала замерзшая Нина в красивой заячьей шапочке. Качаев взял ее чемодан и повел к себе в барак, где у него, как ему казалось, была роскошная квартира — в этом барачном отсеке стояло всего-навсего шесть коек, правда, впритык одна к другой.

Лева весело сказал: «Ребята! Это Нина. Моя жена».

На Нину уставилось пять пар мужских глаз. Она, как и тогда на пароходе, опять вспыхнула и сказала: «Ты неисправимый идиот. Я уйду к Ворон-Ковальской. И никакая я тебе не жена». Ворон-Ковальская была подруга Нины, она раньше работала в крайкоме комсомола, а потом ее мобилизовали и послали на стройку; здесь ее поселили за занавеской на кухне в доме, где жил и работал заведующий организационным отделом парткома Окулич. Здесь она вышла замуж за комсомольца Галактионова и теперь была беременна.

Качаев беспомощно развел руками. Тогда друзья взялись еще раз поправлять его беду. С невероятным трудом они добились того, о чем никто не смел и мечтать: сочувствуя Леве в его беде, начальство предоставило ему комнату в гостинице для инженерно-технических работников, куда вселяли только самых крупных специалистов. Ему даже дали кое-какую мебель.

Нина сменила гнев на милость, переселилась с кухни, в которой жила ее подруга, в гостиничный номер, переставила мебель по-своему и сказала: «Ну, давай регистрируемся. И я теперь буду здесь работать». Тут вдруг в дверь постучали. Вошел заведующий жилотделом Альберт и жалобно сказал: «Товарищи! Только что приехал очень нужный стройке инженер с семьей. У вас

огромная комната, неужели вы не уплотнитесь?» Нина вспыхнула в третий раз, но удержалась от резкого слова и попросила: «Только не сегодня. Ладно?»

Приезжего инженера устроили куда-то в другое место. Но сам Лева, испытывая страшные угрызения совести, через неделю сказал Нине: «Ты знаешь, Амо тоже женится, и ему негде жить. Давай уплотнимся. Нина вздохнула и сказала: «Давай». В комнату внесли вторую кровать, повесили занавеску, и две молодые семьи стали жить вместе, разделенные проходом между кроватями в шестьдесят сантиметров.

Нина Боровникая начала работать на кирпичном заводе...

Мы рассказали лишь несколько историй о первых девушках Комсомольска. Девичество их было, как видит читатель, недолгим. Все или почти все они вскоре становились женами первостроителей и матерями — в небольшом родильном доме всегда было тесно. Сейчас они уже стали бабушками, в волосах у них пробилась седина. Но взгляните в их глаза, и вы увидите, что души их все так же молоды — в этих глазах все еще сверкают отсветы костров, горевших в тайге сорок с лишним лет назад.

Трудная зима

7 ноября 1932 года «Амурский ударник» опубликовал социалистический рапорт:

«Ко дню 15-летия борьбы пролетариата за социализм тайга в короткий срок изменила свое лицо. На берегу Амура выстроен рабочий городок. 59 бараков обеспечили жильем 6000 рабочих, ИТР и служащих. Работает лесозавод, механический комбинат, построены склады. Прогулы снижены с 12 процентов до 2,7 процента. Производительность труда доведена до 98 процентов плана. В подарок Октябрю ударной работой даем кинотеатр, электростанцию, больницу, поликлинику, новую хлебопекарню, баню. Развернута подготовительная работа по постройке 20 парников, поднято 17 гектаров зяби, увеличилось поголовье скота на 60 свиней и 130 поросят, закончена постройка крольчатника. Партком — *Фалалеев*.

Здесь, на Дальпромстрое, пока что дела шли лучше,

чем на нашей стройке. Правда, это было совсем не то, о чем говорил начальник стройки весной. К осени он собирался начать монтаж станков в готовых цехах, а 1 января 1933 года предполагалось начать стройку кораблей! Но о заводе сейчас молчали. Его не только не построили, его даже не заложили.

Было очень легко поддаться панике. Всем было ясно, что строителям предстоит тяжелая зимовка. 7 ноября 1932 года не удалось даже провести демонстрации — бушевала жестокая пурга, сбивавшая людей с ног. Острая, колючая снежная пыль забивала глаза, нос, уши. Люди падали в сугробы и с большим трудом находили дорогу к своим баракам.

Трудно было предположить, что в такую свирепую погоду кто-нибудь рискнет выйти на улицу. Но именно в эти морозные ветреные дни комсомольцам пришлось выдержать еще одно тяжелое испытание, которое не только не повергло их в панику, но еще больше сплотило и закалило.

Утром 8 ноября Макаренко проснулся поздно. Он отбросил одеяло и сладко потянулся, блаженно улыбаясь. В бараке, который выстроила для себя бригада, было тепло и чисто. Это уже было похоже на настоящий дом.

Сегодня не нужно было идти на работу — праздник! В собственноручно сделанном шкафчике Макаренко был бережно уложен праздничный паек: кусок вареного мяса, немного варенья в жестяной кружке и литр спирта. Макаренко повертел в руках бутылку, потом отставил ее в сторону, съел варенье и взялся за книгу, изредка прислушиваясь к завываниям пурги, — ветер не только не унялся за ночь, но еще усилился.

В коридоре кто-то громко застучал сапогами, сбивая снег.

— Войдите!

Дверь скрипнула. Макаренко обернулся и вскочил с табуретки.

— Массиондз! — Тут же он поправился: — Товарищ начальник...

Массиондз добродушно откликнулся:

— Ну какие же сегодня начальники. Сегодня праздник...

Начальник второго участка зашел проводить комсомольцев и заодно рассказать о планах дальнейшей рабо-

ты. Предстоял очень трудный зимний сезон, и надо было поднять дух у ребят.

Беседовали долго. Говорили о плотницком деле, о зимнем спорте, о зиме вообще, о том, что вот ледоход на Амуре никак не кончится, громоздит метровые торосы, а стать все еще не может. Когда заговорили об Амуре, Массиондз помрачнел:

— Как бы нам этот ледоход не наделал неприятностей. Наши лесозаготовители так и не успели завести плоты из Амурса в Силинку.

Вечером все пошли в клуб. Клубом именовалась большая комната в дощатом бараке. Все оделись в праздничные костюмы, тщательно причесались, даже побрились. Массиондза в клубе еще не было. Пора было начинать. И вдруг дверь с треском распахнулась. Ворвался рев и свист пурги. На пороге стоял засыпанный снегом Массиондз. Он хрипло крикнул:

— Лес! Немедленно спасать лес...

Макаренко понял: ледоход разрушил запань, которая сдерживала огромный запас леса, с таким трудом заготовленного для стройки. Если лес уйдет, что тогда делать зимой? Неужели придется свернуть строительство? Бригадир вскочил. Комсомольцы уже бежали к выходу, застегивая на ходу полушубки и ватники.

Снег бил в лицо. Люди проваливались в сугробы, скользили, падали, снова вставали и мчались через всю площадку к берегу реки. Бригадиры на бегу собирали своих людей, кричали, командовали, хотя еще никому не было известно, как же надо будет спасать лес.

На берегу люди на мгновение замерли. Им открылась страшная картина. Амур кипел, высоко вздымая свои тяжелые маслянистые волны. Лыдины звенели, сталкиваясь друг с другом. У берега громоздились высокие торосы. Пурга бесновалась и выла, сбрасывая в бездонные воды топпы снега. От реки столбом валил пар. Мороз был бессилеи сковать ее, и она упрямо уносила к океану огромные ледяные поля.

Но самое страшное было здесь, у берега. Огромные лыдины раздробили деревянные боны и вошли в запань. Тросы натянулись и дрожали. Еще мгновение, и все полетит к черту. Несколько десятков бревен уже выскользнули из запани и мчались вниз по течению, прыгая по волнам, точно спички, брошенные в ручей.

Замешательство длилось секунду, не больше. Потом

люди бросились в ледяную воду, как были — в праздничных костюмах, в новеньких ботинках, шелковых сорочках. Они цепляли обмерзшие бревна баграми, выкатывали их на руках, отпихивали льдины, балансируя на скользких плотках, покрывшихся тоненькой корочкой льда.

На берегу стоял бочонок спирта, фыркали грузовики. Промокших и озябших комсомольцев тут же растирали спиртом, усаживали в грузовики, и шоферы мчались, рассекая сугробы, к баракам.

Лес спасли. Плоты завели в Силинское озеро. Стройка была обеспечена лесом. Наутро в мерзлой земле похоронили комсомольца Левченко: он поскользнулся на бревне и упал в воду, стиснутые льдами плоты сомкнулись над его головой; когда друзья Левченко нечеловеческими усилиями разжали бревна, он был уже мертв.

Это была жертва. Жертва неорганизованности, которая все еще душила стройку. Разве нельзя было заранее завести плоты в Силинское озеро? Разве нельзя было предотвратить аварию? Разве нельзя было обойтись без этого подвига, который стоил жизни одному из лучших комсомольцев?

Комсомольцы боролись с этой расхлябанностью. Они нещадно ругали своих начальников, требовали от них правильного распределения работ, плановости, организованности. Но когда на карту ставилась судьба будущего города, когда нужно было идти на любой риск во имя интересов стройки, они, стиснув зубы, шли штурмовать.

Так начиналась суровая, тяжелая зима — первая зима строительства. Кутаясь в ватные телогрейки, надвинув поглубже шапчонки, комсомольцы на жестоком ветру строили новые бараки, рубили промерзшую землю, пробивали колодцы, добывали гравий, клали кирпичи.

В сколоченных наспех бараках замерзала вода. Шалаши ветер продувал насквозь. Вечерами после работы комсомольцы прятались под одеяла и вспоминали свои теплые квартиры, оставленные в Москве, Ленинграде, Одессе. Но 7 декабря обо всем этом как-то сразу забыли. В этот день во всех бараках и шалашах шли митинги. Сидоренко потрясал серым листом «Амурского ударника» и произносил охрипшим голосом двадцать вторую по счету речь. От усталости он уже не мог говорить — он читал по бумаге:

«Постановление Далькрайкома ВКП(б)

Решение ЦК ВКП(б) о переименовании поселка Пермск в город Комсомольск принять к сведению и руководству. Предложить фракции крайисполкома переименовать поселок Пермск в Комсомольск, а Нижне-Тамбовский район — в Комсомольский. Секретарь Далькрайкома ВКП(б) *Бергавинов*».

Этого было достаточно. Люди высвобождали из-под одеял замерзшие руки и громко хлопали в ладоши. Сидоренко глядел на всех счастливым взором и тихо улыбался: город Комсомольск все-таки будет, он уже есть, уже можно посылать письма из комсомольского города и получать телеграммы с адресом: «Комсомольск-на-Амуре».

Теперь дело пойдет вперед. Теперь строительство заживет иной жизнью. В эту ночь Сидоренко и Шефтелевич почти не спали, обдумывая фантастические планы будущего города.

Но радоваться пока еще рано. Жизнь готовила строителям еще немало разочарований. Им предстояло пройти такие тяжелые испытания, в сравнении с которыми все пережитое бледнело.

Это было в середине февраля 1933 года. Тусклым вечером ребята собрались в комитете. Сидоренко пришел мрачным. Вчера он узнал, что Зозуля тяжело заболел. Спасти его было трудно: Зозулю душили две болезни — цинга и тиф. Только что Сидоренко выдержал бурный спор с больничным врачом. Тот ему доказывал: «Ну что сделать? Вот уже двести шестнадцать больных лежат. Даем им по одной сырой картофелине в день. Нужны витамины! А у нас сегодня на всю больницу двадцать кило картошки...»

Они подошли к постели Зозули. Тяжелого, широкоплечего украинца два санитаря крепко держали за руки. Больной метался в огненном тифозном бреду. Он резко вскакивал, вырывал руки, дрался, но встать на ноги все равно бы не смог. Ноги его опухли, отекали лодыжки. Цинга не позволила бы ему сделать ни шагу. Сидоренко растерянно глядел на своего друга. Он еще помнил, как этот веселый и шумный здоровяк, на удивление всей бригаде, съедал подряд девять обедов, состязаясь с другим таким же богатырем с Харьковского тракторного завода Козыревым.

— Здесь его трудно будет поднять, — удрученно ска-

зал врач, — такому, сам понимаешь, одному надо дать два кило картошки в день! Где же ее взять сейчас?

Сидоренко уходил из больницы с отчаянием... Начинаясь суровейшая для стройки пора. Иссякли запасы хлеба. Рабочий паек уменьшался каждый месяц. В столовых уже не подавали хлеб к обеду. Недавно триста тонн муки комсомольцы отдали рыбакам Приморья, из-за чьей-то бюрократической неповоротливости рыбаков плохо обеспечили зимними запасами, и вот теперь жители Комсомольска урезывали свои и без того скудные запасы, чтобы помочь рыбакам в беде. На улицах все чаще появлялись странные фигуры на костылях: людям отказывались служить ноги. Тяжело постукивая деревяшками костылей, с трудом выползал утром из своего шалаша бригадир плотников Андрей Гоменюк. Он твердо знал: ложиться нельзя! Ждет бригада — каждый день нужно восемнадцати парням дать работу на постройке барakov. Но в конце концов цинга свалила и Гоменюка. Ребята из его бригады пришли к Сидоренко и рассказали, что бригадир уже неделю лежит без движения на своем жестком соломенном мате.

Что делать? Члены комитета сидели задумавшись. Необходимо начать вывоз больных в Хабаровск. Кому поручить это тяжелое, хлопотное и такое рискованное дело? Зимой в Хабаровск добраться нелегко. Все еще помнили, с каким трудом доехал недавно комсомолец Василий Спирин — он был из прославившейся минувшим летом бригады Андрианова, который изобрел ставший знаменитым «нахальный» метод корчевки. Теперь он работал в Осоавиахиме, и его послали в Хабаровск за учебным оружием и наглядными пособиями. Пятнадцать дней тянулся путь, непрерывно прерываемый пургой, заносами, бездорожьем. Фунт хлеба Спирин растягивал на три дня. Он вместе с шофером рубил на куски мерзлую рыбу и упрямо грыз ее. Семь дней сидели в каком-то лесном шалаше, спасаясь от снежной выюги. На пятнадцатые сутки он приехал в Хабаровск и... не мог выйти из машины. Правая нога была сведена судорогой и полуморожена. Спирина шатало, и перед глазами вспыхивали какие-то красно-лиловые пятна. И все-таки он добрался... Но как везти больных, ослабевших, истощенных людей?

— Пойдет Крикун! — вдруг сказал Запгнев. — Колька обязательно справится!

Крикуна нашли в осоавиахимовском сарае. Он с увлечением вынимал из ящиков малокалиберные винтовки, противогазы, плакаты — все, что удалось привезти Спирина для участников осоавиахимовских курсов. Крикун был большим любителем оружия. Он всячески старался придать своей восемнадцатилетней юности энергичный и суровый воинственный облик. Портупея на нем скрипела. Приятно пахла кожей кобура. Каждое утро Крикун упражнялся в стрельбе. Наконец он добился звания инструктора. Теперь он кончал курсы...

— Коля, в комитет, — позвал его Сидоренко.

В комитете уже был доктор Стоянов, талантливый медик, работавший с увлечением и подлинной самоотверженностью. Комсомольцы решили организовать чрезвычайную пятерку по вывозке цинготных больных. Рейсы по льду Амура надо было начинать немедленно. Больных накопилось очень много. Крикуну и доктору Стоянову поручили набрать первую партию.

Сидоренко побежал доставать полушубок для перевозки Зозули. Доктор просил ребят уговорить ехать и Андрея Гоменюка, для него была заготовлена курортная путевка.

Около шалаша, где жила бригада плотника Гоменюка, горел костер. Кухарский кипятил Андрею чай, грел добытое им где-то для больного молоко и какие-то подмерзшие, диковинные в ту пору булочки, которые он покупал у какой-то жительницы деревни по три рубля за штуку. Андрей лежал пластом. У него очень болела грудь, крошились и чернели во рту зубы. Он даже начал говорить с каким-то странным свистом, и слова с шипящими буквами лепетал смешно, как ребенок. По вечерам ребята растирали его какой-то, прописанной врачом мазью. Ранним утром они вытаскивали соломенный мат на солнце и песли беспомощного Андрея греться. Кухарский бегал каждую свободную минуту по землянкам, выискивал мерзлые ягоды, которые ребята собирали на заснеженном болоте, поил Андрея зеленым горьким настоем хвои, но тому все не становилось лучше. У него уже выпало восемь зубов. Но на курорт он уезжать не хотел.

Каждый вечер ребята с невероятно фантастическими деталями рассказывали ему о магнолиях, мандаринах и сливах. Андрей не сдавался.

— Помирать, так около вас, — упрямо качал он своей

белобрысой головой. — И пусть дают эту путевку кому-нибудь другому.

Его так и не удалось уговорить.

Люди помогали друг другу последними запасами овощей, картофеля, содержащими спасительные витамины. Картошка ценилась на вес золота. Начальник районного отдела НКВД привез откуда-то полмешка ее. Раздавал людям, как драгоценность. Пять картофелин досталось на долю Ворон-Ковальской, работавшей в отделе кадров. Она их берегла, как зеницу ока. Но вот зашел к ней комсомолец Павлик Медведев и пожаловался: зубы выпадают, цинга ест десны. Врачи говорят, надо есть сырой картофель, а где его взять? Видно, придется ждать навигации, пока привезут. Да дождемся ли? Ворон-Ковальская молча открыла шкаф, в голубой тарелке лежало пять небольших сырых картофелин. Когда Павлик ушел, в кармане у него лежала самая большая из этих пяти картофелин, положенная дружеской рукой.

Надо было любыми способами помочь стройке продержаться до навигации; когда запас продуктов было легче возобновить.

Однажды комитет комсомола созвал нескольких молодых слесарей:

— Ребята, поезжайте в Болонь, там нужно к севу подремонтировать сельскохозяйственный инвентарь. Познакомьтесь с тамошними комсомольцами, расскажите им о наших делах, спросите, не могут ли они нам чем-нибудь помочь...

Через некоторое время стройка радостно встречала гостей. Болонские комсомольцы везли для больных рабочих свежую, пойманную в проруби рыбу.

В тихий морозный вечер вниз по Амуру в эти же дни ушла лыжная экспедиция. Длинный смуглый Шефтелевич и круглолицый румяный Качаев летели по искрящемуся плотному снегу впереди всех. За ними катились Костя Мордаков, Виктор Нутрецов. Их догонял шофер Рудольф Шидловский, на спине у которого висели рюкзак и взятая напрокат у девушек гитара. Всего на северо-восток шли на лыжах десять ребят. Они тащили в своих сумках газеты, книги, тысячу тетрадей.

Около часу ночи подошли к стойбищу Бельго. Многоголосая стая псов учуяла экспедицию еще издалека.

Леву Качаева окружило беснующееся собачье кольцо. Упрямые и сторожевые лохматые, остроухие ярые псы сгрудились стенкой, не давая прохода. Неуклюже передвигая ногами, Качаев отражал эту атаку лыжными палками. Деревня спала. Наконец ребята достучались к комсомольцу Самару. Он охотно и тепло встретил ночных гостей. Угостил юколой, квашеной капустой. Замерзшие и усталые комсомольцы выпили ведро чая. Утром начали знакомиться с жителями стойбища.

— Батика-фу, — весело здоровался Шефтелевич, заходя в дом охотника.

И первой ему отвечала бабушка с трубкой: «Батика-фу». Самым последним неразборчиво лепетал крошечный ее внучек: «Батика-фу».

Лева и Рудольф раздавали ребятам тетради, собирали сход, рассказывали охотникам и рыболовам о новом большом городе, строящемся на амурском берегу. Потом в школе или сельсовете они устраивали вечер. Лева читал «Левый марш». Рудольф пел романсы Глинки. Мордаков скидывал лыжный костюм и ловко, в трусиках и майке делал стойку. Нанайцам нравилось. Они не хотели уходить. Тогда Лева отчаянно напрягал память, выкрикивал стихи о спартакиаде. Спев все романсы, Рудольф переходил на частушки. Мордаков выгибался мостом и ходил на руках. Нанайцы не скучали, они смеялись и хотели узнать все, что могут показать приезжие гости. Тогда Лева вороша школьные воспоминания, выгребал из памяти «Балладу о юноше Марко», Рудольф натужным и простуженным басом пел «Бурлаки». Шефтелевич скороговоркой читал смешные раешники.

Успех концерта был огромен. Нанайцы были довольны гитарой, стихами и партерной гимнастикой. Они тоже стали петь свои протяжные песни. Танцевали. Обещали приехать в Комсомольск на первый колхозный базар, спрашивали, есть ли у гостей мануфактура.

Ребята начали свykаться с лыжами. В день шли километров по сорок. Рудольф, оказывается, захватил с собой маленький фотоаппарат и снимал потихоньку всякие смешные происшествия: руготню Левы с нанайской сердитой собакой, Нутрецова, распластанного на земле (не заметил пенька!).

В Нижней Тамбовке кое-что приключилось. В пути ребята сильно промерзли. С собой у них был неприкос-

новенный запас — два литра спирта. Его очень берегли. Но на этот раз решили согреться — было немого — и хлебнули по несколько глотков.

Стоянка близилась. Смеркалось. И было самое время порадовать жителей Тамбовки неожиданным веселым концертом. И вдруг в программе обнаружили прорыв: Мордаков так устал и неожиданно опьянел, что ему никак было не осилить стойки. Шидловский простудил свой бас. И вот Лева пришлось петь и играть за всех. Он танцевал. Показывал фокусы. Декламировал. Шефтелевич неумоимо конферировал, каждый раз загадочно провозглашая: «Сейчас будет «человек-театр!» Зрители, естественно, удивлялись обилию Левиных талантов, но они были очень снисходительны и звали почаще приезжать в гости. А на колхозный базар в Комсомольск они пообещали привезти мясо и черемшу, полезную для цинготных. Целая толпа — все жители села — провожала экспедицию, приветливо и сердечно восклицая вслед лыжникам: «Падам-де радику! Падуману!» («До свиданья! Счастливого пути!»).

Это был первый лыжный поход комсомольцев. Двадцать два километра прошли они, организуя колхозный базар для стройки.

А в марте, когда стало очень тяжело с хлебом, Лева с друзьями пошел на лыжах еще раз. Теперь они уже направились вверх по Амуру. За две недели обошли семнадцать колхозов. «Набежали» еще четыреста семьдесят пять километров. По следам комсомольской экспедиции из нанайских становищ везли на собаках рыбу. Колхоз «Славянка» отправил в Комсомольск мясо и черемшу. Другой колхоз отвез стройке молоко и несколько тонн толстых увесистых максунов. Все это было крайне необходимо: снежные заносы задерживали в пути муку, отправленную из Хабаровска, тридцать машин застряли где-то далеко, застигнутые свирепой пургой. И многие бригады приносили в эти дни в редакцию «Амурского ударника» собственноручно заполненные заявления:

«Мы требуем ввиду создавшегося бездорожья и невозможности своевременной заброски продуктов пересмотреть нормы выдачи печеного хлеба и ввести временные нормы для 1-й категории — 700 грамм на человека. Большие пролетарской сознательности! Мы понимаем, что это трудности временного порядка... *Астахов, Бублик, Войн, Рудометкин и другие*».

Люди не падали духом.

Возвращаясь из последнего похода, Лева и Рудольф увидели на льду караван грузовиков. Видно, это Коля Крикун отправился с больными в очередной рейс. Стояли последние зимние холода. Морозный воздух был особенно густ и плотен. Побелели телеграфные провода на пригорке. Белый иней затянул все иголки хвойных деревьев. Лыжники шли приплясывая, ежеминутно затевая шуточную — для тепла — борьбу, оттирая подмерзающие щеки. Они устали. Хотелось домой, к друзьям, к огню. Навстречу им медленно двигался цинготный караван. Шоферы заботливо и тщательно обходили холмистые бугры, ледяные торосы капризной реки. Крикун выбежал навстречу лыжникам.

— Опять везешь? — спросил его Лева.

— Вот в третий раз уже, — угрюмо ответил Николай. — Некоторые ребята совсем плохи...

«Да и сам-то ты не так уж хорош», — с тоской подумал Лева, оглядев осунувшееся усталое Колькино лицо и его лихорадочно яркие глаза.

— Может, помочь что надо? — сказал он вслух.

Ребята подошли к машинам. Измученные цингой люди лежали недвижимо. Опухшие, закутанные в полушубки и одеяла тела. Неузнаваемые, пожелтевшие лица.

— А ну, вот на эту сопку, за сучьями! — скомандовал Качаев. — Разжигаем костры. Надо согреть больных!

Несколько часов провели у костров. Больные пили чай, грелись. Коля рассказывал ребятам об итогах первого зачета в политкружках («Зангиев-то сел на мель, когда спросили насчет итогов пленума исполкома Коминтерна!»), об интересных комсомольских краеведческих разведках в поисках стройматериалов...

— А вы знаете, броненосец держится уже четыре дня! На борту раненых нет. Все здоровы, — вдруг сказал Коля, и черные большие глаза его заблестели еще ярче.

Ребята посмотрели на него с недоумением. Какой броненосец, где? Они уже около месяца ничего не читали, кроме своего «Левого марша» да «Баллады о юноше Марко». И Крикун с увлечением рассказывал им о новом «Потемкине» — о героическом восстании экипажа голландского броненосца у берегов Суматры. Все ребята на стройке очень волновались за судьбу этого экипажа. С горячим сочувствием читали о том, что волне-

ния перекинулись на крейсер «Ява», возглавлявший флотилию, посланную подавить восстание. Колька даже в эти горячие дни находил время, чтобы сбежать вечером к Мише Ильину в редакцию и принести ребятам свежие известия, что там слышно о «Де Цевен Провинсиен» — так назывался броненосец.

Пора было двигаться дальше, хотя и не хотелось ребятам-лыжникам кончать этот интересный, хороший разговор. Но засиживаться им тоже было нельзя. Ведь они шли в свитерах, без шуб. Грузовики уже снова поползли черной вереницей по ледяной широкой тропе. Крикун вскочил на последний, скрылся за дверью шоферской кабины. А перед ребятами скоро забрезжили огоньки Комсомольска.

— Очень сдал Крикун, — вдруг высказал вслух Лева мучившую всех мысль. — Похудел так, словно мается чем-то! Как бы не свалился по дороге. Нужно будет предупредить в комитете. Что они, сами не заметили, что ли?

В комитете, оказывается, заметили. Но сам Крикун и виду не подавал. Держался он, как всегда, по-военному, подтянуто, бодро. По-прежнему скрипела на нем блестящая портупея. Молодцевато сидела юнгштурмовка. Он находил время бриться и мыть белые подворотнички к своей гимнастерке. Крикун не обращал никакого внимания на всякие замечания и советы по поводу своего здоровья. Он знал одно — ходить он может, а товарищи, больные цингой, недвижимы. Но Сидоренко понимал, что Крикуна, как это ни трудно, пора освободить, — вот только вчера Коля, никогда не мерзнувший в своей комнате, вдруг в странном ознобе забежал к нему в барак и, вопреки обыкновению, попросил:

— Ваня, дай спирта. Трясет меня что-то!

Сидоренко твердо решил утром всерьез поговорить с Крикуном, подыскать кого-нибудь другого для этого последнего рейса. Но утром Крикуна уже не было — как разан грузовиков ушел в путь спозаранку.

«Поход за бревном обороны»

В это время комитет одолевала новая производственная забота: был объявлен «поход за бревном обороны». Дело в том, что на Дальпромстрое возникали те же про-

рывы, что и на строительстве поселка — и здесь вдруг не хватало леса!

Лесопильный завод остановился. А ведь в мае должно было приехать еще много новых рабочих, и для них надо было построить бараки. В мае, по планам, предстояло начать и сооружение цехов. Стало быть, нужно было срочно заготавливать и возить лес. Но на лесоразработках по ту сторону Амура находилось только сто комсомольцев. И вот было решено объявить «поход за бревном обороны» и послать в лес еще четыреста человек, которые должны были остаться там до самого конца зимних лесозаготовок.

В лес вызывались идти многие. Отобрали лучших, наиболее крепких, в том числе только что вернувшихся из лыжного похода Сергея Шефтелевича и Виктора Нутрецова. Сергей Шефтелевич был назначен комсоргом лесоучастка.

С утра восемнадцатого февраля 1933 года через Амур потянулись колонны людей. Был выходной. Вместе с комсомольцами пошли в лес старые партизаны, красногвардейцы, служащие из конторы. Шефтелевич подобрал к себе в бригаду тридцать три рослых, плечистых парня. Вдруг к нему пристал какой-то маленький паренек из конторы — это был Кусков.

— И я с вами!

Шефтелевич недоверчиво оглядел малыша.

— Ну куда — тебя там суком задавит!

Но Кусков гордо помахал путевкой (каждому комсомольцу на руки выдавалась «социалистическая путевка в лес») и задорно крикнул:

— Это еще увидим — кого задавит, а кого нет!

Так он и не отстал от бригады до конца пути. Ребят на тот берег провожали всей организацией. В середине одной из колонн шел рослый и плотный дядя с окладистой и длинной рыжей бородой. Глядя на него, Шефтелевич задыхался от хохота. Час тому назад в комитете комсомола, где стояла толпа ребят, получавших «путевки в лес», зашел и энергично всех растолкал этот самый толстый рыжебородый.

— Тебе чего, дядя? — спросил его Сидоренко.

— Как чего? На Пивань пойду!..

— Да ведь тут у нас только комсомольцы, папаша!

— А я кто? — окончательно разозлился рыжеборо-

дый. — На, смотри! — и он раздраженно рванул куртку и положил на стол комсомольский билет.

Это был Попандопуло — тот самый вожак, с которым так отчаянно спорил Костя в памятную ночь на барже. Попандопуло был втайне доволен, что на стройке отсутствовала парикмахерская, — свою рыжую бороду он бережно холил. Говорил, что она создает ему авторитет в бригаде.

Сзади колонны тарахтели на санках бачки, кипятильники, посуда — вся походная лесная кухня. Оркестр отправился на Пивань на два часа раньше. Навстречу подходящей колонне из тайги уже гремела «Полька». Музыканты сидели на пнях и играли на трубах, индеевских от стужи. Провожающие шли толпой до самой Пивани. Но они не спешили распрощаться. Лева Качаев поставил на снег оконную раму, которую он бережно нес через весь Амур. Бригаде Шефтелевича выделили участок под названием «40-й пикет» у трех больших сосен, и они дружно начали строить для себя таежную избу. Руководил и помогал в работе неопытным ребятам бывалый строитель, секретарь парторганизации управления инженер Яков Петрович Варенцов. И вот к половине первого часа ночи в глухой тайге за день был построен дом на всю бригаду и в новой железной печке затрещали сучья. Принесенная Левою оконная рама была водружена на место.

Началась жизнь в лесу. Каждый день в газету поступали сводки о выполнении планов бригад. «Рыжая борода» свирепо соревновался с Шефтелевичем.

Хорошо работала на 52-м пикете бригада Николая Гаврина — она рубила лес километрах в двух от избушки, сооруженной бригадой Шефтелевича. Поначалу, без привычки, было, конечно, трудновато: кто давал в день три кубометра леса, кто четыре, а норма была — шесть с половиной. Но потом приноровились и стали рубить по 8 и даже по 12 кубометров леса. И все же обогнать бригаду Шефтелевича не удавалось — эти черти давали по 13 кубометров на брата! Заготовили и стрелевали 5700 кубометров леса, заняв первое место в соревновании на лесозаготовках.

В эти дни Крикун отвез уже очередную партию больных по льду в Хабаровск. Он благополучно доставил их в город, устроил в больницы, некоторым добыл путевки

на курорт и собирався возвращаться в Комсомольск. Но всех больных увезти в Хабаровск было невозможно, а на месте лечить их становилось труднее и труднее. Те, кто еще не слег, носили в кармане заветный кусочек чесноку в газетной бумаге. Несколько раз в день этот драгоценный кусочек вынимали, чтобы натереть им слабеющие опухшие десны.

Цинга начала ломать даже таких крепких людей, как Ваня Сидоренко. В один из этих дней он зашел к врачу Стоянову, чтобы поделиться с ним своими опасениями насчет состояния здоровья Николая Крикуна.

Вдруг Стоянов внимательно поглядел на Ваню, попросил его открыть рот, ощупал ноги и сказал:

— Слушайте, Сидоренко. Вам еще надо много работать. Вы этого хотите?

— Хочу,— ошеломленно ответил Ваня.— Что это вы?

— Уйдите в лес! — горячо сказал доктор. — Ну, хоть на десяток дней. В вашем состоянии может помочь свежая кровь, сырые почки, клюква. Возьмите с собой Ремпелья. И ему пришла пора. Вернетесь — будете работать, как новые. Не откладывайте этого. Думайте скорее!

Ремпель приехал на стройку из Ростова. Это был высокий парень атлетического сложения: он кончил фабзавуч, получил специальность электрика и на стройке заведовал самой первой электростанцией. Как и Сидоренко и его друзья, был любителем спорта. В Ростове окончил морскую школу Осоавиахима. Мечтал о военной карьере. Но цинга не пощадила и этого богатыря, у него уже почернели икры, покрылись зловещими пятнами бедра. Шатались зубы, из них шла кровь. Да, его, как и Сидоренко, надо было спасать, и притом не мешкая.

Вечером в комитете был разговор. Ребята настаивали на том, чтобы дать двухнедельный отпуск Сидоренко. На следующий день они вышли провожать своих Robinsonов, как их успели прозвать комсомольцы.

Огромному двадцатилетнему Ремпелю с трудом выискали валенки.

— Ну, не ноги, а лыжи! — хохотал Сидоренко, когда в комитете его спутнику всей артелью натягивали невероятного размера валенки.

На маленькие нарты уложили складные трубы, маленькую печку, брезентовую палатку, мешок сухарей, флягу спирта, запас спичек, чая, сахара.

И вот уже надеты через плечо ружья, вычищенные с вечера. Надвинуты до бровей мохнатые нависшие треухи.

— В поход, в поход! — торопили друзья. — Возвращайтесь орлами, да челюсти не забудьте закалить! Погодите, вот Ильин бежит, торопится очень.

— Мишка, опаздываешь!

Ильин, запыхавшись, подбегает. В руке у него свежий номер газеты. Он сворачивает ее трубочкой и кладет в карман полушубка Сидоренко.

— Прочтите в лесу, ребята. Ночью мы получили по ТАССу. Это речь товарища Сталина на Первом Всесоюзном съезде колхозников.

...С проводов шли молча.

— Дойдут ли обратно? — говорил, задумавшись, Ильин, и все ребята понимали, что Сидоренко и Ремпелю предстояла не отпускная прогулка, а подлинная и трудная борьба с природой за жизнь. Надо было завоевать силы любыми средствами.

Оба друга были хорошими стрелками. Сидоренко давно любил охоту, тихую и затаенную прогулку с собакой в лесу, нетерпеливое и напряженное ожидание, когда охотник разговаривает с насторожившейся собакой едва заметным движением, кивком. Хорошо зимой в лесу. Снежные пухлые хлопья стелются по узловатым корням елей, заматают лесные дорожки, следы. Дрожит на ветру прозрачный березняк. Осыпается с голых и тонких сучьев легкая снежная пыль. И только сосны, пушистые и крепкие, стоят неподвижно, раскинув свои широкие хвойные ветки. Тихо.

Но идти трудновато, хоть и легко скользят обшитые мехом нанайские лыжи, быстро несутся сзади легкие, на полозьях, нарты. Собственное тело кажется тяжелей, чем всегда. Цинга тянет к земле. Хочется лечь и лежать спокойно, не двигаясь, молча. Ноют отекающие ноги. Отвратительное ощущение собственного безволия и беспомощности! Как тяжелы с недавних пор все эти неизведанные раньше ощущения для Сидоренко! Всегда живой, веселый, быстрый, он чувствует себя сейчас скованным этой медленной, давящей болезнью. Он смотрит на Ремпеля. Ему кажется, что тот сурово каждый раз приказывает своим ногам: «А ну, шагай! Дальше! Еще! Вперед!» Сидоренко молчит. Нельзя жаловаться...

В верховьях Силинки они натываются на какое-то

тоскливое и бесконечное болото. «Мертвое болото» — так называли его потом сами ребята. Оно покрыто серым снегом, мелкими редкими голыми прутьями, выцветшими камышами. И вдруг неподалеку на пригорке красные пятнышки! Пунцовые круглые точки на снегу. Клюква! Сколько клюквы! Сидоренко и Ремпель набирают полный котелок. Кладут клюкву в чайник, в карманы, в рот. Клюква мороженная, она хрустит и лениво лопается на зубах. Она особо, по-зимнему, кисла, но сок ее живителен и хорош.

Друзья идут дальше. Чуть скрипят лыжи, уминая высокий целинный снег. Лес становится все гуще. Больше сосен и елей. Бурелом. Частые кустарники. Нетронутая тайга во всей своей многолетней первобытной и буйной силе...

Первая ночь в палатке проходит хмуро и беспокойно. Очень холодно. Ветер все время шевелит парусину. Печка быстро остыла. А длинному Ремпелю тулуп не доходит до икр. Он спит, свернувшись колесом, неловко поджав под себя длинные ноги. Шапка и валенки упали на пол.

Сидоренко просыпается первым. Вставать очень трудно. Ноги совсем не свои, неподвижные, как у ватного рождественского деда-мороза. Хочется снова забиться под тулуп, чтоб не слышать, как подывает северный ветер. Сидоренко смотрит на Ремпеля. Во сне огромный детина как-то беспомощен и почти грустен. Он смешно и неуклюже двигает своей длиннющей ступней, инстинктивно ища, куда бы ее спрятать от холода. У щиколотки темное пятно — след цинги. Кожа вокруг него пожелтела и странно натянута.

Сидоренко поднимается. Внезапно он чувствует себя вожакom в этом трудном и важном путешествии. Тихо, стараясь не шуметь, выходит из палатки. Набирает вязанку кедровых смолистых сучьев, набирает в чайник плотные хлопья белого чистого снега. Вскрывает банку консервов. И вот уже топится, трещит, разгорается печка. Снег в чайнике давно растаял, вода собирается кипеть. Клюква в мисочке оттаяла, и получился красноватый морс. Ремпель удивленно открывает глаза, приятно согретый теплом, и видит, как Сидоренко, сидя на тулупе, читает газету, принесенную Мишкой Ильиным.

— Ваше здоровье! — кланяется Ваня, морщится, гло-

тая большую чашку кисловатого сока из мороженой клюквы.

Друзья завтракают и отправляются на утренний промысел. Нужно добывать обед и лекарства против цинги. Около палатки они замечают странный продолговатый след. Кто же тут был? Кому нужно было ночью так воровато и тайно кружить около их палатки?

Это был след рыси. Ребята выслеживали ее три дня, но проворный зверь хитро ускользал, оставляя на снегу след продолговатой когтистой лапы. Они еще были неуклюжи, новые лесные жители — два начинающих Robinsona. Требовалось время, чтобы обрести привычку жить в лесу.

Пока же природа, на которую столько надежд возлагал доктор Стоянов, была для двух друзей лютым и злым врагом. Они измучились и исхудали в поисках зверя. Сколько раз их уже обманывали глухие лесные шорохи! Непонятным и загадочным казались внезапно появлявшиеся следы на снегу. Все дальше, дальше уходили они от палатки, преодолевая усталость и вялость большого тела, с трудом отгоняя желание лечь и ни о чем больше не думать, не вспоминать.

Кажется, уже более трех десятков километров прошли они так в одну из самых тяжелых и безрезультатных охотничьих вылазок. Как и утром, пусты были сумки. Как и утром, целы все патроны, пустынно и по-особенному грустно. Сидоренко даже не пел, как обычно, свою мрачно-веселую частушку:

Девушки, попойте-ко,
Я умру — отпойте-ко.
Придет миленький прощаться —
Крышечку откройте-ко!

Он устал и медленно, тяжело шагал по начинающему таять снежку. Вдруг Ремпель странно вскрикнул и грузно упал, почти по пояс проваливаясь в ледяную воду. Весна была не за горами, и тонкий ледок большого ручья внезапно проломился под тяжестью ничего не замечавшего от усталости охотника-неудачника.

Мокрый, продрогший Ремпель не мог так возвращаться — это значило бы в придачу к цинге получить жестокую простуду. Развели костер, чтобы обсушиться. Темнело все больше. Бросив на снег пустую брезентовую сумку, Ремпель сел на нее у огня, поджав ноги. Но

неприятности преследовали его безотрывно: тут же выгорела подошва сушившегося на костре валенка. Потом с ужасом вспомнили, что Сидоренко забыл взять компас. Где же искать теперь палатку? И вот два друга решили пойти в разные стороны: кто первым увидит жилье, подаст сигнал выстрелом.

Неподалеку, едва они отошли друг от друга, Сидоренко услышал странный звук. Кто-то протяжно, пугливо и глуховато шуршал: «Чиф-фый, чиф-фый-фый». На крутой и мшистой скале показался чудесный и легкий в движениях зверь. Боязливо и трепетно выглядывала из зарослей колючего кустика маленькая и статная голова с черными выразительными глазами. Сторожко двигались волосатые острые уши. И вдруг в воздухе мгновенно мелькнули сухие, мускулистые ножки; острые раздвоенные копытца, стукнув по камням скалы, на секунду показали где-то вверху над головой, и зверь, невредимый и ловкий, очутился глубоко в пади.

— Кабарга! — ошеломленно прошептал Сидоренко. — Какой зверь!

Он начал тихо подкрадываться к кабарге из-под ветра, помня, что она, по выражению охотников, «духу не знает» (обладает плохим обонянием). Зверь, видимо, успокоился и ел мох. Вот кабарга пошла на куст, за которым притаился тоже заметивший ее Ремпель. Почти одновременно раздались два нетерпеливых выстрела. Сидоренко попал прямо в горло кабарге, Ремпель — в грудь. Зверь пробежал два-три шага, бессильно свалился около подмерзшего ручья. Тут и состоялось первое, столь неожиданное и радостное, лечебное пиршество в лесу.

Все это было очень необычно и, по правде сказать, не особенно приятно. Но друзьям очень хотелось жить, и потому они сделали все, как указывал доктор. Зажмурившись, Ремпель выпил полкружки теплой солоноватой крови. Вдвоем съели сырые почки кабарги. Мясо поджарили на костре и понесли с собой. К счастью, тут же в сумерках друзья набрали на свою палатку. Оказывается, она была здесь же, почти рядом, под скалой, они весь день кружили вокруг нее.

Вечер наступал морозный и ветреный. Друзья натаскивали снег и забросали им всю палатку. К утру вышел у них ледяной дом. Громко трещали в очаге кедровые смолистые сучья. Теперь холод в палатку не проникал,

и друзья в эту ночь спали особенно комфортабельно, раздевшись, накрывшись одеялами и полушубками.

...С каждым днем они крепили. Посветтели пятна на ногах большого, неуклюжего Ремпеля. Перестали синеть и пухнуть десна черноглазого, веселого Сидоренко. Уже шла вторая неделя жизни в лесу. Голубые пушистые шкурки висели в палатке на веревочке, как флаги: было убито сорок белок. Мешок с сухарями понемногу тощал. Последние пять дней все время промышляли рябчиков.

Вечерами друзья следили, как глухо падали, как бы ныряя в снег, большие коричневые глухари. Они зарывались прямо, ударом с полета, в снежную мягкую целину и в ней проводили ночь. Рано утром, вздымая буруны выюжной пыли, глухари вылетали из своих снежных нор. Тут их гонял Сидоренко, а Ремпель метко бил из тяжелого большого дробовика. Друзья набрали запасы клюквы и решили возвращаться на стройку.

...За сто километров от их палатки, в полосе густой и буйной тайги продолжали свою лесную жизнь комсомольцы, посланные на лесозаготовки. По-прежнему рыжебородый, толстый Попандопуло яростно состязался с приятелями, кто больше заготовит кубометров древесины. Но кругом многие были унылы. Цинга усиливалась. Особо трудно становилось после обеда. Хотелось лечь, молчать. Некоторые засыпали прямо на работе, бессильно прислонившись к дереву. Рудольф Шидловский — участник лыжного похода к нанайцам, живой и веселый парень — особенно страдал от этого, такого необычного для его энергичной натуры состояния.

Доктор не сказал ему ничего нового:

— Цинга у вас, Рудольф! Постарайтесь не ложиться. Пересильте себя. Двигайтесь, хоть это и трудно вам. Противляйтесь болезни. Пейте настой хвои!

Только четверо весельчаков и балагуров из крайней избушки не поддавались ни болезни, ни грусти. Сенька Ратнер, Борис Выбицкий, Володя Селявин и Мартынов вечерами орали на весь лес частушки, шутили, устраивали какие-то концерты. В лесу неугомонную эту, вечно бодрую и веселую четверку прозвали «бригада сохатых». «Сохатые» ходили в выходные дни на лыжах, ставили ловушки на колонков, варили в большом ведре рябчиков к бригадному обеду.

Но однажды даже «сохатые» приуныли. Во время дневной рубки сильно зависла огромная, стройная лиственница. Ребята не успели отбежать, она резко и неожиданно раскололась пополам и крепко стукнула по голове Колю Гаврина. Парень, не сдвинувшись с места, упал без памяти. Лиственница свалилась на него тяжелым своим кряжем. Растерянно застыли вокруг расprostертого товарища ребята. Потом опомнились, бросились, но даже вчетвером не стащить, не осилить, не сдвинуть тяжелое, могучее дерево. Так и не понять — дышит еще друг или нет. И вдруг тут же падает еще одна подпиленная лиственница. Ринулись в стороны взволнованные, ошеломленные комсомольцы. Только Франко, питавший братскую нежность к своему другу, припав на колено, крепко держал беспомощную руку лежавшего Коли Гаврина и шептал в каком-то внезапно нахлынувшем, тяжелом отчаянии:

— Не уйду. Вместе пилили. И околеем вместе!

— Ну и тю-ю-ря! — услышал он тихий и медленный шепот и сам не поверил своим ушам. — Я и не собирался даже туда, в «земельный отдел»-то! — сказал вдруг Гаврин, оживая и кривя в мучительной улыбке насмешливое свое лицо. — Не уговаривай, тащите дерево с меня скорей!

Отнесли Гаврина в лесную избушку. День он лежал, а утром, слегка покачиваясь от слабости, решительно встал и пошел вместе с ребятами пилить жерди. Часа два поработал. Потом схватил вдруг топор, неожиданно и страшно дико для всех подбросил его над головой. Чуть не убил себя. Стал затем непонятное что-то шептать. Странно сорвался с делянки, опрометью побежал в избу. Лежавший там на полу цинготник, больной лесоруб, побледнел и, собрав свои силы, отодвинулся в угол, подлез под самые нары. Гаврин, нелепо подболевшись, стоял посреди горницы, диким голосом в течение нескольких минут бормотал и повторял какую-то совершенно бессмысленную, нескладную фразу.

Собравшиеся вокруг избушки под окнами комсомольцы притаенно вслушивались в этот странный бред. Пожилой прораб схватился за голову и тревожно зашептал:

— Любую лошадь берите! Только везите его в город скорей! Отвезли Гаврина через замерзший Амур в шалаш, где помещался невропатолог Козельцев. Последствия удара показались врачу серьезными. Он уложил

молодого лесоруба в постель и приставил к нему наблюдателя — санитаря. Товарищей к нему в палату не пускали — Коля буйствовал. Только несколько дней спустя он пришел в себя. В лесу все были взволнованы этим страшным, внезапным событием. История эта быстро разнеслась по всей стройке, и о ней сразу рассказали двум робинзонам — Сидоренко и Ремпелью, успевшим возвратиться из лесу после стокилометровой прогулки.

Друзей встретили очень радостно. В старом амбаре, куда Сидоренко вернулся, ребята на радостях устроили роскошное чаепитие с настоящим малиновым вареньем, баночку которого кто-то получил в почтовой посылке от родителей.

Назавтра Сидоренко и Ремпель заглянули к врачу. Стоянов осмотрел их и остался доволен результатами: пребывание в лесной глуши друзьям хорошо помогло. Открыв лежавшую на столе толстую книгу, врач прочел им небольшой отрывок: «Эту болезнь знал еще Гиппократ. На кораблях дальнего плавания, в войсках во времена продолжительных походов, в осажденных городах, в лагерях пленных — она была обычной гостьей. Триста лет ее описывали историки и путешественники. Еще в 1671 году француз Бенет заметил: «В Норвегии и других странах севера люди, заболевшие цингой, отправлялись в леса, чтобы пользоваться там ягодами и не возвращаться оттуда, пока болезнь не уменьшится...»

— Вот так и я лечил вас, мои таежные курортники, — добродушно усмехнулся Стоянов. — Помог старинный рецепт...

Несколько месяцев спустя мечта Ремпеля осуществилась: его взяли в армию и приняли в школу среднего командного состава. Сидоренко продолжал работать на стройке — его всегда посылали туда, где труднее...

Теперь нам предстоит поведать читателю одну из самых горестных страниц истории стройки. Николай Крикун, который невероятно напрягал все свои силы, спасал цинготных больных, доставляя их на грузовиках в Хабаровск, окончательно подорвал свое здоровье и таял у всех на глазах.

Последний рейс по льду Амура его автомобильный караван совершил уже весной, когда толстый лед начал сдвигаться. Набежали легкие струйки веселой и быстрой

воды на его тускнеющую, уже неровную поверхность. Веяли потеплевшие, пряные ветры. Снежные толстые шубы сопков разлохматились, полезли в клочья, поползли с крутых вершин разлетевшимися узкими полосками. Проглянула высохшая и бурая прошлогодняя трава. Последнюю партию — двадцать цинготных — вез Крикун в Хабаровск с великими предосторожностями.

Это действительно опасно — вести тяжелые грузовики по тающему льду реки. Но разве можно было ждать? Пожелтевший, осунувшийся от беспокойных ночей, Крикун шел впереди грузовиков, нащупывая наиболее безопасные, крепкие еще ледяные тропы. Он довез всех в полной сохранности, устроил, как всегда, по больницам, достал для некоторых путевки в дома отдыха. Тем временем уже начался ледоход, и Коля вернулся в Комсомольск уже на пароходе.

Вернулся, лег на койку в бараке на четвертом участке и уже не смог подняться. В этом отсеке барака жили двадцать комсомольцев, двадцать друзей Николая Крикуна, в том числе Петр Сосна — комсомолец из Макеевки, в прошлом один из лучших бригадиров на корчевке леса, а теперь комсорг военизированной охраны, преданно ухаживавший за ним. Приходили врачи, приносили лекарства, но Коле становилось все хуже и хуже.

Это глубоко беспокоило Ваню Сидоренко и всех приятелей Николая — его так любили на стройке! В один из дней в барак пришли ребята из комитета комсомола — теперь он уже был преобразован в горком — и сказали, что принято решение взять Николая туда, на руководящую работу. Он выслушал, улыбнулся, и тут же лицо его перекосила гримаса — снова начался припадок сильнейшей лихорадки.

Петр Сосна сбегал на конный двор, взял повозку, отвезли Крикуна в больницу. Было это уже 2 июня 1933 года. Врачи поставили диагноз: сыпной тиф. Потом начался брюшной тиф. Ослабленный организм Николая был не в состоянии сопротивляться навалившимся на него бедам. Вскоре к этому добавилось воспаление легких.

Друзья приходили к больному каждый день. Его вид их ужасал: всегда по-военному подтянутый, чуть щеголеватый Коля теперь был почти неузнаваем. Забывшись, он метался на соломенном мате, лихорадочно и нервно натягивая на себя короткую кожаную куртку.

Видимо, его сильно знобило. В палате была напряженная и тревожная тишина.

Восьмого августа Крикун начал бредить.

— Ма-ашка! Ма-ашка! Заходи живо! Вот я тебя, подлую, сейчас стукну. Полкан, загоняй ее! — Крикун что-то бормотал про мешок отсыревшей муки, про больного отца. Слал горькие упреки в скаредности какому-то Кондратию Тимофеевичу...

— Деревню все вспоминает, — с тоской сказал Лева Качаеву Петр Сосна, сидевший часами около Крикуна на топчане. — Он ведь пастухом у кулака был. Про прошлое свое говорит...

Через пару дней бред кончился. Крикун, как только очнулся, начал порываться идти «домой» — в свой барак. Но сил у него не было. Петр Сосна изо всех сил старался ободрить его. Рассказывал, что Фридкин, которого Коля отвез в Хабаровск, уже выздоровел, вернулся, а все его считали безнадежно больным. Говорил, что скоро вернется и Ковальчук, над которым врачи чуть было не поставили крест. Рассказывал, что нового в горкоме.

Крикун молча кивал головой и с тоской глядел в потолок. Дверь палаты непрерывно хлопала — со всех концов стройки сходились друзья проводить Николая. Они усаживались на неуклюжих табуретках и долго смотрели на маленького, высохшего человека, силясь распознать знакомые черты.

Коля очень изменился. Коротко остриженная голова откинулась на подушки. Рот был полуоткрыт, и белые как бумага губы беззвучно шевелились.

— Кудри-то, кудри жалы! — сказала вдруг после долгого молчания Лена Нищенко. И тут же густо покраснела. Коля едва заметно усмехнулся и махнул тонкой рукой.

— А как у тебя дела? Как план? — Крикун перевел дыхание.

— Все хорошо, очень хорошо!

На лице у Крикуна засветилось удовлетворение:

— Ну вот... вот и ладно... Идите, ребята, вам работать надо... — Потом спросил: — А где Сидоренко? Поглядеть бы...

Ему сказали, что Ваня в командировке в Хабаровске. Коля вздохнул и закрыл глаза.

Ребята уходили неохотно, долго топтались у порога,

недоверчиво посматривали на врача, измерявшего больному температуру.

Девятого августа Николай вдруг сказал Петру Сосне: — Доктор говорит, я поправлюсь. А я думаю — помру...

Петр бурно запротестовал, но Николай махнул рукой и закрыл глаза.

На следующий день Петр Сосна опять просидел у Николая несколько часов. Говорил без умолку о том о сем, пытался шутить. Николай не проронил ни слова. На завтра он скончался.

Хоронили Колю Крикуна хмурым сырым утром 13 августа 1933 года. Был выходной день. С Амура дул резкий, пронизывающий до костей ветер. С неба лил дождь. Сколоченный Фридкиным, Ковальчуком, Кошубой и Сиваковым небольшой легкий гроб, обитый красной материей, несли, сменяясь, лучшие друзья Николая. Кладбище было далеко, в пяти километрах от стройки, в густом лесу. Промокшие угрюмые комсомольцы упрямо шли густыми рядами по дрянной лесной тропе, спотыкаясь о корневища сосен.

У открытой могилы секретарь горкома комсомола сказал короткую речь. Комсомольцы дали салют из трех ружей. На могиле поставили невысокий столбик под двускатной крышей и вырезали перочинным ножом: «Николай Николаевич Крикун. Погиб смертью отважных за дело рабочего класса». Когда все уже было кончено, комсомольцы еще долго стояли понурившись у могилы; уходить домой никому не хотелось, и только поздней ночью они вернулись в поселок.

И снова документы

Да, это было тяжкое, нечеловечески трудное время. Требовалась огромная сила воли, требовалась непоколебимая вера в то дело, ради которого эти молодые люди по призыву ЦК комсомола, оставив свои семьи и дома, снялись с насиженных мест и отправились, что называется, к черту на рога, в дикие таежные дебри; требовалось величайшее напряжение всех физических и моральных сил, чтобы пережить все это, о чем четыре с лишним года спустя первостроители Комсомольска-на-Амуре рассказывали нам как о чем-то само собой разумеющемся.

И здесь самое время вновь обратиться к документам из архива горкома комсомола, с которыми нас познакомил тогда Исаак Минкин. Они лаконично и вместе с тем красноречиво повествуют о том, чем жила в ту пору комсомольская организация города, который пока существовал только в мечтах его строителей, но был для них непоколебимой реальностью.

Вот лежат перед нами протоколы второй конференции комсомола Дальпромстроя, она состоялась 11—12 февраля 1933 года. С отчетным докладом выступает Сидоренко. В президиуме сидят начальник строительства Каттель, новый секретарь партийного комитета Плеханов, Хромочкин — комсомольский секретарь с четвертого участка, Эрлих — он теперь работает культпропом комсомольского комитета. В секретариате конференции — Карл Закевич и Михаил Ильин, это их прилежанию мы обязаны тем, что теперь, сорок с лишним лет спустя, имеем возможность подробно воспроизвести то, что говорилось на этой конференции.

Сидоренко докладывает:

« — Полуторатысячный отряд краснознаменного комсомола, мобилизованный на штурм вековой тайги, в трудной, неосвоенной обстановке, борясь против нытиков и трусов, подтачивавших наше строительство, а также против спекулянтов на трудностях, шел непремено вперед, преодолевая косность и трудности. И на сегодняшний день там, где были пустыри, имеется освоенная площадка строительства. Этим комсомол завоевал право нанести на карту Дальневосточного края название своего социалистического города, который будет называться Комсомольском-на-Амуре!.. »

Полуторатысячный отряд... Только полуторатысячный? Почему? Суровая, порой невыносимая зима, первая зима первостроителей со всеми своими трудностями дала о себе знать. Численность организации сократилась за эту зиму, в строю осталось 1554 человека, из них 46 девушек. Девушки, первые девушки Комсомольска-на-Амуре, как трудно было им жить и работать в тех неопишимо трудных условиях, — об этом мы уже рассказывали выше, а сейчас просто, вместе с Сидоренко скажем: «Они оправдали доверие партии и не хныкали...»

Сидоренко продолжал отчет, объясняя, почему сократилась численность организации: «110 мобилизовано на лесозаготовки, 329 откомандировано по болезни и по се-

мейным обстоятельствам, 98 исключены из комсомола, из них 94 за дезертирство. Но каждый из 1554 оставшихся теперь, после пройденных зимних испытаний, стоит десятерых — численность актива удвоилась, 1362 комсомольца заявили, что они закрепляются на стройке до конца второй пятилетки, 847 являются ударниками. Многие осваивают новые профессии: на курсах подготовлено 25 десятников, 60 столяров, 35 электромонтеров».

И еще в протоколе записано:

«Политической учебой на 15 января 1933 года охвачено 1144 комсомольца и 202 человека внесоюзной молодежи. Работает вечерняя совпартшкола, комвуз, семинары пропагандистов, рабфак. 58 активистов участвуют в работе семинара группоров, 37 — в работе семинара секретарей ячеек.

Организованы ТРАМ, радиостудия. Организованы 3 начальные школы, в которых учатся 348 детей. Созданы три пионерских отряда, в которых 88 детей. Учтены 283 неграмотных — все они охвачены пунктами ликбеза (школами по ликвидации безграмотности). В широком масштабе организован подход по борьбе с вошью».

Военная работа... Сидоренко с особым воодушевлением докладывал о ней, вдвоем с покойным Николаем Крикуном он приложил особые усилия к тому, чтобы эта работа была на должном уровне. И кстати, плоды ее сказались девять лет спустя, когда Сидоренко и его друзья ушли на войну против Гитлера, — все они показали себя как отличные солдаты. Кто не знает о подвиге летчика Маресьева, который первые уроки летного дела получил в аэроклубе Комсомольска-на-Амуре? С честью прошли всю войну и вернулись с фронта заслуженными офицерами с орденами и медалями Шефтелевич, Зангиев, Ильин и многие другие. А самому Сидоренко судьбой было суждено отдать жизнь за Родину под Сталинградом...

Но испытание фронтовым огнем начнется еще через девять лет, а пока что комсомольцы Комсомольска, предвидя, что оно произойдет, но не зная, когда именно это случится, активно занимаются после работы военным делом, и вот Сидоренко докладывает с трибуны конференции:

«— Хорошо работал передвижной военно-учебный пункт. Работниками 18 ячеек Осоавиахима обучено три выпуска добровольцев. Подготовлено 145 инструкторов первоначального военного обучения, 278 стрелков перво-

го класса. Проведены комсомольские стрелковые соревнования. Обучены три взвода пулеметчиков и батальон стрелков».

Сидоренко считает необходимым особо подчеркнуть, что вся эта огромная и разнообразная работа велась комсомольским комитетом демократично, дружно и организовано. Как ни трудна была обстановка, комитет собирался регулярно: «За отчетный период состоялось 29 заседаний, из них 19 — расширенных, с участием актива. Было рассмотрено 142 вопроса. Состоялись 39 ин-структивных совещаний комсorghов».

И, завершая свой доклад, секретарь взволнованно говорит:

«— Наш отряд краснознаменной армии комсомола выполняет большевистские поручения партии. Знамя борьбы пронесем мы по всему фронту строительства и водрузим его как символ победы на бетонных корпусах амурского судостроительного гиганта и на домах нового социалистического Комсомольска...»

И тут один из авторов протоколов, догадываемся, что им мог быть все тот же Михаил Ильин, он же Михаил Горн, неутомимый репортер лесной газеты, дописал: «Бурные аплодисменты».

На другой день, 12 февраля 1933 года, на конференции с докладом о ходе строительства выступает начальник стройки Каттель. В протоколе не сохранились ни текст его доклада, ни выступления в прениях. Зато мы нашли в этой папке подлинное сокровище: записки делегатов конференции, адресованные докладчику. Какие это выразительные документы эпохи! Читая их, отчетливо представляешь себе боевой дух, царивший в организации, глубокую заинтересованность комсомольцев в делах строительства, их смелый критический подход к этим делам и, главное, несокрушимую уверенность в конечном успехе, невзирая на все тягчайшие трудности, которые все еще приходится переживать строителям.

Вот эти записки:

«Вы, тов. Каттель, говорили о том, что в строй вступит новая электростанция мощностью в 1250 киловатт. А как насчет материала для проводки, когда мы сможем приступить к электрификации бараков?»

«Можно ли перевезти сюда из Москвы мать и вообще всю мою семью? У кого можно получить разрешение? Я в настоящее время ударник и был таковым с 1 июня 1932 года. Желаю быть постоян-

ным жителем Комсомольска К сему — делегат 2-й комсомольской конференции ДПС»

«Можно ли выписать сюда семейство, чтобы здесь жить?»

«Тов. Каттелы! Как можно будет комсомольцам перевезти семьи на площадку и какое содействие в этом будет давать управление строительства?»

«Тов. Каттелы! Если, когда я поеду в отпуск и стану возвращаться, со мной захотят сюда другие комсомольцы, возможно ли будет их оформить на работу и будут ли им оплачены проездные билеты?..»

«Тов. Каттелы! Ответь, пожалуйста, пройдет ли через Комсомольск железная дорога? Макаренко».

«Тов. Каттелы! Вы ничего не сказали насчет того, будет ли у нас открыт техникум. Ребята очень этим интересуются».

«Есть ли сейчас возможность выделить определенное количество транспорта для посылки в Малмыж за рыбой, чтобы улучшить рабочее питание? Фурман».

«Будет ли оборудовано у нас звуковое кино и когда?»

«Почему мы должны тратить золото на покупку оборудования за границей, как-то: 1) краны; 2) буксиры и прессы? Прошу ответить...»

В папке с материалами второй общегородской конференции комсомола Дальпромстроя нашли в 1937 году еще один документ, который, казалось бы, не имел никакого отношения к ней, быть может, попал он туда чисто случайно. Это был рисунок, сделанный неумелой рукой самоучки. На нем изображалась корчевка тайги: один юноша валил дерево, двое других поддевали ломом корни. На заднем плане — четвертый парень глушил лопом медведя. Где-то вдаль, словно мираж мечты, на фоне восходящего солнца — трубы пока еще не существующих заводов и самолет в небе. Подпись гласила: «Рисовал Лапшин». Но было в этом неумелом наивном рисунке нечто такое, точно передающее дух времени, что мы подумали: Сидоренко правильно поступил, приложив его к своему отчету...

А комсомольская организация тем временем уже развешивала соревнование за право закладки первого камня будущего города. Вот лежит передо мной «Социалистическая путевка на право кладки первого камня», отпечатанная по всем правилам в типографии «Амурского ударника» в апреле 1933 года. Она открывается словами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и в ней сказано:

«Тебе партия и правительство доверили один из от-

ветственных участков социалистического строительства. На тебя возложена почетная задача — в глухой тайге, на окраине нашего социалистического Отечества, под руководством партии построить индустриальный гигант и дать стране новый промышленный центр Дальнего Востока.

Будь же достоин и оправдай возложенное на тебя, повышай производительность труда, снижай себестоимость, дерись за перевыполнение планов, подтягивай отстающих, дай образцы своего труда. Научи всех рабочих работать по-ударному.

Лучшие из вас, пришедшие с эстафетой к финишу с лучшими показателями, положат первый камень в фундамент нашего гиганта.

Дерись за это право!»

И далее каждый должен был записать в этой путевке свои личные обязательства.

Бригада, победившая в соревновании, получала право на закладку первого камня в фундамент промышленной стройки, право быть занесенной в полном составе в Красную книгу социалистических побед; каждому члену бригады полагалась ударная грамота героя пятилетки; бригаде причиталось получить четыре костюма, две кожаные тужурки, десять пар хромовых ботинок, по три пары белья на каждого, две путевки на курорт, два постоянных места в кино и библиотеке...

В своей повседневной работе комсомольский комитет соединял непримиримую суровость к бездельникам, лодырям и прогульщикам, с глубокой чуткостью к тем, кто нуждался в помощи. Вот красноречивые строки из еще одного документа той поры, сохранившегося у нас:

«Протокол № 4 заседания бюро комсомольской ячейки 2-го участка, 26 апреля 1933 года.

Слушали: Об игре в очко товарищей Петрушкина и Селезнева.

Постановили: Товарищам Петрушкину и Селезневу за игру в очко вынести строгий выговор с предупреждением и занесением в личное дело.

Слушали: О невыходе на работу товарищей Гончаренко, Кузнецова и Бойко.

Постановили: Товарищам Гончаренко, Кузнецову и Бойко поставить их недостойный поступок на вид.

Слушали: Заявление товарища Куца о положении его семьи.

Постановили: Просить комитет ВЛКСМ добиться материальной помощи тов. Куцу — выделить из фонда хотя бы 100 рублей (сто рублей) для помощи его семьи...»

И еще одна папка — документы и записи, оставленные в архиве Эрлихом, который в то время работал в комитете комсомола сначала культпропом, а затем секретарем, он сменил Сидоренко; в 1937 году самого Эрлиха мы в Комсомольске уже не застали, к тому времени он был переброшен на работу в какой-то другой город. Но, судя по записям, сохранившимся в папке Эрлиха, комитет и при нем работал дружно и энергично, решительно вмешиваясь в дела стройки, когда это было необходимо, — комсомольцы считали себя хозяевами на строительстве комсомольского города и в таких случаях без колебаний вступали в противоборство с администрацией, обращались в партийный комитет с настоятельными просьбами добиться того, что, по их мнению, было необходимо сделать.

Вот комсомольские документы из папки Эрлиха:

«Выписка из протокола заседания рабочей части комитета комсомола от 23 апреля 1933 года.»

С л у ш а л и:

Сообщение тов. Эрлиха об официальном отказе начальника строительства тов. Каттеля о предоставлении льгот самозакрепившимся на стройке, полагающихся им в соответствии с соглашением между постройкомом и управлением строительства, опубликованном в «Амурском ударнике» 8 октября 1932 года. Тов. Каттель считает, что это соглашение, подписанное его бывшим заместителем, «противоречит законодательству».

П о с т а н о в и л и:

1. Отметить полную необоснованность огульного отказа начальника строительства реализовать соглашение от 8 октября 1932 года, которое в абсолютном большинстве пунктов исходит из соответствующих постановлений правительства.

2. Просить партийный комитет добиться предоставления вытекающих из этого соглашения льгот самозакрепившимся на стройке, учитывая, что в результате проведенной комсомольской организацией кампании на работе закрепился основной костяк рабочих, перенесших все трудности подготовительного периода по освоению площадки. Сохранение на стройке этой основной массы квалифицированных строителей, мобилизованных Центральным Комитетом комсомольцев, отвечает интересам производства».

«Постановление пленума Комсомольского комитета о ходе борьбы за выполнение стройфинплана (август 1933 года).»

Пленум одобряет принятые меры по расстановке лучших комсомольских сил на основных ударных объектах апрельского плана (бригады Смородова, Макаренко, Стаднюка на лесозаводе, Румянцева, Бобина, Рогожина на кирпичном заводе 4-го участка, Прохорова на стройке водопровода), а также по созданию контрольных комсомольских постов на этих объектах.

Пленум утверждает тов. Хромочкина секретарем ячейки кирпичного завода № 2. Пленум предупреждает тов. Хромочкина, что

вопрос о его командировании в московскую школу снайперов будет решен положительно только в том случае, если руководимая им комсомольская ячейка добьется выполнения плана кирпичного завода.

Пленум объявляет соревнование ячеек и групп на лучшую организацию их участия в борьбе за выполнение плана. Главная задача соревнования — правильное сочетание прямого участия в ударной производственной работе с повседневной массовой воспитательной работой среди молодежи в бригадах и бараках.

Пленум еще раз подчеркивает, что подготовка квалифицированных производственных кадров ведется черепашими темпами, и поручает рабочей части комсомольского комитета добиться ускорения обучения машинистов, мотористов, экскаваторщиков, опалубщиков, арматурщиков и др.

Пленум ставит как основную задачу всей комсомольской организации завоевание комсомольскими бригадами права на закладку первых корпусов завода.

«Докладная записка о массово-производственной работе комсомольской организации за период после 2-й общегородской конференции комсомола, 25 июня 1933 года, составлена Н. Филиппенко.

89 процентов всех комсомольцев — ударники. Из молодежи только 67 процентов, это плохо. Самозакрепились на стройке — 92 процента.

Из 50 чисто комсомольских бригад не выполнили плана 7. Остальные 43 в мае дали от 100 до 180 процентов плана и выше. Бригада Смирнова выполнила задание на 184 процента. Целый ряд бригад имеет героические показатели. Наряду с этим имеются провалы. В бригаде Кулева — обезличка, комсомольцы даже не знают, кто у них группорг. Производственные совещания не проводятся. Есть прогульщики. План выполнен на 40 процентов.

За май на стройке в целом было из-за прогулов потеряно 300 человеко-дней, в том числе из молодежи — 29, из комсомольцев — 8,5 дня. С прогулами ведется беспощадная борьба. На лесозаводе прогулы уже ликвидированы полностью.

Массовая работа. Проведено шесть совещаний производственных секторов ячеек — обсуждены вопросы о хозрасчете, о соревновании, о борьбе с прогулами, о самозакреплении рабочих на стройке. Проведено совместное совещание трех ячеек — водного и гужевого транспорта и лесозавода — об организации доставки бревен и их распила на доски для баракостроения. В результате дружной работы комсомольцев всех трех ячеек после этого совещания было обеспечено успешное выполнение плана, завод дал нужные доски, и строительство барakov было вовремя закончено. Комитет комсомола шефствовал над баракостроением.

Комсомольцы ячейки гужевого транспорта мобилизовали лучших ударников на работу в качестве конюхов и пастухов. Было заготовлено сено для 1200 лошадей.

Производственное обучение. Подготовлено 216 плотников 3-го и 4-го разрядов, 167 столяров 4-го и 5-го разрядов, 90 арматурщиков 3—5 разрядов, 69 каменщиков 3—5 разрядов, 11 десятников, 25 нормировщиков, 13 машинистов, 23 электромонтера, учатся на шоферов 60 комсомольцев.

«Резолюция крайкома комсомола по отчетному докладу Эрлиха.

Комсомольская организация Дальпромстроя в чрезвычайно тяжелых условиях сумела показать пример подлинного героизма и ударной работы, особенно по раскорчевке и в походе за бревном, на основе этого заняла положение ведущего и решающего отряда на строительстве.

Остановив массовую текучесть, имевшую место в прошлом году, комсомольская организация Дальпромстроя сумела, опираясь на передовые элементы рабочей молодежи, добиться закрепления 92 процентов комсомольцев и 50 процентов всей рабочей молодежи до конца строительства завода и почти полного прекращения дезертирства (три случая в навигацию этого года).

Крайком постановляет:

Товарищей Смородова, Коробко, Озерова, как лучших ударников площадки, бригадиров комсомольских бригад, завоевавших в промышленной эстафете право заложить первый кирпич в фундамент завода, активно участвующих в работе организации, наладивших образцовые культурно-бытовые условия в своих бараках, — наградить значками ударника и грамотами крайкома.

Болонскую ячейку комсомола за организацию шефства над большими комсомольцами Дальпромстроя, выразившегося в регулярном снабжении их свежей рыбой и мясом зимой 1932 года в чрезвычайно трудных условиях передвижения, — премировать виктолой*».

В архиве сохранился и блокнот Эрлиха, в котором он делал рабочие записи. Вот некоторые из них, отражающие думы и заботы тогдашнего секретаря комсомольского комитета, который отнюдь не успокаивался на достигнутом:

«Проект постановления парткома по докладу комсомольского комитета.

Учитывая, что в апреле — мае больше половины комсомольцев будут проходить допризывную подготовку, а также обучаться в курсовой сети профтехобра и ликбеза, партком считает необходимым обратить особое внимание на качество политучебы, которая должна проводиться и по всем этим каналам. Обязать культпроп-отдел обеспечить введение политучебы в тех вечерних школах и курсах, где она до сих пор не осуществляется, обеспечив их кадрами квалифицированных пропагандистов. Предусмотреть наряду с этим массовые, доступные всем формы политического просвещения, — однодневные и трехдневные семинары по изучению важнейших решений партии, вечера вопросов и ответов, политдни. Прекратить текучесть пропагандистов. Запретить переброску на другие участки тех, кто ведет пропагандистскую работу, без ведома партийного комитета. Не позднее июня провести курсы пропагандистов с освобождением их от работы на производстве».

* Так назывались тогда патефоны.

Дальше в блокноте идут заметки, сделанные, видимо, на заседании парткома:

«Новые требования: 1. Комсомол и профсоюз. 2. Знать каждого ударника в отдельности. 3. Центр всей работы — в бригаде. 4. Партком требует, чтобы меньше было заседательной суеты. Меньше болтать и больше делать. 5. Сочетать производственную работу с политической. 6. Объяснять характер трудностей, которые переживает стройка.

Оргвопросы. Военная учеба. Учет. Членские взносы. Пишем: всем, всем, всем, — покончить с этим, обеспечить индивидуальный подход к людям».

Еще записи:

«План комсомольской страницы «Амурского ударника» к 1 Мая.

1. Канун годовщины — Ильин. 2. Комсомол на решающих участках — дать справку. 3. Культурно жить — производительно работать, — дать очерк. 4. Полетаев — стихотворение».

«Посевная кампания: а) Мобилизовать на сев 80 человек, б) Организовать самодеятельные огороды — провести для неумелых агротехническую конференцию. в) Пропагандировать это дело в газете и по радио».

«Культмассовая работа: а) 10 барачков — поставить образцово. б) Радиостудия — заняться! в) Кино. г) ТРАМ, агитбригады. д) Бытовая коммуна Листовского — поинтересоваться».

«Записи на репетиции ТРАМ: Рабочие на сцене — в пальто. Лучше — в ватниках! Смех на сцене? Освещение плохое. Исполнительно роли Бушая надо больше тревоги. Авария — показать световыми эффектами. Реплика «Экскаваторы погибают» — слабо. Массовая сцена — ребята не знают, куда себя деть. Вторая сцена — иностранец карикатурен. Третья сцена — Чурикову надо играть еще сильнее, крепче! В общем, сцена ничего. Голубой задник — часть не успели покрасить...»

И еще один любопытный документ той незабываемой эпохи, сегодня он, вероятно, звучит курьезно, но в то время его, конечно, составляли с лучшими намерениями и, что называется, от души:

«Постановление комитета комсомола.

Слушали: О проработке произведений Салтыкова-Щедрина.

Постановили: В целях ознакомления актива с лучшими произведениями классической литературы XIX века практиковать периодическую проработку их. Первое занятие произвести по произведениям гениального Салтыкова-Щедрина. В этих целях:

1. Обязать весь комитетский актив до 1 декабря прочитать, как минимум, по одному произведению Щедрина.

2. 5 декабря провести заключительную конференцию проработки материала. На конференцию привлечь широкий актив комсомольцев. Основной докладчик — Шариков».

Молодость, молодость! Как ты прекрасна и поистине великолепа со своими благими порывами даже тогда, когда ты совершаешь ошибки. Подумать только, на стройке — сложнейшая обстановка, штурм за штурмом, люди падают с ног от усталости, а люди думают о том, чтобы изучать классическое наследие русской литературы, испытывая чувство неловкости по поводу того, что многие с ним совсем не знакомы. И хотя подход к делу, предложенный комитетом, наивен и, пожалуй, в тех условиях неосуществим, но сам этот замысел говорит о многом...

Сохранилась в архиве и копия характеристики, которую выдали Эрлиху, когда он уезжал:

«Товарищ Эрлих работал на стройке с 19 июня 1932 по 15 октября 1933 года. Проявил себя как вполне выдержанный и дисциплинированный член ВЛКСМ, работал заместителем редактора «Амурского ударника» с 19 июня по 13 ноября 1932 года, культпропом комитета комсомола с 13 ноября 1932 года по 9 февраля 1933 года, секретарем комитета комсомола с февраля 1933 года. С работой вполне справлялся. Всегда отличался инициативностью, постановкой новых вопросов, был хорошим организатором»

Когда сорок с лишним лет спустя мы готовили к печати эту книгу, Сергей Шефтелевич, уже убеленный сединами, но такой же живой и неумный, каким мы запомнили его по встречам в Комсомольске-на-Амуре, помог нам разыскать Эрлиха, который сейчас, как и Сергей, живет в Москве и по-прежнему ведет активную общественную работу. Совсем недавно он ездил на строительство БАМа, чтобы посмотреть, как трудится современная молодежь, и помочь ей своими советами.

Мы попросили Эрлиха написать нам, как, по его мнению, следовало бы прокомментировать документы, повествующие о деятельности комсомольской организации Комсомольска-на-Амуре той поры, когда он ею руководил. И вот что он написал:

«Важно, чтобы молодые люди семидесятых годов, читая эту книгу, поняли, почему мы так много занимались непосредственно хозяйственными делами, зачастую выполняя работу, в сущности, совершенно несвойственную комсомолу. К этому вынуждала нас суровая действительность той поры. И то, что нынче выглядит, как

экзотика, — история сооружения первой кузницы в Пермском, лыжные походы к нанайцам, которых Лева Качаев и Сергей Шефтелевич уговаривали привезти на стройку мясо и рыбу, или мобилизация на сбор ягод и черемши в лесу, — все это специфические приметы времени.

Эта экзотика нам дорого обходилась. И издержек у нас, я уверен, было бы меньше, если бы хозяйственники той поры были более организованными, более предусмотрительными и не злоупотребляли ставкой на комсомольский энтузиазм, на частые штурмы, походы, разного рода чрезвычайные мероприятия, с помощью которых приходилось ликвидировать прорывы в выполнении плана, последствия просчетов в организации дела.

Авторы иных книг о тридцатых годах рассуждают так: да, строить приходилось дорогой ценой, но на то были объективные причины: техническое отставание, бедность ресурсов, необходимость обеспечить чрезвычайно высокие темпы при ограниченных возможностях. Все это так. Но дело было не только в этих объективных трудностях.

История Комсомольска-на-Амуре — это, конечно, прежде всего героика. Однако вместе с тем она поучительна и серьезными уроками, вытекающими из ошибок руководителей строительства. Зачастую нам приходилось «латать» своим энтузиазмом прорехи, вызванные этими ошибками, и даже героизм молодежи порой не помогал навестать упущенное.

Об этих ошибках первый руководитель нашей стройки И. А. Каттель весьма самокритично говорил с трибуны Всесоюзного совещания строителей в 1935 году. Его речь была опубликована в «Правде». Он говорил тогда, указывая на ошибки, допущенные в начале строительства, что к основным работам не следует приступать, пока не завершена подготовка к ним, пока не обеспечены тылы строительства, пока не созданы элементарные бытовые условия для рабочих, и так далее.

Забывать об этих уроках нельзя — и не только ради исторической правды, но и потому, что эти уроки полезны и для сегодняшних строителей, например, для тех, кто прокладывает сейчас в тайге Байкало-Амурскую магистраль. Конечно, условия, в которых трудятся строители БАМа, несравнимы с условиями, в которых трудились мы в 1932 году, но это вовсе не значит, что для них проблемы планомерной подготовки к строительству

и четкой организации имеют меньшее значение, нежели в наши молодые годы.

Именно потому, что наши хозяйственники тогда допускали серьезные промахи в этом важном деле, рассчитывая на то, что молодой энтузиазм комсомольцев-строителей все перекроет, нам приходилось так часто непосредственно вмешиваться в производственные дела. Но это вовсе не значит, что комсомол и партия мирились с таким положением вещей. Нет, напротив, мы всякий раз бескомпромиссно критиковали тех, по чьей вине строителям приходилось проводить штурм за штурмом и переживать тяжкие невзгоды.

В качестве подтверждения я приведу опубликованное 28 июля 1933 года в краевой газете «Тихоокеанский комсомолец» решение Далькрайкома комсомола, одобренное краевым комитетом партии:

«Крайком признает недопустимым ухудшение материально-бытовых и культурных условий мобилизованных на стройку комсомольцев — переселение из бараков в шалаши, в амбары и палатки, закрытие почти всех красных уголков, затяжка с постройкой школы, клубов, стадиона и цингатория (речь идет о лечении свирепствовавшей тогда на стройке цинги).

...Крайком признает явно ненормальным то, что до сих пор не разработаны условия для закрепившихся за стройкой рабочих, стимулирующие закрепление, больше того — огульно отменены все льготы, предусмотренные соглашением постройкома, часть из которых — предоставление дополнительных отпусков, вознаграждения за время работы по самозакреплению, преимущественное предоставление квартир — бесспорно должна быть проведена в жизнь.

...Отмечая ряд фактов явно неудовлетворительного хозяйственного руководства на стройке... крайком считает необходимым, чтобы комсомол Дальпромстроя оказал максимальную помощь парторганизации и хозяйственному руководству в перестройке методов и практики хозяйствования, начиная с бригады и кончая управлением строительства».

Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Впрочем, прибавить можно было бы многое. Подчеркну лишь, что в этой борьбе за улучшение хозяйствования мы получали неизменную поддержку и поощрение от партийного руководства».

...В делах и хлопотах подошел погожий день двенадцатого июня 1933 года, с которого ведет ныне отсчет своих юбилейных дат город Комсомольск-на-Амуре. И право на участие в закладке, как и следовало ожидать, завоевала упорной борьбой бригада нижегородца Алексея Смородова. Макаренко скрепя сердце признал себя побежденным. Он занял в соревновании второе место.

День был солнечный, жаркий. За околицей Пермского подсыхало кочковатое болото — тайга здесь уже была вырублена, и только кочки да пни напоминали об адских трудностях прошлого лета. Сопки щедро украсились оранжевыми, синими, голубыми, желтыми коврами цветов.

Свинцовый Амур все так же стремительно мчался к океану. День выдался на редкость тихим. Поодаль от берега стояли прибывшие по случаю закладки города приземистые грозные боевые корабли серо-стального цвета, и толпа ребятишек, визжа от радости, считала праздничные разноцветные флаги, вывешенные на реях. Флагов оказалось очень много, и сосчитать их было трудно. Потом оказалось, что здесь было очень много интересного и кроме флагов. Например, пушки кораблей или краснофлотцы, замершие в карауле у кормовых флагов. От любопытства сторали не только дети, но и взрослые, на обрыве собрались сотни людей.

Вскоре на палубе самого красивого корабля появилась группа людей в военных и штатских костюмах. Самым главным среди них был человек в белом кителе. Все сели в катер и помчались к берегу. Человек в белом кителе легкой походкой прошел мимо ребят, погладил кого-то по голове и стал карабкаться на крутой обрыв. За ним шли остальные. Толпы людей повалили куда-то в сторону от берега, на расчищенную от пней площадку. Там уже были вырыты огромные ямы — готовились к закладке фундаментов первых цехов.

С трибуны говорили речи. Комсомольцы плотным кольцом стояли вокруг. Смородов старался делать безразличное лицо, но это ему не удавалось: он, черт возьми, все-таки добился своего! Его бригада победила в соревновании, сегодня именно он подпишет акт закладки огромного завода в тайге. Акт будет замурован на вечные времена в фундамент заводского цеха.

Председатель сказал:

— Слово имеет командарм Особой товарищ Блюхер...

Михаил Горн, он же Ильин, хотел что-то записать в блокнот, но тут же выронил карандаш и громко зааплодировал, широко улыбаясь своим крупным, по-детски припухлым ртом.

Человек в белом кителе прищурил свои добрые глаза, подошел к барьеру. Ильину так и не удалось записать его речь: все время разглядывал командарма, о встрече с которым мечтал еще в Одессе. Но он и так отлично запомнил, о чем говорил Блюхер.

Командарм был строгим и прямым человеком. Он приехал сюда не для того, чтобы говорить комплименты комсомольцам. Очень хорошо, что строители сделали многое, они заставили тайгу отступить и теперь начинают наконец строить завод. Армия поможет строителям, но еще не все готово к развертыванию капитальных работ. На стройке до сих пор много беспорядка, лишней толчеи, неорганизованности.

Блюхер обвел глазами лица комсомольцев и спросил то, душевно спросил их:

— Ну так как же, дадите в срок завод?

И тысячи людей подняли руки, замахали фуражками и закричали:

— Дадим!..

В этот миг было забыто все: и холодные ночи в шалашах, и скудные обеды из походных кухонь, и ледяная купель в Силинском озере, и цинга, и голодная ночь на берегу в ожидании парохода, который привез вместо хлеба деревянные колеса. Сбывалось то, о чем думали, говорили, спорили, мечтали вот уже второй год. — кончался хаос, начиналась настоящая стройка. Вот здесь вырастут огромные цехи завода. А когда закончится его строительство, теперешние плотники станут токарями, землекопы — фрезеровщиками, бетонщики — инженерами-конструкторами...

— Дадим!..

Смородов кричал изо всех сил, победоносно глядя на Макаренко. Тот весело говорил ему что-то, но в общем крике разобрать его слова было невозможно, и Смородов на всякий случай согласно кивал головой. Михаил Горн хлопал по плечу Гоменюка и орал ему на ухо:

— Командарм-то у нас мировой, а? Хороший командарм...

Гоменюк улыбался и шамкал:

— Шороший...

— Черт беззубый! Скорее вставляй новые челюсти. На сорок лет моложе станешь...

Крики утихли. С трибуны читали акт о закладке завода, отпечатанный на какой-то особо плотной бумаге. Потом Смородову дали ручку и сказали:

— Подписывай!

Смородов давно готовился к этому моменту, а вот сейчас разволновался, и капли пота выступили у него на носу. Но он быстро овладел собой и четко вывел свою фамилию. Акт свернули в трубку, закрутили в металлический цилиндр и отдали командарму. Блюхер улыбнулся и легко, по-военному, прыгнул в котлован.

— Дело будет сделано! — крикнул он оттуда, подняв голову вверх, и положил первый кирпич будущего завода...

Стройка начиналась. Пусть с опозданием на год, пусть с ошибками и неудачами, но все же начиналась. Теперь никто уже не говорил о том, что завод удастся построить за полгода. Предстояли годы, долгие годы работы. Предстояли новые тяжкие испытания. В будущем Каттелю придется уйти со стройки. Придется уйти и Викторову, который явится ему на смену, а после него — и другим. Придется испытать еще немало поражений. Но город в тайге будет построен, и комсомольцы, которые в холодную майскую ночь 1932 года развели первые костры у полотняных палаток, станут его лучшими гражданами...

Снежный марш

Строительство набирало темпы. Количество строительных площадок умножалось, и чем дальше, тем острее чувствовалась нехватка рабочей силы. И вот в начале зимы 1933/34 года из Москвы пришло указание: «Срочно готовьте жилье — в Комсомольск направляются красноармейцы военно-строительных частей».

Газета «Амурский ударник» начала новую кампанию — заголовки гласили: «За ударную подготовку к встрече!», «Встретим пополнение организованно!» Бригада Николая Макаренко приняла обязательство: работать по две смены в сутки, чтобы ускорить сооружение барачков для красноармейцев. Бригада Алексея Смородова

взяла на себя такое же обязательство. Топоры на стройке стучали почти круглые сутки.

Первой в Комсомольск была направлена военностроительная бригада под командованием Малинникова, только что сформированная в Костроме. Эшелоны бригады двинулись в путь в ноябре тысяча девятьсот тридцать третьего года побатальонно.

Бойцы были молодые, только что призванные в армию. Командование решило не теряя времени начать их обучение — и строевое, и производственное — в пути, ведь переброска бригады из Костромы в Хабаровск должна была продлиться целый месяц.

Занятия проводили в теплушках, на ходу. Изучали полевой устав, разбирали и собирали винтовки, учились владеть противогазом. Военные инженеры Аксенов, Третьяков, Соломон готовили плотников, каменщиков. Политруки проводили политические беседы. Работали партийные и комсомольские ячейки. Издавались «боевые листки».

В Хабаровск эшелоны один за другим прибыли в конце декабря. Бойцов отлично экипировали: всем выдали полушубки, валенки, шлемы с шерстяными подшлемниками. Объявили: в Комсомольск придется идти пешком, по льду Амура — другой возможности добраться туда зимой нет. Поэтому все личное имущество надо либо сдать на склад, либо отправить посылкой по почте домой.

У многих были захваченные из дому деревянные деревенские расписные сундучки с нехитрыми семейными подарками. Пришлось их владельцам отправляться на почту — в почтовых отделениях выстроились длинные очереди бойцов в новехоньких полушубках и валенках.

Утром двадцать восьмого декабря бригады были построены на плацу в полном походном снаряжении: у каждого винтовка, противогаз, вещевой мешок с четырехдневным запасом продовольствия — консервы, масло, хлеб, сухари, печенье. Груз немалый — 24 килограмма, но необходимый.

Комбриг Малинников выступил с речью: впереди трудный, но очень важный поход. И вот уже прозвучала команда «Шагом марш!» и начался вошедший впоследствии в историю Комсомольска большой снежный марш. Это был поистине беспрецедентный поход — в разгаре зимы, в трескучий сорокаградусный мороз, в пургу, по

сути дела, без дорог надо было совершить бросок по торосистому льду реки, минуя коварные, не замерзшие даже в эту стужу полыньи в тех местах, где бьют теплые ключи.

Вперед — разведка. Ее участник Щелканов рассказывал нам впоследствии, что до Малмыжа удалось доехать на автомашине, но потом она попала в проталину, и разведчикам пришлось выкупаться в Амуре. Они разожгли костры и сушились возле огня. Дальше ехали на лошадях, а от стойбища Осиновка до Вознесенска даже на собаках.

Разведчики расставляли вешки, указывая путь участникам похода. Головным шел двадцать пятый батальон, за ним остальные. Вначале шли строем, по четыре человека в ряд, с песней «По долинам и по взгорьям». Потом пришлось вытянуться в цепочку, по одному. Командиры, политработники, военные врачи зорко следили за тем, чтобы никто не отстал, не заблудился, не потерялся. Замыкая батальонные колонны, заиндеветавшие кони тащили походные кухни и сани с военным имуществом.

Чем дальше, тем труднее становилось двигаться: снег по колено и выше, ледяные торосы, ураганный ветер в лицо... Для того чтобы представить себе, каким был этот тягчайший снежный марш, длившийся две недели, надо выслушать рассказы его участников, — вот они, сохранившиеся в наших рабочих тетрадях сорокалетней давности.

Рассказывает комбриг Малинников:

«Мы пришли в Комсомольск в январе тысяча девятьсот тридцать четвертого года. Марш был совершен за четырнадцать дней, включая дневки. Отрезки пути были неравномерны. Отдых личного состава бригады можно было организовать лишь в селах Малмыж, Троицкое и Вознесенское — остальные селения, поселки и стойбища, находившиеся на нашем пути, были столь незначительны, что там не удалось бы разместить и одной роты...

Поэтому в иные дни приходилось проходить по льду и снегу до 75 километров. А ведь личный состав бригады еще не прошел должной тренировки в марше даже в нормальных условиях — это были молодые люди, только что призванные в армию.

Серьезной проблемой была и организация питания бойцов в пути следования. Только исключительное вни-

мание и забота командования Особой Краснознаменной Дальневосточной армии помогли нам решить все задачи, связанные с организацией и проведением этого марша, и довести бригаду до Комсомольска-на-Амуре без потерь».

Рассказывает комсорг роты Иван Важнов:

«Я из Иванова. Меня призвали в армию осенью 1933 года. Попал в военно-строительную бригаду, которая формировалась в Костроме. Нам сказали: «Поедете на Дальний Восток». Мы обрадовались. Выехали эшеломом — 38 вагонов — 15 ноября.

В пути было соревнование на лучшую теплушку. У нас был образцовый порядок. На стенах — портреты, посреди теплушки — елка. Были у нас балалайка и гармонь. Проводили военные занятия и учились строительному делу. В Хабаровск прибыли 26 декабря.

Нам сказали: «Пойдем по льду Амура в Комсомольск». Объявили соревнование — провести марш без единого обмороженного и отставшего. Добыли сала — мазать в пути лицо и руки, чтобы не обморозиться. Перед выходом так натерли лица, что сверкали, как будто начищенные самовары.

Первый переход был не очень большой: восемнадцать — двадцать километров до Черной Речки. Но с непривычки многие устали. Надо было поднять настроение — завели песни, танцы. Малость приободрились.

На второй день после отдыха в 8 часов утра пошли дальше. Теперь предстояло пройти 33 километра. Через каждый час — привал на десять минут. Перекур! Ребята крепились. Но боец Смирнов заболел. Я и Володя Соколов вели его под руки, неся на себе его винтовку и вешевой мешок вдобавок к собственной нагрузке.

Когда шли, командиры время от времени командовали: «Осмотреть друг друга!» Если у кого-либо побелели уши или нос, тут же оттирали их снегом. Пели: «Веди же нас, Буденный, смелее в бой». Еще: «Идет страна походкою машинной. Стучат, гремят ударные станки. А если нужно — выставим щетиной свои упругие штаны».

Когда окончился переход, мы провели еще политическую работу. Выпустили стенгазету «Даешь Комсомольск!» Разобрали, какие взводы и отделения показали себя лучше, какие хуже — по дисциплине, по настроению,

по песням, по поведению на привалах. Ходили по избам крестьян — разъясняли только что вышедшее постановление о льготах для населения Дальневосточного края.

Вот так и совершался наш марш. А самый трудный переход был от Малмыжа до Вознесенска — более пятидесяти километров. Была пурга, все тропы замело. Ветер сшибал с ног, брели по колено в снегу. Вех, поставленных разведчиками, не было видно. Все очень замучились, даже боялись присесть на привале — сядешь, потом не будет сил подняться. Некоторые падали на ходу. Те, кто посильнее, поднимали их и вели под руки.

Вечером какого-то крестьянина на саях встретили. Бойцы спрашивают: «Далеко ли до деревни?» Он, чтобы ободрить нас, сказал: «Еще три километра». А на самом деле оставалось еще километров пятнадцать. А тут еще стемнело... Комбриг и политрук ушли вперед и оттуда светили ручными фонариками. Бойцы думали, что это огоньки деревни, — подтягивались.

Я вконец измучился, — ведь комсорг должен подавать пример. Все время поднимал падающих на снег бойцов, нес на себе несколько винтовок и вещевых мешков, помогая слабым. Вдруг чувствую, что у меня закружилась голова и сам падаю. Потерял на мгновение сознание. Очнулся — вижу, что на снегу уже лежит несколько человек. Политрук Титов мне шепчет: «Вставай, вставай. А то видишь — бойцы, глядя на тебя, тоже падают». Я поднялся, хотя и с трудом, и начал вместе с политруком поднимать ребят.

Наконец к полуночи мы добрались до Вознесенска, а это селение, как на беду, — на горке. Еле-еле мы на нее взобрались. Тут нас местные жители очень хорошо встретили — обогрели, накормили и даже нам дали свои подарки — мне досталось полотенце с вышивкой. В Вознесенске мы отдохнули. Выпустили второй номер стенгазеты. Устроили вместе с жителями селения концерт самодеятельности. Отметили лучших участников перехода.

Потом пошли дальше...

В Комсомольск наш батальон прибыл первым — 12 января. Здесь нас встретили комсомольцы-первостроители с музыкой. Нашему батальону вручили красное знамя. Я был награжден золотыми часами с надписью: «Передовику ледяного перехода т. Важнову от Народного комиссариата тяжелой промышленности».

Четыре дня спустя, после отдыха, мы пошли работать на стройку электростанции».

Рассказывает Василий Титов, политрук роты (27-й батальон):

«Да, Важнов хорошо показал себя в этом ледяном переходе. У него и сейчас большой авторитет среди комсомольцев.

Действительно, поход наш был очень трудным. Я и теперь поражаюсь, как, несмотря на эти труднейшие условия, мы смогли довести всех бойцов до Комсомольска, без всяких потерь.

К тому, что рассказал Важнов, мне хочется добавить еще вот что. Во время дневок в селах мы не просто отдыхали, а старались еще и помочь чем-то местным жителям. В Зеленом Гае — это примерно в ста—ста пятидесяти километрах от Хабаровска вниз по течению Амура — мы решили помочь вдовам красных партизан — участников гражданской войны заготовить дрова и доставить сено, лежавшее в стогах на занесенном снегом лугу. Наша рота вся в этом деле участвовала.

В селе Троицком, где тоже была дневка, мы сплели плетни — огородили крестьянские огороды. Устроили для населения концерт самодеятельности.

И так — в каждом селе.

Наша рота, которая шла в голове колонны направляющей, выделялась своей дисциплиной и организованностью — ею командовал опытный командир Синицын, участник мировой и гражданской войн. Ему было уже 44 года, но он сам всю дорогу шел пешком и ни разу не присел на сани, показывая пример бойцам».

Рассказывает боец Рогачев:

«Был среди нас комсомолец Травников — паренек крохотного роста. Как все, он тащил на себе винтовку и тяжелый вещевой мешок. Трудно ему было, и, не доходя до Вятска, он отстал от своей роты. Вижу я — он еле-еле перебирает ногами. Говорю ему: «Дай мне твою винтовку, я ее понесу». А он, — так гордо: «Не дам!» — «Дай!» — «Сказал, не дам!»

Пошли мы рядом. Полезли на крутой берег. Пыхтит Травников, но не позволяет мне помочь ему. Только когда вскарабкался наверх, положил винтовку и вещевой мешок на снег. И крикнул: «Победа за мной!»

Вот так вел себя каждый из нас — никто не хотел признаться, что ему тяжело. Я сам на одном переходе приболел, но виду не подавал. Наш командир Говядинкин подошел, спрашивает: «Что с тобой?» — «Ничего», — говорю, а сам с опаской думаю: «Как бы он не усадил меня на сани». На сани сажали самых слабых, а слабых не хотел показывать себя никто.

Тут черт дернул меня сказать тому самому малышу, Травникову, что мне нездоровится. А тот — возьми и скажи Говядинкину: «Рогачев болен». Говядинкин подходит ко мне и говорит: «Немедленно садись в сани!» — «Я и так дойду». — «Нет, приказываю тебе сесть в сани».

Пришлось сесть. Но как только командир с политруком отошли, я поскорее спрыгнул с саней, вернулся в свой взвод и пошел с ребятами».

Рассказывает боец Петр Козарез (28-й батальон), шофер по специальности:

«Я родом из Первомайска, с Украины. В детстве был беспризорником, мыкался по белу свету. Все перевидал, помню даже, как банды в наших краях хозяйничали. Меня, между прочим, чуть было не зарезали — я картавил, и бандиты приняли меня за еврея.

Когда гражданская война кончилась, кочевал с такими же, как я, мальчишками, зарабатывал на пропитание торговлей газетами. Потом как-то обратил на меня внимание комсомол, оторвал от блатных ребятшек. В 1929 году я сам стал комсомольцем и начал работать на шахте «№ 9-Капитальная» Буденновского рудоуправления — был там и коногоном, и слесарем.

Поработал два года под землей — перебрался в Москву, работал там на трикотажной фабрике. А в 1933 году меня взяли в армию, и вот попал я в строительную бригаду. Стал я секретарем комсомольской организации роты в 28-м батальоне.

И вот приехали мы в Хабаровск и пошли снежным маршем по Амуру в Комсомольск. Тут было всякое — и трудное, и радостное. В поход идти никто не боялся, все были в хорошем настроении, но, по правде сказать, когда начался марш, мы себе еще не представляли, каким трудным он будет.

Помню, на первом же переходе, с непривычки, упал в обморок боец Михаил Баберцев. Этого от него никто не ожидал — на вид Баберцев был очень здоровым. Я

натер ему лицо снегом, привел в чувство, — пошли дальше. Падали и другие. Были и такие случаи: идет-идет молодой боец и вдруг заплачет. Это значит, что ему стало невыносимо трудно.

Когда добирались до села, где назначалась дневка, многие, войдя в избу, сразу же ложились на пол и, не раздеваясь, засыпали. А ведь их надо было до сна накормить — иначе человек слабеет.

Что же я делал? Брал на походной кухне котелок с горячими щами, приносил его в избу, ставил на пол и будил ребят. Дам бойцу ложки две щей, он разохотится на еду, а я ему говорю: «Вставай, иди на кухню за ужином». И бужу другого. Вот так и обеспечивал кормление людей.

Мне тоже трудно было. Надо вам сказать, что когда я работал на шахте, у меня была порушена одна нога — был обвал, и меня засыпало. С тех пор она у меня малость волочится, и идти мне из-за этого было нелегко. Но что поделаешь, я ведь был секретарем комсомольской организации, и надо было показывать пример.

Между прочим, поход наш был с точки зрения интереса выдающимся. Я в первый раз в жизни видел такую могучую, хоть и замерзшую, реку, такие сопки, такие селения. Особенно любопытны были наши ночевки в панайских селах. Меня удивило: сидит бабушка, курит трубку и дает покурить мальчишке. В фанзе — нары, сильно пахнет рыбой. Там же я в первый раз в жизни увидел, как люди на собаках ездят.

В общем, было много интересного и удивительного на этом пути. Многое так поражало, что мы и о нашей смертельной усталости забывали. И как ни трудно было, до Комсомольска мы все же дошли благополучно, без потерь.

А я получил премию. От имени Народного комиссариата тяжелой промышленности мне вручили именную папиросницу и двести пятьдесят рублей денег...»

Павел Козарез рассказывал нам о том, как он и его приятель Витька Куртов — оба они по специальности шоферы — назавтра же после прихода в Комсомольск начали хлопотать о машине для работы.

— Закончился поход, надо начинать работу. Шофер, понятно, интересуется — хорошую машину себе отхватить. Пошли в гараж. Заведующий показывает на ка-

кую-то снежную гору на улице и говорит: «А, здравствуйте, очень приятно, что вы шоферы. Вот откапывайте тут себе машину и будете ездить». Оказывается, под этим сугробом грузовик! Мы его полдня откапывали. Видим — шасси новое, мотор и кузов — ничего себе, а в радиаторе какой-то кол торчит — кто-то аварию сделал. Начали ремонтировать сами — больше некому. И начали на этой машине ездить. Получили премию...

Несколько тысяч бойцов и командиров из военностроительных частей явились солидным пополнением для Комсомольска. Темпы работы на стройках ускорились. Военные строители выделялись своей дисциплиной, организованностью, сплоченностью. Начинался самый ответственный этап строительства — сооружение заводских корпусов.

А еще несколько месяцев спустя в Комсомольск начала прибывать новая волна комсомольского пополнения: 27 июля 1934 года по просьбе Народного комиссариата тяжелой промышленности ЦК ВЛКСМ объявил новую мобилизацию добровольцев для работы на Дальпромстрое. Постановление это гласило:

«1. Провести на основе добровольности мобилизацию трех тысяч комсомольцев рабочими на строительную площадку Дальпромстроя (Комсомольск)... Ответственность за выполнение разверстки возложить на вторых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК национальных республик, предупредив их о безоговорочном выполнении ее в установленный срок.

2. Принять к сведению заявление тов. Рыжих (начальник Московской конторы Дальпромстроя) о том, что с каждым мобилизованным заключается индивидуальный договор, по которому хозяйственные организации предоставляют ему бесплатный проезд по железной дороге, суточные в размере 250 рублей, подъемные в сумме 300 рублей, провоз багажа за счет Дальпромстроя в размере 200 килограммов, стоимость проезда от станции Хабаровск до места назначения.

По прибытии на место каждый мобилизованный обеспечивается жилплощадью в общежитии, койкой, матрацем, простыней, подушкой, наволочкой, валеными сапогами. В пути Дальпромстрой обеспечивает за счет мобилизованных получение обедов по удешевленной цене (1 рубль 20 копеек)...

...Как видите, читатель, новому комсомольскому полному летом 1934 года предоставлялись уже иные условия, нежели те, в какие попали в мае 1932 года первостроители — им предстояло жить уже не в палатках и не в шалашах, а в общежитиях, построенных руками Смородова, Макаренко и их друзей; им были обещаны койки, матрацы и даже простыни и подушки с наволочками, не говоря уже о дешевых обедах.

Самое трудное оставалось позади. Впереди было неоглятное море новых забот, новых проблем, новых, еще не решенных задач. Но основа нового индустриального центра на Дальнем Востоке уже была заложена. Город начался!

Возмужание

И вот прошло еще три года, и мы встречаемся с возмужавшими, окрепшими людьми, которые вспоминают 1933 год, как вспоминают годы отрочества. Эти люди скромны. Они не любят распространяться о прошедшем. Что говорить о нем? Каждый предпочитает сказать о своих планах на завтра!.. Но иногда, под конец такой беседы, вдруг возникает пауза. Одна из тех длительных пауз, какие замыкают долгую беседу старых друзей. Кажется, уже сказано все. Уже иссякает разговор. Но вот сейчас кто-то бросит смешную реплику, понятную только им, друзьям: «Максун-то опять жиреет», кто-то подскажет пустяковую деталь: «А помнишь, как...» И действительно, вспоминается что-то задушевное, и вот тогда сразу разгорится беседа о горячих днях минувшей поры. В такую минуту ребята могут начать сначала длиннейший разговор о пережитом, и слушателю никогда не станет скучно...

Как-то раз мы сидели в гостях у Зангиева. Ровный, мягкий свет большой люстры падал на стол, застланный белой скатертью. За окнами давно сгустились фиолетовые сумерки. Беседа шла к концу. Андрей Гоменюк задумчиво обвел взором просторную столовую Кости, точно увидел ее впервые, и медленно заговорил, поблескивая золотыми зубами:

— И вот как будто бы ничего этого и не было. Как будто бы всегда был тут город. А вспомнишь, и чудно станет. Неужели это я забивал здесь первую сваю?..

Ребята засмеялись и начали прощаться, собираясь разойтись по домам. Но тут из угла подал реплику хозяин:

— Паша! А вот я тебе сейчас загадаю загадку. Посмотри, кто это такой?

Костя порылся в своем бумажнике и вытащил оттуда две потрепанные, блеклые фотографии.

— Вот. Помнишь, Паша?

На одном из снимков был изображен похудевший бородатый мужик в тюбетейке и мятой грубой рубахе. При известном воображении можно было уловить сходство с Костей. Вторая фотография изображала еще более старого человека. Длинные, давно не стриженные волосы были кое-как расчесаны на прямой пробор. Нелепо топорщились усы. Под морщинистым лбом спрятались усталые, глубоко запавшие глаза. Кто это?.. Сидевший рядом с нами Швец вдруг усмехнулся:

— Костя! Неужели сберег? Ведь это....

Зангиев отмахнулся. Он настойчиво повторял: — Кто это? Ты надпись прочти на обороте, надписи!

Надпись действительно была интересна:

«Костя! Это изуродованное лицо дарю тебе, чтобы оно будило у тебя воспоминание о далекой глухой тайге, о совместной жизни в ней и о радостях и неприятностях, которые мы переживали вместе. Живя в культурном центре, не забывай этот дикий, но красивый уголок, где я живу. Швец. 20 августа 1932 года».

Костя любовно погладил старенькую фотографию:

— Это он подарил, когда меня в крайком забрали. Думали, что это выдвижение. А мне оно не по нутру. Ныл, ныл: отпустите обратно. И отпустили. И вот...

Швец, улыбаясь, прервал:

— Ладно, ладно! Знаем: была тайга, стал город. Были оборванцы, стали красавцы. Жили в шалашах — живем в хороших домах. Ничего в этом особенного нет.

Лева Качаев качнул головой:

— Нет, Паша. Хоть ты и секретарь, а сейчас чепуху говоришь. Как это так — ничего особенного? Нам тут, конечно, себя не видеть. А вот ты спроси дезертиров...

— Кого, кого?

— Дезертиров, говорю. Тех, что от нас бежали...

Паша Швец недоуменно пожал плечами. Лева продолжал, лукаво улыбаясь:

— Они же в стороне стояли пять лет, им виднее. Вот

Макаренко недавно в Киев ездил. Ты знаешь, что он рассказывал?

Да, изредка комсомольчане ездят в отпуск на родину. Их встречают дома как прибывших на побывку с фронта. Их чествуют, им завидуют, о них пишут в газетах. И вот Макаренко встречает бывших друзей — Морослина и Соколова. Когда-то они бежали из Комсомольска. Макаренко снисходительно беседует с ними: «Что, видите? А вы говорили...»

Бывшие друзья виновато опускают глаза. Они готовы сторечь со стыда. Макаренко за эти годы стал большим человеком: у него квалификация, слава, положение в обществе. А чего добились Морослип с Соколовым? Они пять лет блуждали по стройкам, отыскивая легкие хлеба. Их всюду ругали: летуны, дезертиры. И вот теперь...

— Нельзя ли вернуться в Комсомольск?..

Смородов, слушая Леву, кивает головой. Лева знает, в чем дело, и мимоходом бросает:

— Кстати, Алексей, что пишет твой братишка?..

Мы вспоминаем историю братьев. Они приехали сюда на стройку вдвоем. Вдвоем сплавляли лес по холодной Силинке. Вдвоем рисковали жизнью, разбирая по бревнышку заломы. Потом Никандра сманили дезертиры. Они запугали его: все погибнут здесь, спаси хоть ты свою жизнь! Никандр поддался на удочку и уехал домой.

Проходит пять лет. Слово «дезертир» жжет, как клеймо. Никандр краснеет до ушей, когда читает в газетах: Алексей Смородов, его брат, — герой стройки. А разве не мог Никандр стать героем? Как же оправдаться, как доказать, что все это было случайно, нелепо, неправильно? Никандр идет в аэроклуб: «Хочу быть летчиком — здоровье у меня железное». Его принимают. Он поднимается в воздух, и на сердце у него становится легче: ему поверят, он вовсе не трус! О нем еще узнают когда-нибудь. Теперь он пишет Алексею веселые письма...

Когда-то о дезертирах говорили с руганью. Сейчас их имена вспоминают иронически: они наказали самих себя. А стройка — что ж? Стройка очистилась от мусора. Остались самые сильные, самые умелые. Эти уж ни за что не уйдут отсюда! Работы им хватит на долгие годы.

Когда-то комсомольцев пугали: куда вы едете? Вы будете жить в казарме, вы потеряете свою специальность, мобилизация вас обезличит, и вы все будете делать одно и то же — какое-нибудь нудное, простенькое, утомительное дело...

Что ж, первое время оно так и было. Иначе, пожалуй, и не могло быть по тем временам. Комсомол собрал воедино всех их, таких разных и не похожих друг на друга, и послал в лес. И все они действительно делали одно и то же. Фрезеровщики, землекопы, бухгалтеры, кондитеры, лаборанты корчевали деревья, копали канавы, строили шалаши. Уклонение от этой однообразной работы рассматривалось как совершенно недопустимая вольность, и парикмахеру Арбакальянцу из Армавира, который купил у колхозника зеркало и попытался устроить в шалаше парикмахерскую, попало, как дезертиру стройки.

Многих пугали такие строгие порядки, и они злились. Они не могли понять, что, прежде чем открывать парикмахерскую и устраивать лаборатории, надо в этой тайге построить город, построить дома, в которых можно будет жить и работать.

Через год тайгу выкорчевали и построили бараки. И тогда бухгалтеры стали бухгалтерами, фрезеровщики фрезеровщиками, лаборанты лаборантами. Арбакальянец сейчас славится как лучший парикмахер города. Лева Качаев давно уже вернулся к своей специальности — он техник управления капитального строительства. Кусков освобожден от работы на производстве — он кончает рабфак.

Те, у кого хватило терпения и упорства корчевать тайгу, были вознаграждены с лихвой. Коллектив не убивал их индивидуальности, нет, в коллективе они сдружились и взаимно обогатили друг друга. У них стало больше знаний, опыта, выдержки. И они уверенно идут теперь каждый своей дорогой.

Плотники по-прежнему нужны городу, в городе их не хватает. Но городу сейчас нужны не только плотники. И тот, кто вначале был плотником, не по призванию, а «в порядке мобилизации», тот сейчас находит свое место. И люди выдвигаются, растут чертовски быстро...

— Да что там говорить, вы Закевича спросите, кто он есть такой, — говорит с места Костя. — Что же ты молчишь там, Карл?

Скромный светловолосый парень в углу улыбается, щуря хитрые глаза. До сих пор он не проронил ни слова. Оказывается, это уважаемый человек города, Карл Закевич, заместитель прокурора. Он руководит четырьмя следователями, наблюдает за городской милицией. Учится советскому праву и учит молодых работников.

Пять лет тому назад он был учеником печника и жил в шалаше. Днем клал трубы в бараках, вечером шел в политкружок, читал лекции о том, какой будет жизнь при коммунизме. Через год Карла Закевича послали в прокуратуру техническим секретарем. Потом его сделали помощником следователя. Он стал изучать психологию людей, учился по одной улке находить след преступника.

Ему сообщили, что из сберкассы похищено четыре с половиной тысячи рублей. Кассир волновался и кричал, что все кончено: его честная, незапятнанная ничем служебная репутация погублена навеки, ему очень больно все это. Двадцатитрехлетний помощник городского прокурора сочувственно поглядел на кассира своими быстрыми, немного ироническими глазами. Он успокаивал его: воры будут найдены! Когда кассир ушел, Закевич приказал проверить личный бюджет пострадавшего кассира: по средствам ли жил бедняга? Кроме того, он проверил взломанный несгораемый шкаф. Вор, оказывается, вел себя очень странно: он почему-то распечатал пачку мелких кредиток, а крупные купюры, лежавшие в глубине, не тронул. Не проще ли было взять крупные деньги?..

Через несколько дней помощник прокурора вызвал пострадавшего кассира, усадил его на стул и сказал: «Мы все знаем. За эти три месяца вы получили столько-то рублей зарплаты, а израсходовали на четыре тысячи больше. Скажите честно, почему вы так мало взяли из кассы?»

Кассир побледнел и признался: за большую кражу могли бы расстрелять, а маленькая не так заметна. Кассира посадили в тюрьму. Помощник прокурора перешел к новым делам. Он искал убийц, уличал растратчиков, преследовал злостных головотяпов, чистил основанный им молодой город от всякой швали...

Винокур пошел другой дорогой. Он также корчевал тайгу. Но потом в Комсомольск привезли автомобили. Винокур сказал: я умею править. Ему доверили машину.

Он совершал головокружные рейсы по тающему льду в Хабаровск, доставлял стройке горючее. Его грузовик мчался быстро, обгоняя автоколонны. За это машину Винокура прозвали экспрессом. Но Винокуру казалось, что грузовик ползет невыносимо медленно. Он мечтал о больших скоростях. И вот осенью 1937 года шофер Винокур поднимается со льда Амура на самолете. Он идет в первый самостоятельный полет. Под ним лежит тайга, видны цехи новых гигантских заводов, улицы города. Когда-то его автомобиль застревал в болоте, которое тысячи лет гнило здесь, где теперь лежит промышленная площадка. Сейчас Винокур за шесть минут облетает огромный круг, по которому ему раньше пришлось бы колесить целый день.

А Михаил Горн, он же Ильин, — фельетонист и бывший котельщик — теперь уже стал секретарем редакции газеты. Редакция и типография пока что помещаются в старом дряхлом бараке, но газета уже набирается на линотипе, собственная цинкография делает клише, и Михаил Горн с гордостью рассказывает о том, что в городе уже запроектирован Дом печати.

Вот так они и росли, эти хорошие ребята. За эти годы они возмужали. Весной 1932 года это были безусые юноши, мальчишки. Сейчас они ходят вразвалку, степенной походкой. У них широкие плечи и мужественные лица. Им двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь лет, и они считают себя самыми старыми людьми в городе.

Иногда им дают путевки на курорт. Подчиняясь указаниям врачей, они едут за много тысяч километров, к берегам южного моря. Сначала с любопытством рассматривают полузабытые кипарисы, пальмы, плещутся в теплой морской воде, — когда-то они любили это море. Потом им вдруг становится скучно. Они идут на телеграф и молниютуют в Комсомольск: «Выздоровел тчк Разрешите вернуться досрочно».

Молодой инженер Николай Гаврин, пять лет тому назад приехавший на стройку из Москвы, где он учился в строительном институте, рассказал нам о том, как в 1934 году ездил в отпуск и что из этого получилось. Этот рассказ выглядит необычайно интересно, и мы позволим себе привести его здесь целиком.

— Это было в 1934 году. Тридцать четвертый на

стройке — это уже не тридцать второй, это небо и земля, если их сравнить. Кое-какой порядок уже навели. Весной по льду из Хабаровска пришло еще десять тысяч комсомольцев. Одним словом, стройка начинала жить. И вот в самый разгар работы меня вызывает врач и говорит: «Молодой человек! Ваше лицо мне не нравится. Уезжайте немедленно на родину и живите там три месяца. Иначе тайга вас съест...» Сказать по правде, я действительно чувствовал себя неважно: малярия и все такое прочее. Но как уезжать со стройки в такой момент? Отказался наотрез. Однако и у доктора нашего характер настоящий. Коса на камни! Я в комитет комсомола — он в партком; я в райком комсомола — он в райком партии! Точка! Приказано в порядке дисциплины уезжать.

Пошел в контору — дают мне зарплату, отпускные за три года. Считал, считал кассир — как назло, все мелкие кредитки, — сунул мне огромный узел: «Проверьте, здесь семь тысяч». Я обалдел: куда мне с этим узлом податься? А в Комсомольске в то время торговли еще не было. Купить что-нибудь невозможно. Пароход «Карл Маркс» уходит через час — последний в эту навигацию. Иду я в своем ватнике, в штанах, перепачканных смолой, тащу свой узел и чувствую себя самым несчастным человеком в мире.

Приехал в Хабаровск, сел в поезд, бросил узел на полку, лег и почти не вставал до самой Москвы. Только на остановках выскакивал из вагона и бежал к продуктовым палаткам. После двух лет, проведенных на пайке, все очень чудно казалось: продают все, что хочешь, и карточек не спрашивают.

Проходит десять суток. Будит меня проводник, смотрит на меня подозрительными глазами и спрашивает: — Гражданин, это ваше?

Рядом с проводником уже стрелок железнодорожной охраны стоит. А узел мой порвался, и из него кредитки торчат. Пришлось документы доставать, доказывать, что я не жулик. Поверили, но с трудом.

И вот выхожу я на перрон московского вокзала. За три года отвык от столичного шума. Изменилась Москва неимоверно! Держу проклятый узел, а он все не худеет, и глазею по сторонам. Кое-как разобрался, вспомнил, что в Сокольниках живет сестра. К ней бы поехать, но время позднее — полночь. Тревожить неудобно.

Подался в гостиницу, говорят: занято. И опять косятся на мой костюм и на узел. Пошел в ресторан — не пускают: Озлился, нанял извозчика, дал ему сотню и говорю: «Вози до утра». Так и проспал в фэтоне всю ночь. Утром пошел в универмаг, оделся с головы до ног, разменял свои деньги на крупные билеты, приезжаю к сестре франтом.

Живу в столице неделю, две, три. Хожу по театрам, по музеям. И так мне вдруг тошно стало: я здесь вольготно живу, развлекаюсь, а ребята с тайгой воюют...

Чтобы рассеяться, уезжаю под Рязань в деревню, где родители живут. Захожу домой щеголем. Вижу, мать на меня с удивлением смотрит. Я с подходцем:

— Анна Яковлевна здесь живет?

— А вы кто будете?

— Я, — говорю, — до сих пор числился Николаем Матвеевичем Гавриным...

Ну тут, конечно, слезы, поцелуи, все такое прочее. Меня, понятно, уже давно заочно похоронили, и тому подобное.

Пожил я здесь дней восемь: Все хорошо, все замечательно, но... опять мне становится нудно. Иду в райком комсомола: Так и так, здравствуйте, нет ли у вас какой-нибудь общественной работенки?

Посылают меня обследовать один колхоз, вскрывается там куча безобразий, все руководство приходится снять и навести порядок.

Кончил все это, возвращаюсь домой! Что за чёрт! Опять тоска нападает. Иду к матери, обнимаю ее, говорю:

— За пирожки, за ласку земной поклон, а жить я здесь больше не могу. До свиданья, уезжаю в Среднюю Азию, там у меня в Самарканде один друг живет...

Поплакала мать, собрала меня в дорогу. Еду в Среднюю Азию. Приезжаю в Ката-Курган, это за Самаркандом, встречаю друга, он там киномехаником работает. Погуляли на радостях, рассказали друг другу сотню медких былей и небылиц. И что же вы думаете? Опять я себе места не нахожу! Прямо сдыхаю от тоски. Показывали в кино «Чапаева». Ходил я его смотреть пять дней подряд. Потом надоело и это. Пошел на базар, купил ящик мандаринов, мешок орехов, принес другу:

— Прости за беспокойство, но я такой чудной чело-

век — нет мне места на этой земле. Возьми за беспокойство эти штучки, а я обратно поеду...

Приехал опять в Москву. Живу пять дней, десять. Каждый день хожу в Большой театр, три раза подряд слушая «Пиковую даму», других билетов достать не удавалось. И вот встречаю здесь знакомую девушку, вместе в техникуме учились. Слово за слово — мы и раньше друг к другу неплохо относились, а на этот раз оба поняли: расставаться было бы очень глупо.

Стало немного интереснее жить. Но вот чертовщина: как заснешь, так обязательно Амур снится, сопки, тайга. Дошел я до чертиков, готов на стенку лезть. Видит подруга — плохи мои дела, и говорит:

— Послушай, все равно тебе здесь легче не станет. Я все продумала. Давай уедем вдвоем в Комсомольск...

Вот тут я понял, что нашел действительно верного друга жизни. Схватил ее, обнял и тут же, как был, без пальто и шапки, умчался на городскую станцию за билетами.

И что же вы думаете? Приехали мы в Комсомольск, а тогда еще железной дороги от Хабаровска не было и добираться приходилось с превеликими трудностями по льду на грузовике, приехали мы сюда, и все мои болезни как рукой сняло. Живем, работаем, и так счастливы, будто все это в романе, а не на самом деле...

Одним из самых бурных учреждений Комсомольска в ту пору стала почта. В этом мы убедились, отправившись туда в один из вечеров. В маленькой комнате толпился народ. Слали спешные, писали телеграммы, отправляли переводы...

Тут же встретили мы и старого своего знакомого Макаренко — теперь он стал, как мы уже упоминали в начале своей хроники, комсоргом этого учреждения. Макаренко собирался уходить домой, но письмоноscopy задерживали его, нагружая карманы своего комсорга:

— Коля! Возьми это Гоменюку, а вот это отдашь Сидоренко. Еще прихвати для Смородова. Тут и Лёва Качаеву два из Ленинграда...

— В почтальона превращаюсь, — смеялся, подмигивая нам, Макаренко. — Освобожденного комсорга загружают производством. Надо вот Минкину пойти пожаловаться.

Письмоносцы расходились, унося толстые, туго набитые сумки. Мы поинтересовались, почему так досталось сегодня Макаренко.

— А вы знаете, сколько писем приходит в Комсомольск? Пожалуй, у нас в Советском Союзе нет ни одного такого города, как наш. Тут почти приходится вот так туго. В день мы получаем около трех тысяч писем и примерно полторы тысячи телеграмм. Ну, конечно, на каждое письмо ответить надо. Вот и получается перегрузка...

Почему же так обильна почта Комсомольска? Адреса в той пачке писем, которую всучили Макаренко, были нам хорошо знакомы. Почта предназначалась «старикам». Письма шли от друзей.

Их письма из самых различных мест — кто с курорта, кто из армии, кто с учебы.

— Помните наш разговор в «доме старых комсомольцев»? — спросил Макаренко. — Насчет дружбы разговор? Вот в этом-то все дело и заключается...

В самом деле, в Комсомольске тридцатых годов дружили особенно крепко. Ребята тут знали настоящую цену товариществу. Оно помогало им быть бодрее в трудные годы нужды и бытовых невзгод. Оно удерживало слабых от необдуманных решений. Пример товарищей подымал мужество, заставлял глядеть в будущее сквозь самые тяжелые, казалось, безотрадные дни и верить в это будущее.

Комсомольск строила огромная семья друзей. Они жили общими радостями и честно делили общие горести. И вот город — явь, он живет! Ему нужны инженеры, техники, медперсонал, учителя... Многие ребята уехали учиться. В далекий Ленинград увез поезд Антошу Яременко, поступившего в судостроительный институт. Краснофлотцем в Советской Гавани стал Федоров. Шibaев и Еремин на другой новостройке — Колыме. Они пришли с северо-востока, из города Магадана.

Эти ребята не могут забыть Комсомольска. Их продолжают волновать новости и успехи города. Их тревожат события в семьях друзей-комсомольчан. Хочется знать, как там, что делается, остался ли Смородов лучшим стахановцем, перейдя со стройки на верфь, которую он построил, кого избрали в заводской комитет, кто из ребят женился, как подвигается дальнейшее строительство заводов.

Расспрашивая об успехах друзей, они и сами отчитывались перед ними. Они чувствовали какую-то особую ответственность за свои дни, труды, желания. Многие отчитывались кропотливо, точно, писали целые перечни полученных на зачетах баллов, сообщали проценты производственных показателей, отзывы командиров... Будто далекий товарищ, старый друг из Комсомольска, мог не поверить, усомниться, потребовать доказательства.

Но Коля Макаренко рассказывал нам еще об одном интересном явлении:

— Понимаете, приходят к нам письма без адреса. Пишут совсем незнакомые люди. Адрес такой: «Жителю города Комсомольска», и тут же тьма вопросов от этого отправителя...

Такие письма несли обычно в горком комсомола. С каждым днем этой почты становилось все больше. Иногда письма начинались так: «Хотя я с вами не знаком, но простите, в нашей стране такой обычай, что все являются друзьями, а потому вашему комсомольскому коллективу города я решил написать письмо. Прошу мне сообщить очень подробно, как живет и работает молодежь юного города. Весной я тоже к вам приеду... Комсомольский салют! Приемщик литья *Саша Андреев* из города Калинина».

Комсомольск, героически создававшийся город, тянул к себе молодежь всей страны. Кто только не просился сюда! Кончающие школу. Выпускники вузов. Молодые шоферы. Педагоги. Врачи. Машинистки. Портнихи. Начинающие актеры. Опытные токари. Счетоводы. Письмоносцы... Из краевого комитета комсомола, из Хабаровска звонили в горком Комсомольска Исааку Минкину:

— Сегодня у нас полторы тысячи писем! Девушки хотят ехать к вам, Исаак. Сообщите заявки заводов, школ, больниц...

После опубликования в «Комсомольской правде» письма жены майора Вали Хетагуровой, призвавшей девушек ехать сюда, на Дальний Восток, такая почта шла непрерывно. Молодежь атаковала по всем адресам — запрашивала Хабаровск, писала в Комсомольск, справлялась в московском отделении Дальпромстроя.

— Вы знаете, — сказал нам Макаренко, — недавно получаю телеграмму. Что такое? «Первичной организации телеграфа города Комсомольска. Хотим ехать на

Дальний Восток. Специальность — телеграфистки». Уже до первичной организации добрались! Ну мы, конечно, тут же договорились, ответили им: приезжайте, работа будет.

Письма шли тысячами. Их уже не успевали разбирать в общем отделе крайкома. Быстро создали специальное бюро. Призвали на помощь добровольцев — знатоков обширной всесоюзной географии. Хабаровские комсомольцы раскладывали письма пачками — по краям и областям. Уполномоченные бегали, собирали заявки на прием добровольцев от флота, трестов, заводов, армии, фабрик, школ, клубов, редакций...

Начинался огромный, многотысячный молодежный поход на Восток. Ехала вторая смена комсомола. Не мобилизованные, нет, по своей охоте, желанию, мечте. Они сами просились на Дальний Восток, в Комсомольск. Они сами писали горячие, убедительные письма.

Издавелека, заочно они становились друзьями комсомольского города. Старались завязать переписку с его жителями. Подружиться с ребятами, которые корчевали здесь тайгу, расчищая место для города. Ловили каждую газетную строчку о городе. Помнили имена его строителей. Знали их производственные рекорды.

Вот некоторые из тысяч этих писем.

«Брусчатка. Дом старых комсомольцев. Андрею Гоменюку и его бригаде.

Здравствуйте, ребята. Решил написать вам. Думаю, что все мои друзья на стройке мне ответят. Неужели же вы так быстро забыли меня? Поверьте, что когда мы встретимся опять, я так вас проберу, что придется здорово покраснеть. Сегодня закончил сдачу зачетов по математике и политэкономии. Пришлось туго. Принимали зачет профессора. Здорово приперли меня к стенке. Но я все же сдал, кажется, неплохо. Вообще завалов на этот семестр не имею. Получил четыре «хорошо», одно «отлично» и четыре «удовлетворительно». Поработать пришлось много. Скажу одно: спать ложусь в два часа ночи, встаю в семь утра, — так вот уже четыре месяца. Здорово похудел. Но это пустяки. По существу я только вошел в курс учебы и в следующем семестре буду браться за первенство в своей группе. Ведь я из двухсот сорока экзаменующихся в институт имел самую плохую подготовку. При поступлении у меня были неуды по математике, физике, химии. А сейчас уже многих обогнал.

Ребята! Будем держать постоянную связь, а то, когда свои не пишут, получается мутная картина судьбы. Ожидаю от вас большого-большого письма. Интересно, как прошла перевыборная кампания, кто из старых ребят ушел на комсомольскую работу, кто теперь в комитете и горкоме. Расскажите мне все подробно, что у вас делается. Что слышно на стройке, кто начал учиться?

Прошу вас, ребята, учиться, а то без учебы как-то совестно жить становится. Привет всем ребятам.

Антон.

Мой адрес: Ленинград, улица 3 Июля, дом 53, комната 68, Яременко».

ТЕЛЕГРАММА

«Из Красного Луча. Комсомольск. Горсовет.
Телеграфьте потребность механиках и садоводах приедем.
Донбасс, Криндачевка, Октябрьская, 56, Ходаков.
3 января 1937 года».

ТЕЛЕГРАММА

«Из Москвы. Комсомольск. Горком комсомола.
Моя подруга едет в Комсомольск. Предлагаю свои услуги художественным руководителем парка культуры или режиссером театра.
Москва, 37. Парк культуры, главному режиссеру Мальберг.
11 января».

«Секретарю городского комитета ВЛКСМ Комсомольска-на-Амуре тов. Минкину.

От Путана Петра Викторовича со станции Западная Двина Калининской области.

Дорогой товарищ Минкин!

Работаю я в Западновинском райотделе связи экспедитором. И часто мне приходится заделывать письма с адресом в г. Комсомольск-на-Амуре. Эти письма я бережно закладываю в постпакет и посылаю. Я знаю, что это пишут родные тем своим сынам и дочерям, что находятся на далеком Амуре и которые в глухой дремучей тайге в тяжелых условиях строили г. Комсомольск.

Когда шла мобилизация на постройку этого города, я поехать не мог. Еще учился. Был молод. Но сейчас мне уже 17 лет, и я хочу продолжать начатое теми комсомольцами строительство. Я комсомолец, пионервожатый и буду там, где есть трудности.

Прошу Вас, тов. Минкин, принять меня добровольцем. Я хочу жить и работать в этом городе, который носит имя комсомола. Я хочу, чтобы наш Комсомольск был самым хорошим городом на Дальнем Востоке. Не пожалею своих сил и буду делать все, что вы мне поручите.

Не откажите! Привет. Петр Путан.

Декабрь 1936 года».

«Комсомольск. В горком ВЛКСМ.

С товарищеским здравствуйте!

Мы живем в такое время, что для всех все возможно, а поэтому разрешите продолжать и дальше. Но так как мы с вами — оба незнакомые люди, то надо хоть одному знать, с кем он говорит. Вот кто я: зовут Николай Алексеевич Кабанов. Мне 24 года. Я сын железнодорожного машиниста.

С 1926 года, кончая семилетку, остаюсь совершенно круглой сиротой, после чего попадаю в среду хулиганов и начинаю беспризорничать. Но вот я отрезвляюсь от этого, снова начинаю учиться в фабзавуче и кончаю его со званием поммашиниста железной до-

роги. Был я шофером и механиком, и часовым мастером, и секретарем заводской организации комсомола. На производстве часто премировали.

В 1935 году меня наконец послали в летную школу. Но вот беда: ввиду болезни, — раздражительности, как сказал доктор, каких-то вестибулярных аппаратов, — меня из этой школы отчислили, и это было ужасно печально.

Тогда я решил поехать к вам вместе со своей женой (простите, сейчас познакомлю), она Ксения Андреевна Кабанова, комсомолка и техник по нормированию труда. Она четыре года жила в детдоме, где и окрепла в своей жизни.

И так как у нас сейчас молодежь свободна и выбирает свой жизненный путь сама (а надо сказать, что мы с ней не старые), то мы решили: поскольку я обижен судьбой в неисполнении моей мечты быть летчиком, так хотим быть полезными на трудовом фронте. Избрали себе ваш новый город молодежи. Но так как он для нас незнаком, да и расстояние вон какое, то обращаемся за советом. Если вы думаете, что мы окажемся полезными людьми и наши профессии пригодятся, то пишите ответ в г. Оренбург, улица Бурзянцева, 22. Шлем всей вашей комсомольской организации свой привет и крепко жмем всем руки.

Супруги Н. А. и К. А. Кабановы.

Посылаем при сем свои любительские фотокарточки».

«Любому жителю города Комсомольска-на-Амуре.

Любой житель, получивший это письмо, может, во-первых, прочитать его, во-вторых, написать хоть три-четыре строчки ответа. Если же очень некогда, то, пожалуйста, передайте кому-нибудь другому. Видите ли, я задумал познакомиться заочно с кем-нибудь из вашего нового города. Мне так интересно знать про Комсомольск-на-Амуре. Буду очень ждать, отвечайте в Горький, улица Кушбинская, д. 15, кв 15, Владимиру Шишло».

Мне очень желательно долг с кем-нибудь переписываться — ну, несколько лет. Если хотите, я тоже отвечу на все ваши вопросы. Если надо, могу высылать нужные книжки и другие предметы. У меня мечта ехать строить новый город где-нибудь на окраине страны, Севере или Востоке.

Напишите, что вас интересует и что бы вы желали от меня получить.

Добавлю о себе, мне 19-й год, работаю я на автозаводе в качестве электрика (зарядчика аккумуляторов), родился в городе Ярославле на Волге, в Горьком живу с 1928 года, много ездил по Советскому Союзу — был в Крыму, Московской области, Украине, на Волге, Оке, Каме, Белой и других реках.

Привет. Владимир Шишло»

«Комсомольск-на-Амуре. Горком ВЛКСМ.

Здравствуйте, товарищи комсомольчане!

Шлю вам с финской границы горячий привет. Я читаю все время газету «Комсомольская правда». В ней часто пишут о Комсомольске и его героях. Когда что-нибудь читаю про этот город, то не хватает сил и воли знать это одному. Я всегда созову свой взвод, где и пойдет речь и жаркие споры о вашем городе. Моя фамилия Чекалин. Инициалы Анатолий Григорьевич. Сам я младший

командир взвода. Мне очень хочется быть и работать в Комсомольске. А еще лучше, если есть у вас там воинская часть, поеду служить сверхсрочно. Если можно к вам приехать, чтобы работать на пользу нашего социалистического общества, то напишите по указанному адресу. *Анатолий Чекалин*».

«Комсомольск-на-Амуре. Горком комсомола.

Далеко-далеко от вас я, ребята, но Женя-комсомолка шлет вам привет. Простите, я еще совсем с вами не знакомая лично, но у меня к вам просьба. Я прочитала в газете призыв Вали Хетагуровой. Захотелось поехать на Дальний Восток. Решаю, это сделать весной. Вы мне скажите, как у вас живет молодежь, мне надо обязательно знать, потому что некоторые из нашего Ижевска болтают про жизнь вашего города всякую ерунду. Мол, ты уедешь, Женя, и нигде там не устроишься и пропадешь. Но я ничему не верю этому. Я сказала: так или не так страшайте, все равно уеду, и ничего мне не жалко, если там такая интересная работа. Думаю, что там нужны люди, и что здесь говорят — просто смешно. Я работница инструментального цеха. Специальность — фрезеровщица. Наша администрация все не хочет меня отпустить. А я бы хотела быть полезной для покорения тайги. Дорогие товарищи и подруги, конечно, у меня есть много, что писать, но всё на бумагу не изложишь. До нашей встречи, до свидания. Пишите, годные ли там фрезеровщики?

Пишите. Я жду ответа, как соловей лета.

Соловьева Женя Григорьевна.

Ижевск, Зарека, Новый городок, Июльская улица, д. № 96».

Так понятие дружбы перерастало рамки цеха, завода, школы. Комсомольск называли «нашим городом» не только его молодые старожилы, не только их земляки, уехавшие учиться и служить в армию, так называла его теперь вся советская молодежь.

И вот 10 мая 1937 года в Комсомольске должно было произойти знаменательное событие. Из Москвы уже двигался целый эшелон девушек, решивших переселиться на постоянное жительство в таежную столицу. Четыреста девушек покинули столицу, чтобы поселиться навсегда в Комсомольске. О них говорили с величайшим уважением. Им готовили необычайную пышную встречу.

Девушки должны были поселиться в красивом уютном поселке, который вырос там, где пять лет назад Кравцов увидел нанайское стойбище Дземги. От стойбища не осталось и следа. Здесь уже пролегли ровные мощенные улицы, шеренгами вытянулись многоэтажные каменные дома, наметились контуры будущих парков и скверов.

Вместе с Костей Зангиевым илевой Качаевым мы

отправились к дому, где решено было поселить москвичек. С большого здания, выстроенного в рекордный срок, уже сняли леса. Энергичный инженер с чуть-чуть красноватыми от бессонницы глазами деловито осматривал с улицы фасад, отдавая какие-то указания малярам, приготовившим ведра с краской.

— Познакомьтесь, — сказал Лева, — вот это и есть тот самый инженер Кравцов, о котором мы вам так много рассказывали...

Услышав свою фамилию, инженер оглянулся и весело засмеялся:

— Опять воспоминания о прошлом? Смотри, Лева, ты скоро станешь архивариусом. Что-то больно увлекаешься историей. Может быть, стареешь?..

И, перебивая самого себя, он тут же начал говорить о своих производственных делах.

Чувствовалось, что инженер по горло занят производственными делами в цехе, и казалось совершенно непонятным, зачем такого занятого человека загружать дополнительно надзором за стройкой этого дома. Неужели для этого нельзя было бы подыскать другого работника?

Но когда мы высказали это Кравцову, он внезапно обиделся:

— Неужели вы думаете, что это какая-то производственная обязанность? Ведь это отдых, праздник для нас!..

И впрямь у дома, к подъезду которого уже был прикреплен аккуратный фонарь с номером 3/30, творилось что-то невероятное. Монтажники, электросварщики, штукатуры, маляры после работы приходили сюда со всех уголков и оспаривали право участвовать в подготовке дома к приезду девушек из Москвы.

Комсомольцы изощрялись в изобретательности. Буквально всю мебель и хозяйственный инвентарь для нового дома сделали они сами. У кого-то возникла мысль из остатков светлого, легкого металла сделать красивые корзинки для бумаг. Вышло славно. Тогда в соседнем цехе сейчас же решили показать себя и соорудили эффектные этажерки из остатков трубопровода. Комсорг 14-го цеха тайно побежал на склад и отыскал там розовую краску, якобы для нужд производства. Никто не мог понять, зачем такой веселый колорит вдруг понадобился заводской продукции? Но комсорг не желал

всем рассказывать, что ребятам его цеха хочется сделать для девушек мебель еще нарядней и лучше, чем, например, изготовили в третьем цехе (там, мол, скучновато окрасили, все в какой-то синий, темный цвет!).

Вечером около дома № 30 зажигали на всю ночь прожекторы, чтобы работать без перерыва. Каждая квартира в строящемся доме уже имела своего цехового шефа. Ведра, тумбочки, умывальники, тазы, чернильные приборы изготовлялись ревностно и спешно. В эти первые майские дни в Комсомольске еще было очень холодно. Кое-где лежал снег. Частенько завывали злые амурские ветры. И вдруг, на удивление многим, коммунальному отделу срочно понадобились... три металлических косы. Что за сенокос, когда зима не прошла? Оказалось, ребята вспомнили, что девчатам потребуется сразу четыреста матрацев, а их не было. Значит, пока не привезут пароходом тюфяки, изготовленные на фабриках, придется сделать самодельные матрацы, вот и требуется сено. На улицах появилась бригада молодых косарей, на которую изумленно взирали кутающиеся в пальто прохожие. Бригада косарей накосила сухой прошлогодней травы на одной из полян. Матрацы были готовы...

— Ну, где же они? — тормозил Костю Кравцов. — Когда прибывает их пароход? Ты знаешь, поднимется весь завод. На пристани придется митинг устроить...

Долгожданные пароходы пришли. Был ясный весенний вечер. Город жил своей обычной кипучей жизнью. Где-то за рекой, в каменном карьере, гремели взрывы аммонала. Бодро посвистывая, мчался по набережной паровоз узкоколейки. Шумной гурьбой выбежали из школы ребяташки. И вдруг над рекой зазвенел чей-то высокий, чистый голос:

— Вижу-у! За поворотом ды-ым!..

Со всех сторон, из улиц и переулков, от разрытых котлованов стройки и из душных старых изб, в которых пока что разместились учреждения города, на этот зов помчались тысячи людей. Прыгая через глубокие потоки жидкой грязи, увязая в кучах песка и щебенки, люди неслись к обрывистому песчаному берегу, к тому берегу, у которого ровно пять лет назад отдали якоря «Колумб» и «Коминтерн».

Через двадцать минут на берегу теснилась огромная толпа, и охрипшие от крика Зангиев и Кравцов тщетно пытались навести какой-то порядок. Лева Качаев, сбив кепку на затылок и отчаянно пыхтя сигарой, усиленно работал локтями, пробивая дорогу самодеятельному оркестру, который специально к приезду девушек разучил «Каховку».

Силуэты пароходов, шедших вниз по течению, вырисовывались все яснее. Уже без бинокля можно было различить знакомые контуры двухтрубного «Коминтерна», на носу которого развевалось большое красное знамя. Чуть поодаль отчаянно дымил «Косарев».

— Лева! Ты видишь? Наш «Коминтерн»...

Протиснувшись сквозь толпу, комсомолец Сидоренко, тащивший с собой знамя стройки, взволнованно обнял Леву Качаева. Они оба жадно смотрели на пароход, который пять лет назад вез в глухую тайгу первых комсомольцев стройки, пробиваясь сквозь льды Амура.

Над пароходом взвились два облачка, и широкая водная гладь огласилась приветственными гудками. В ответ грянул оркестр «Каховку», и тысячи людей замаяли в воздухе фуражками.

Пароходы «Коминтерн» и «Косарев» красиво развернулись против течения и шли к берегу. Оттуда, с бортов долгожданных пароходов, доносились ответное пение, «ура», аплодисменты.

Над берегом висел густой низкий гул, будто миллиарды пчел вылетели из ульев и кружатся здесь, над Амуром, отыскивая медоносные травы. Тысячи людей, в которых пробудились теплые воспоминания, шепотом повторяли друг другу:

— А помнишь, вот здесь, в палатке... А помнишь, как с «Коминтерна» выкатили первую бочку, а ты еще тогда сказал...

И хоть были эти детали в сущности мелки и мало значащи, людям казалось, что они вспоминают подлинные исторические события.

Пароходы «Коминтерн» и «Косарев» уже подошли к самому берегу. Теперь с них по сходням сходили девушки, приехавшие из столицы. Они застенчиво улыбались загорелым, широкоплечим строителям.

Когда пароходы опустели и все гости выстроились у трибуны, Костя Зангиев взмахнул рукой и начал свою речь. Он готовил ее заранее. Но в эту минуту, когда

тысячи глаз обратились к нему и надо было начинать речь, Костя с ужасом почувствовал, что память ему изменила. Внезапные воспоминания, нахлынувшие в тот момент, когда пароходы плавно подходили к берегу, нацело смыли все, что он собирался сказать.

Краснея, Костя еще раз сделал ораторский жест и еще раз понял, что речь забыта прочно и основательно. В этот момент его осенила спасительная идея, и он быстро шепнул Ильину:

— Мишка, черт, давай газету!..

По старой привычке, сохранившейся еще с тех пор, когда редакция ютилась в старом амбаре и ее сотрудники сами доставляли газеты на лесные участки, Ильин постоянно таскал с собой пук газет. Схватив протянутый ему газетный лист, Костя успокоился и заговорил:

— Дорогие друзья! Ваши корабли причалили к нашей счастливой земле, о которой мечтает каждый юноша и девушка Советской страны. Мы взволнованы этой встречей...

Его перебил звонкий девичий голос:

— Мы тоже!..

Костя улыбнулся:

— А мы вдвойне. Понимаете, у нас ведь сегодня юбилей. Ровно пять лет назад вот этот самый «Коминтерн» и с ним «Колумб» привезли сюда, в тайгу, в глушь первый отряд комсомольцев, и я их тоже тогда встретил...

Костя покраснел. Ему казалось, что он говорит совсем не то, что нужно, и что девушки его не поймут. Поэтому он нахмурился и развернул спасительный лист газеты:

— Сейчас я вам лучше прочту, и вам станет ясно, что из этого получилось.

И он начал читать заметку:

«Сутки города юности Что произошло за вчерашний день в Комсомольске? На стройке поселка «Победа» в этот день было заложено сорок новых домов, покрыто восемьдесят две крыши, вырыто 350 погонных метров канав. В 12 школах города в этот день занимались 6208 учеников. В библиотеке имени Островского комсомольчане взяли 111 книг, в том числе «Фауст» Гете, «Основы химии» Менделеева, «Энциклопедия судостроения», «Витязь в тигровой шкуре» Руставели, «Саламбо» Флобера и другие. Магазин Книгоцентра продал вчера 300 книг и 270 брошюр. В театре репетировали новую пьесу. В клубах шли киносеансы. Около тысячи рабочих занимались в школах среднего образования и на рабфаке.

В школе инструкторов стрелкового спорта и в школе командиров шлюпок, организованных Осо-Авиахимом, занимались 600 юношей и девушек. Радиоузел, обслуживающий 980 точек, транслировал концерт из Хабаровска. Вечером была местная передача, читали очерк техника Кучумова «Эшелоны идут на восток» — о первых строителях города. Торговые организации города выручили за день 573 тысячи рублей. Без усталости работали 19 телефонисток, обслуживающих 510 абонентов. Поликлиника судостроительного завода обслужила 286 больных и оказала помощь 32 больным на дому. Городской загс зарегистрировал 6 новорожденных и один брак.

В 23 часа 15 минут из Хабаровска прибыл товаропассажирский поезд в составе багажного, почтового, мягкого, плацкартного, служебного, четырех жестких вагонов и шести теплушек. С поездом приехали 470 пассажиров, из них 19 девушек по призыву Хетагуровой и 80 переселенцев.

Костя дочитал заметку до конца и потряс в воздухе газетой.

— Конечно, это не столица, — сказал он, — и вам придется здесь трудновато. Но все-таки кое-что мы за эти пять лет сделали, и, как говорится, чем богаты, тем и рады!..

Девушки восторженно зааплодировали и звонко крикнули «ура!» Чемоданы погрузили на машины, и все вместе, приехавшие и встречавшие, дружно двинулись в поход в Дзёмги. Впереди шел с красным знаменем Сидоренко. Он запевал новую песню о Комсомольске:

И стоит он теперь нерушим
Часовым у восточной границы,
И взлетают, кружатся над ним
Краснокрылые сильные птицы.
В океан идут корабли.
Вымпела поднимая высоко.
Комсомольск — это гордость страны,
Комсомольск — это сердце Востока!..

Песня звенела над городом, поднималась ввысь, и эхо откликалось в далеких сопках.

Близился наш отъезд. Мы загостились в Комсомольске сверх всяких командировочных норм, и редакция несколько раз вежливо напоминала нам об этом. За день перед отъездом мы заглянули в дом № 3/30, где хетагуровки справляли новоселье. Здесь было шумно и весело. Четыреста москвичек устроились очень уютно. Десятки девушек уже строчили письма домой. Письма эти были необычайно длинные и обстоятельные.

Дуся Мелкова при нас исписала десять страниц и все не могла окончить свое письмо. Ну как сразу расскажешь и про такое длинное и интересное путешествие, и про интересную встречу со «стариками» — комсомольцами города юности, и про то, что она сейчас уже электротехник цеха № 5 и что работой ее как будто бы довольны?

Ее просили написать о Комсомольске человек пятнадцать москвичей. Этак и месяца не хватит на письма. Дуся решила выйти из положения, сделав необычайно длинной первую строчку:

«Здравствуйте, дорогие друзья Константин Дмитриевич и Николай Васильевич...» (словом, тут сразу и перечислила все свои пятнадцать адресатов!).

А маленькая кудрявая москвичка-фабзавучница с третьего этажа дома № 3/30 о чем-то вдруг загрустила и написала своей старой маме:

«Мамуль! Трудностей еще почти не было. Потому и рассказывать нечего. Понимаешь, кругом стоят тумбочки и этажерки. Девчонки сразу вытащили свои пикейные одеяла, стенные коврики, и все стало совсем-совсем как дома. Прямо обидно! Сама подумай — ехали, ехали, 10 000 километров проехали, а трудностей еще нет. Смотри не говори про это Маше. Пусть скорей едет, как она решила. Мы для нее в нашей комнате еще кровать поставили. Ждем ее. Мама! Когда мы будем побеждать стихию, то напишу подробно. Целую тебя крепко. *Лиза*».

В квартире № 22 этого же дома мы встретили очень славную 22-летнюю девушку Таню Милорадову. В эту минуту она была занята странным делом: с увлечением рисовала на листке бумаги разнообразные формы абажуров для ламп. Потом пришла ее подруга Соня и сказала: «Таня! Мне говорили в коммунальном отделе, чтобы ты завтра поехала в командировку в Хабаровск. Там есть абажурный шелк»...

Так мы узнали, в чем здесь дело. На первом же собрании, когда с девушками встретился директор Кузьма Кузнецов, он вдруг получил странную записку: «Товарищ директор! Можно ли здесь шить абажуры? Я умею. Таня».

Кузнецов ответил:

— Прекрасно! Шейте абажуры. Помогайте нашему коммунальному отделу...

И вот Таня Милорадова уезжает в свою первую даль-

невосточную командировку, чтобы скорей украсить новые дома, кафе и столовые города Комсомольска красивыми абажурами. А после того как она это сделает, Таня займется своим любимым делом — она ведь пилот. Была учлетом в московском районном аэроклубе. Она же инструктор парашютного спорта — уже прыгала с самолета тринадцать раз.

Таня рассказала о последних днях, проведенных перед отъездом в Москве. Полтора месяца тому назад мама провожала ее на Восток. Очень загрустила мать: разбрелись все ее дочки по стране. Уже четвертая уезжала из дому! Маня живет на польской границе, Нюра теперь в Горьком, Мотя в Белоруссии. Вот и Таня уехала в Комсомольск. Одна лишь маленькая школьница Лиза пока осталась около матери.

Смелую, энергичную девушку Таню, никогда не боявшуюся ни глубин, ни высот, — она ведь была и проходчиком на Метрострое, работала на одном из наиболее глубоких участков — Кировском радиусе, — ни за что не хотели отпускать из московского аэроклуба. «Таня, ну куда ты поедешь? Ты нам здесь нужна. Будешь летать, будешь учить ребят», — чуть сердито сказал ей начальник аэроклуба.

— А я, товарищ начальник, и там, на Востоке, летать буду. И учить там тоже, есть кого, — лукаво сказала она...

...В маленькой, чистой комнате на первом этаже было особенно тихо. Тут обосновался колхоз «Дружба» — так все прозвали комнату четырех подруг — Вали Данилиной, Любы Соболевой, Зои Кошкиной и Нюси Донченко. Подруги условились ни в чем друг другу не мешать. Когда кто-нибудь работает или читает дома, сохранять тишину. Люба сразу стала активисткой в своей новой комсомольской организации. Она инструктор по политучебе, и подружки понимают, что вечерами Любе надо заниматься и много читать.

Чтобы не мешать Любе заниматься, девушки решили зайти к соседке — Тоне Бескоровайной. Тоня приехала сюда со значком «ворошиловской всадницы». В подмосковном манеже она научилась прекрасно ездить. Хочет, чтобы в Комсомольске молодежь училась верховой езде. Она говорит пришедшим подругам:

— Дело скоро уладится, уже обещали достать лошадей для учебы...

Скоро весь дом наполнился шумом и гамом — к де-
вушкам пришли в гости «старики». Москвички с огром-
ным интересом встретили гостей, тормошили их, застав-
ляли рассказывать «побольше и поинтересней» о прош-
лом города. Вначале ребята конфузились, скромничали.
Но потом быстро освоились, и потекла интересная, жи-
вая беседа.

Вспоминали, как Зангиев заблудился в тайге на том
самом месте, где теперь стоит огромное здание тепло-
электроцентрали; он целую ночь просидел на дереве,
опасаясь медведей, и только утром нашел дорогу к па-
латочному лагерю комсомольцев. Вспоминали, как в
марте 1934 года, когда стройка осталась без леса, при-
шлось вырубить в двухметровом льду Амура канал дли-
ной в восемь километров, чтобы устроить... зимний сплав.
Строевой лес был на другой стороне Амура. А доставить
его не на чем было, поэтому и пришлось вырубать во
льду глубокую канаву и вот так, по воде, в 30-градус-
ный мороз терпеливо проталкивать баграми бревна через
весь Амур...

Новые жительницы Комсомольска были готовы слу-
шать их без конца. Но впереди еще была длинная и
разнообразная программа самодеятельного вечера...
«Старики» решили тряхнуть стариной и показать моск-
вичкам, как развлекались строители в «палаточный
век», когда на стройке еще не было ни кино, ни радио,
ни электричества.

Это был очень веселый и интересный вечер. Расска-
зав девушкам, как лыжная агитбригада в суровую зиму
1932 года веселила нанайцев, Нутрецов делал стойку и
выполнял прочие номера партерной гимнастики, столь
не свойственной его нынешней должности руководяще-
го партработника. Лева Качаев читал свой неизменный
«Левый марш», а Рудольф тоненьким тенорком пел ро-
мансы Глинки. Потом Лева демонстрировал номер «Че-
ловек — театр» и показывал фокусы.

Миша Ильин декламировал стихи собственного сочи-
нения, посвященные борьбе с дезертирством, и все ребя-
та хором пели наивную трогательную песню, с которой
пять лет тому назад они ехали по Амуру:

Кругом сопки обошли,
На Амуре встали...
Эй, эй, и-ха-ха,
На Амуре встали...

На Востоке можно жить,
Есть что строить, соорудить..
Эй, эй, и-ха-ха,
Есть что строить, соорудить..

Когда же концерт близился к концу, слова попросил шофер горкома комсомола Петя Мельниченко. Все очень удивились. Петя считался веселым, компанейским парнем, но никаких самодеятельных талантов за ним не числилось. Он вышел на середину комнаты и сказал, вытянувшись по-военному:

— Разрешите мне перед уважаемым собранием прочитать свой стих, каковой был составлен мною после ухода из рядов ОКДВА в долгосрочный отпуск!

Все зааплодировали.

— Просим, просим!..

Петя достал из кармана бережно сложенный листок, развернул его, потом скатал в трубку и начал декламировать.

Когда Петя умолк, Костя похлопал его по плечу:

— Чудесно, Петя. Коряво, но зато искренне! Так оно и было в жизни. Раз поэты не хотят писать о Комсомольске хороших стихов, будем сочинять сами...

...Стрелки часов уже давно перевалили за полночь. Вечер самодеятельности окончился, но гости все еще не расходились. Настроение у всех было очень хорошее; люди видели, как сильно может оживить культурную жизнь города умело организованная самодеятельность. Потом поспорили — сначала в шутку, а затем всерьез, долго ли придется обходиться силами своей самодеятельности.

Скептики и пессимисты утверждали, что в Комсомольске никогда не будет настоящего театра и настоящей картинной галереи. Оптимисты, наоборот, доказывали, что здесь, в тайге, будет выстроен крупнейший город, и, следовательно, театр — дело вполне реальное и близкое.

Решить этот спор призван был... городской архитектор, сумрачный человек, тем не менее очень любящий общество молодежи. Вот и сегодня он пришел на комсомольский вечер. У архитектора — все планы будущей стройки, ему, как говорится, и карты в руки...

— Театр? — переспросил он. — Театр? Конечно, будет...

Оптимисты воинственно подняли головы, но архитектор тут же их немного разочаровал:

— Конечно, театр будет. Но ведь пока что у нас есть достаточно и более неотложных дел. Вот, скажем, надо достроить баню. Потом будем сооружать несколько магазинов. Потом создадим несколько больниц и школ... На все это нужно время. Однако театр будет. Я даю вам слово. Да и не только театр. Знаете ли вы, каким станет Комсомольск?..

Комсомольцы затормозили архитектора. Сначала он отнекивался, ссылаясь на то, что генеральный проект еще не утвержден, что пока он может излагать лишь свои собственные мечты. В конце концов архитектор сдался: Он снял свое пальто, достал из кармана пачку истрепанных схем, аккуратно разложил их на чьей-то кровати и начал рассказывать:

— Комсомольск — исключительный объект для творческой фантазии архитектора. Ведь это гигантская каменная чаша, в которой лежит широкая долина, заросшая густым лесом. Сопки окружают нашу долину тремя ярусами, один выше другого. Ближайшие к Комсомольску горы заросли густыми хвойными лесами. Далее высятся каменные горные цепи. Еще дальше лежат отроги Вандана, на вершинах которого даже в июне надеты снежные шапки. Эта долина обрывается крутыми склонами у берега быстрой и многоводной реки...

— Товарищ архитектор, вы нам про пейзажи не говорите, мы их сами видим, — нетерпеливо перебил кто-то.

Архитектор строго взглянул на недисциплинированного слушателя и продолжал:

— Город нельзя себе представить без его естественного обрамления, дорогой товарищ! Город мы строим не где-то на кальке, а здесь, на берегу Амура... Так вот, здесь, где Амур подходит крутой излучиной к нашей долине, может и должен вырасти прекрасный, гармоничный, чудесный город.

Пассажиры пароходов, которые идут по Амуру сверху от Хабаровска, еще издали видят высокий мыс, у которого река делает крутой поворот к востоку. Здесь, в этой лобовой части долины, и будет архитектурный центр таежной столицы. Здесь появятся красивые многоэтажные дома. Архитектор обязан спроектировать эти дома так, чтобы они не терялись на широком просторе, а яркими, красивыми пятнами украсили долину. Внеш-

ний вид новых построек должен быть приятен взору усталого путешественника, заканчивающего далекий рейс. Вдоль набережной развернутся большие красивые ансамбли зданий. В гранит оденутся крутые амурские берега. В центре набережной расположится монументальный речной вокзал. К самой воде спустятся широкие каменные ступени.

Вдоль берега мы рассадим прекрасные зеленые насаждения. Вместе с вами, товарищи комсомольцы, отыщем в тайге лучшие породы деревьев и пересадим сюда не мелкий кустарник, а высокие, стройные, многолетние ясени, черную березу, бук и другие ценные породы. И вот от этого речного вокзала, который будет стоять в центре набережной, мы проложим проспект шириною в двести метров. Он прорежет всю долину и уйдет к сопке. Этот проспект, ровный как стрела, закончится на противоположном конце города, у пассажирского вокзала железной дороги. На большой широкой площади в центре города воздвигнем красивый Дом Советов, Дворец пионеров, большой кинотеатр...

— А театр? — опять нерешительно перебил кто-то.

— Надо полагать, найдется место и для театра, — заметил архитектор и продолжал: — Здесь же, в непосредственной близости от Главного проспекта, возникнет центральный городской стадион, окруженный зелеными насаждениями. А всего в городе предполагается соорудить три стадиона, один из которых расположится в Парке культуры и отдыха. Этот парк мы разобьем на реке Силинка...

...На самом высоком месте, у берега Амура, должен стоять, видный издали, грандиозный монумент, на котором будут обозначены имена комсомольцев, корчевавших здесь тайгу. Имена первых строителей города, вступивших с киркой и топором на эту землю.

Климат Комсомольска очень здоров. У нас нет малярии, у нас прекрасный, чистый воздух, у нас солнечная зима, у нас много воды. Так почему же не создать здесь же, у самого города, свой курорт? На противоположном берегу Амура, на высоких лесистых сопках архитекторы разместят красивые белые здания будущих домов отдыха и санаторий.

К тому времени по улицам Комсомольска будут ходить трамваи, а на основных, наиболее напряженных магистралях мы пустим троллейбусы...

Сколько заводов появится в таежной столице — машиностроительные, лесопильные, известковые и пивоваренные! Будут у нас и швейная фабрика, и мясной комбинат, и рыбный комбинат. Наш город начнет делать консервы, лить сталь, печь хлеб, строить корабли, печатать книги, шить платья...

Теперь вы верите, что вам еще удастся увидеть здесь огромный город?

... В комнате засмеялись, зашумели, задвигали стульями. Пора и по домам! Мы распрощались с гостеприимными хозяевами.

Была тихая летняя ночь. Высоко в небе светила ясная луна, и сотни созвездий повторяли свой узор в темных водах Амура. Снизу из-под обрыва доносился легкий плеск весел, и высокая мелодичная песня разносилась над водой. Слева, где разверзлись гигантские котлованы новостройки, мерно вздыхал экскаватор и перекликались гудки автомобилей.

Где-то на северо-востоке вспыхивала и гасла голубая молния, там, у доков, шла электросварка. Город не спал. Город строился. Строился день и ночь...

Тридцать лет спустя

В середине шестидесятых годов нас потянуло к старым рабочим тетрадам — захотелось написать о людях, с которыми счастливая журналистская судьба свела нас в молодости. Написали в горком комсомола письмо с просьбой сообщить, что нового, как сложилась судьба первостроителей и сооруженного их руками города, — ведь комсомольцы тридцатых годов уже стали дедушками, у них пошли внуки.

Кое-кого мы разыскали, следы других затерялись. Зато сам Комсомольск предстал перед нами во всей своей красе, когда мы прочитали полученные нами отсюда письма и номера газеты. Он все строился, все рос. Дымили гигантские заводы — «Амурсталь», «Амурлитмаш», завод подъемно-транспортного оборудования, нефтеперерабатывающий, завод «Металлист», бесчисленные фабрики — их продукция шла во все концы страны и даже за границу.

Когда-то делегаты комсомольской конференции, собиравшиеся в тайге, спрашивали начальника стройки,

можно ли будет тут учиться, откроют ли когда-нибудь в городе звуковое кино. Теперь здесь уже работали политехнический и педагогический институты, две музыкальные и одна художественная школы, три техникума, медицинское училище и множество других учебных заведений. В Комсомольске уже функционировал театр, двадцать пять киноустановок, телевизионный центр, показывавший фильмы собственного производства, спектакли и хронику последних известий. Большим стал город. А рядом росли два его спутника — Амурск и Солнечный, им тоже суждено было стать настоящими городами.

«Дальневосточный Комсомольск» — потомок «Амурского ударника», родившегося в памятные холодные ночи весны 1932 года, — стал большой газетой. Она печаталась в современной типографии, у нее была солидная редакция: свои очеркисты, международники, фельетонисты. «Дальневосточный Комсомольск» писал о том, как идет предоктябрьское соревнование, как разворачивается политическая учеба, какие недостатки еще неизжиты в службе быта, как предприятия готовятся к зиме, как проходят спортивные соревнования. Никакой экзотики — все как в любом другом советском городе. Может быть, тут и вел нынче свой разговор о героизме и дегероизации литератор, чья статья натолкнула нас на мысль вернуться к теме о первых строителях Комсомольска? В самом деле, и здесь могли бы теперь сказать: «Героизма у нас нет, все идет по графику. Золотоносный песок повседневного труда, и никаких самородков». Как знать, как знать...

Заглянули мы в объявления — тоже все тихо и гладко: сегодня по телевидению будет передаваться комментарий «Мир за неделю», в кинотеатрах идут советские, французские и индийские фильмы, заводу подъемно-транспортного оборудования требуются: инженер-электрик, сварщики, токари; управление трамвая (батюшки, оказывается в Комсомольске есть и трамвай, как и обещал нам когда-то городской архитектор!) ищет кондукторов и слесарей.

Видите, какие дела! А мы перевернули страницу и вспомнили палатки на берегу, шумящую тайгу, кочковатое лесное болото, на котором как-то заблудился Костя Зангиев, отправившийся выбирать площадку для строительства первой лесопилки.

Действительно, в наше время люди живут и работают по-другому, не так, как в тридцатые годы. Зачем корчевать «нахальным» способом, когда есть электропилы, тракторы, бульдозеры? Зачем строить шалаши и бараки, когда под рукой есть первоклассный завод сборного железобетона? Зачем отправляться на субботник в тайгу за клюквой, когда в любой аптеке продаются витамины? И все-таки нельзя не видеть, что дух, стиль, идеи первых строителей живы в делах их сыновей и внуков... Мы долго глядели, не отрываясь, на помещенную в газете фотографию: «На снимке нашего корреспондента Мих. Кузнецова — один из первых строителей города Василий Петрович Шарапов и его сын Владимир». Седой интеллигент присел на незаконченной кирпичной кладке, а рядом — молодой парень с таким же высоким открытым лбом, с такой же непокорной шевелюрой.

Подумаешь — Василий Петрович! Да его же звали Васькой, и было ему каких-нибудь девятнадцать лет, когда его послали по комсомольской путевке сюда из Москвы. Послали, и поехал, оставил мать и невесту — раз надо ехать, значит надо! Через два года ему дали отпуск, и он съездил в Москву и уговорил невесту, работавшую в одном из столичных институтов, перебраться в Комсомольск. По правде сказать, Василий малость покривил душой, пообещав, что условия жизни будут, пожалуй, не хуже, чем в Москве: ведь это ударная стройка! А дальше было вот что — мы цитируем газету «Дальневосточный Комсомольск»:

«...С парохода сходили молча, с тревогой. Аня в испуге смотрела на «город», и на глаза ее навертывались слезы. Василий обнял жену, поцеловал. Молча постояли у Аварийной горки. Нет, у нее и мысли не было, что такую «квартиру» обещали ей в Москве. Она поняла: Вася не мог покинуть место, где похоронены его боевые товарищи, погибшие в схватке с тайгой.

Их, молодоженов, поселили в сарайчике вместе с холостяками.

Вскоре Василий почему-то стал задерживаться на работе. Аню начинали мучить подозрения. Однажды она, рыдая, не заметила, как вошел Василий. Схватив Аню в охапку, он понес ее на улицу. Опомнилась не сразу.

— Ну, как? — спросил он.

Оказывается, пока Аня тайком плакала, Василий готовил ей сюрприз — строил дом. Он сдержал слово, данное в Москве: они стали жить не то что в квартире — в собственном доме. Пусть этот «дом», упиравшийся в подножие Аварийной горки, был сбит из нескольких досок и слеппен из глины, но он давал крышу над

головой. Под этой крышей родились Владимир и Геннадий — город рос, приобретал законных наследников.

Только спустя четыре года они переселились в первый барак, что и поныне стоит на проспекте Мира.

С этого, собственно, и начинается большая биография города, неразрывно связанная с именем Василия Петровича Шарапова.

Нет, он не архитектор, воплощающий замыслы в проекты, удачное осуществление которых нередко приносит автору бессмертную славу. Просто он своими руками строил дом за домом, воздвигал город. Проходя мимо педагогического института, Василий Петрович замедляет шаг, чтобы лишний раз взглянуть на свое детище.

Это массивное здание в несколько необычном стиле — своеобразный памятник первостроителям в дар молодому поколению. Раньше тут размещалась первая в Комсомольске школа, где учились его сыновья, а теперь дочь сдает здесь экзамены в институт. Кстати, школу № 17, которую кончила Галина, тоже строил Василий Петрович, да еще по своему собственному проекту. Это была его дипломная работа в строительном техникуме. Нелегко далась учеба: из 35 строителей-практиков, по инициативе которых был основан техникум, дотянули до конца только 13. Да и сам он, имея двадцатилетний трудовой стаж, недолго выдержал бы, если бы не жена: стоило ей напомнить о тридцатых годах — муж подбирал с полу брошенные им в сердцах книги.

Лишь в 1951 году, уже отцом большого семейства, Василий Петрович окончил техникум, построив в память об этом семнадцатую школу, что вошла в архитектурный ансамбль улицы Красногвардейской.

С больницей № 7, тоже воздвигнутой его руками, у Василия Петровича связаны менее приятные воспоминания: он был ее первым «повоселом». А совсем недавно ему здесь сделали сложную операцию: стало быть, пригодилась больница.

А как же сыновья?

Всего на шесть лет позже отца Владимир окончил техникум. Отслужил в армии. Работает мастером в стройуправлении № 859, где отец сейчас заместителем начальника. Это он закладывал 140-квартирный дом — самый большой в городе. Владимир — член комитета ВЛКСМ треста, был на краевой комсомольской конференции. Его цель — окончить политехнический институт и, конечно, застроить пустыри между поселками и городом.

Младший сын, Геннадий, тоже недавно из армии. Работает слесарем-сборщиком на заводе «Амурсталь», кстати, тоже сооруженном при участии Василия Петровича. Трудится он, как и Владимир, по-отцовски, чувствуя себя хозяином города. Так биография семьи Шараповых крепко-накрепко сплелась с биографией города...

И вот мы тогда же написали и опубликовали в «Литературной газете» несколько очерков, в которых попытались, вспоминая о пережитом, показать крепнущую связь времен, соединяющую день вчерашний с сегодняшним днем. Мы не думали, что эта скромная публикация получит свое продолжение и явится толчком к созданию вот этой книги, которую читатель сейчас держит в своих

руках. Но едва номера «Литературной газеты», в которых были помещены эти очерки, разошлись по стране, как вдруг со всех концов страны хлынул поток интереснейших откликов от строителей Комсомольска — они спешили продолжить наш беглый рассказ, уточнить отдельные детали, сообщить о том, как сложились события за долгие годы, которые ушли со времени нашего первого знакомства.

Вдруг позвонил нам по телефону домой не кто иной, как Каттель — тот самый Каттель, который прибыл в памятное холодное утро 1932 года на борту парохода «Колумб» в село Пермское как первый начальник строительства. Представьте себе, оказалось, что он жив, здоров и продолжает работать в Москве в одном из проектных институтов. Позвонил из первых руководителей комсомольской организации стройки Шефтелевич — тоже жив, здоров и работает в Москве: в конце 1960 года он уволился в запас из армии (служил на Сахалине) в звании полковника.

Несколько дней спустя мы получили письмо из Ростова от Минкина, который в тридцатые годы работал секретарем горкома комсомола в Комсомольске — оказалось, что он провел всю войну на железнодорожном транспорте, был награжден орденом Красной Звезды и многими медалями. После войны начал учиться заочно в железнодорожном техникуме и окончил его с отличием. Потом поступил в заочный финансово-экономический институт и окончил его тоже с отличием. Стал начальником железнодорожной станции Ростов-Товарная. Тем временем подросли дети — сын, дочь, появились внук и внучка. Сын Владимир уже кандидат химических наук, доцент Ростовского университета, увлечен своей научной работой...

Письма, письма, письма, они радовали и волновали своей искренностью и непосредственностью.

«Песок и Самородки» я прочитал, — деловито писал из города Фрунзе читатель «Литературной газеты» Селиверстов. — Авторы написали неплохо в том смысле, что получилось понятно, просто и интересно. Но они упустили важную деталь. Когда они описывали, какие песни пели комсомольцы в пути на пароходе и на месте, по прибытии в тайгу, то не упомянули очень важную песню, припев которой я хорошо запомнил. Пели мы тогда вот что:

Построим, построим мы скоро
На месте таежных болот
Советской республики город,
А в городе новый завод.

Так что, если возможно, то вы эту песню добавьте в книгу, потому что песня оправдала себя — город на месте тайги построен».

«Вас приветствует одна из тех песчинок, что была занесена тридцать лет назад на берег Амура, — откликнулась Мария Самойловна Левит. — Спасибо, что напомнили о судьбе замечательного человека Лёвы Качаева. Я могу вам прислать фотографии Лёвы и его многих друзей, строивших наш чудесный город».

«Я один из комсомольчан, теперь по специальности газетчик, — откликался Борис Яковлевич Тимофеев. — Живу в Новосибирске, работаю в заводской многотиражке. С вами мы познакомились осенью 1938 года в дни розысков и спасения самолета Валентины Гризодубовой, а в феврале 1939 года я появился у вас в редакции «Комсомольской правды» — приехал защищать свое доброе имя. Работники редакции, в том числе Семен Нариньяни, Михаил Котов, Всеволод Иорданский, приняли самое горячее участие в моей судьбе, по их совету я написал письмо, и оно было напечатано под заголовком «Карьера клеветников». Почти два года клеветники пытались «сделать» из меня врага народа и японского шпиона, но «Комсомольская правда» спасла мое доброе имя, я вернулся в Комсомольск и прожил там до 1952 года — всего пятнадцать лет я отдал этому изумительному городу. На столе у меня лежит рукопись, которая может дополнить и продолжить ваш рассказ, — это книга воспоминаний, над которой я работаю уже почти год. Правда, дело подвигается довольно медленно, но я его обязательно доведу до конца, хотя это и трудновато: возраст уже не очень бодрый, перевалило за пятьдесят, здоровье тоже неважное. Не подумайте только, что я скулю и недоволен жизнью. Хотя жизнь никогда меня не баловала и чаще, чем нужно, заставляла глотать горькие пилюли, но радости в ней было куда больше, чем огорчений. Даже в самые тяжелые годы меня не покидала вера в торжество справедливости, и это не все. Я знал очень мужественных и очень честных людей, которые приходили ко мне на помощь в трудный час. Удивительно большая жизнь выпала на долю нашего

поколения! Она дала возможность так много увидеть и понять. Теперь надо суметь рассказать об увиденном и пережитом новому поколению, идущему нам на смену...»

Но самые интересные и обстоятельные письма, как и следовало ожидать, мы получили от героев этого повествования — Михаила Ильина, того самого, который когда-то писал в «Амурском ударнике» лихие фельетоны и репортажи под псевдонимом Михаил Горн, и от Кости — он же Хазбулат! — Зангиева. От них прибыли не письма, нет — целые посылки, наполненные фотографиями, вырезками из газет, объемистыми записями, которые сами по себе могли бы стать увлекательными книгами. И мы не можем отказать себе в удовольствии поделиться с читателем этим неожиданным драгоценным даром.

Вот перед нами написанные аккуратнейшим почерком инженера записи Михаила Ильина. Во-первых, он размышлял на тему о том, в каком большом долгу перед людьми тридцатых годов наша литература. Ему очень хотелось бы, чтобы какой-нибудь писатель создал наконец достойное этих людей произведение о строителях Комсомольска, равное по силе ну хотя бы «Звездным часам человечества» Цвейга. «Ведь Комсомольск, — писал он, — это действительно звездные часы нового человечества, и подлинно художественный, правдивый рассказ о тех, кто его создал, и о том, как его создавали, был бы очень нужным напоминанием нынешней молодежи о том, что у нее имеются не только права, но и обязанности».

Во-вторых, будучи человеком дела, наш друг не ограничился общим пожеланием, а спешил внести свой собственный вклад в создание новых «Звездных часов человечества» и слал нам огромное количество своих записей, фотографий, документов в расчете на то, что все это может пригодиться писателям, которые взялись бы за такое важное и нужное дело. Среди них поистине уникальный манускрипт: летопись первых недель и месяцев строительства, которую репортер «Амурского ударника» Михаил Горн вел день за днем со скрупулезной точностью. «За точность дат ручаюсь, — писал Ильин. — Буду очень рад, если мои записи добавят хотя бы лишний штрих к повести».

В-третьих, Ильин излагал в том же деловом и лако-

личном стиле свои замечания в связи с прочитанным в «Литературной газете»:

«1. Никто из писавших о начале строительства Комсомольска-на-Амуре не обратил внимания на соотношение численности, если так можно выразиться, юношей и девушек в первом отряде строителей: юношей было около шести тысяч, а девушек только тридцать. И никто почему-то не отметил, что в той труднейшей обстановке у нас существовало поистине рыцарское — в лучшем понимании слова «рыцарство»! — отношение к женщине. Ни в 1932, ни в 1933 году на стройке не было случаев распутства или поножовщины. Наши юноши, помогая девушкам, сами выполняли женскую работу — были прачками, кухарками, медсестрами, нянями в больнице и т. п. Зато когда возникала любовь, это было настоящее, крепкое чувство, и первые семьи, возникшие тогда, просуществовали не только до серебряных свадеб, но и дольше (например, семья Леонида Лебедева — Марии Дорошевой). Желательно, чтобы писатели когда-нибудь написали об этом.

2. Михаил Кусков, ныне работающий на заводе имени Ленинского комсомола (том самом, который был заложен первым), теперь солидный человек, и он несколько обиделся на вас за то, что вы пишете, как его называли Пупсином, и т. д. Если можно, уточните, что сам он никогда не участвовал в картежных играх. (Охотно уточняем. — Авторы).

3. Алексей Смородов ныне живет в Амурской области и работает, по последним данным, в городе Благовещенске, в облисполкоме.

4. Андрей Гоменюк за это время переменял много специальностей: был шофером, заведовал столовой, а сейчас опять работает по строительной части.

5. Первый строитель Комсомольска Шариков стал доктором философских наук.

6. Первому строителю Игнату Хоменко, участнику Отечественной войны, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

7. Год назад в Комсомольске был создан совет ветеранов Ленинского комсомола, и в его составе — секция первостроителей города, объединяющая около 350 бывших комсомольцев, прибывших сюда по мобилизации 1932 и 1933 годов. Я избран председателем этого совета.

8. Чтобы у вас возникло зрительное представление о сегодняшнем Комсомольске, посылаю 42 фотографии, принадлежащие в большинстве своем объективу бывшего фотокорреспондента «Дальневосточного Комсомольска», а ныне фотолaborанта нашего завода. Это первая, но не последняя посылка, — снимков наберется на целый альбом.

9. Если необходимо, любые материалы буду высылать регулярно...»

Только после этого исполнительный Михаил Горн позволил себе перейти к рассказу о себе самом, о том, где же он, что он, как он, ведь мы не слыхали друг о друге добрые три десятка лет! Но и тут он предпочел начать не с себя — с завода:

«Работаю начальником лаборатории экономических исследований (есть такая у нас на зависть москвичам) на заводе «Амурлитмаш». Завод расположен в пятнадцати километрах от центра города, за поселком Дземги, почти у самых сопок левого берега Амура. Начатый стройкой еще в 1939 году, он был в годы войны заброшен и влачил жалкое существование до 1956 года, когда был превращен в завод литейного машиностроения. Теперь это один из ведущих заводов по производству литейных машин — дает свыше двадцати процентов от общего выпуска их в нашей стране.

Землеприготовительные, формовочные и очистные машины с маркой «Амурлитмаша» хорошо известны не только в Советском Союзе, но и за границей, в частности, в Объединенной Арабской Республике и Индии, где они довольно успешно выдерживают конкуренцию американских и западногерманских фирм.

Наши машины, выпущенные за пять лет семилетки, освободили в отечественной промышленности от тяжелого и малопроизводительного ручного труда свыше полутора ста тысяч рабочих.

На завод «Амурлитмаш» я был переведен по решению горкома партии летом 1956 года и застал здесь самую начальную стадию освоения новой продукции...

Это все — о заводе. Но вот наконец Михаил Ильин вспоминает о себе:

«Времени свободного, как всегда, не хватает, домой возвращаюсь не раньше восьми вечера, и в пору вносить рационализаторское предложение об увеличении продолжительности суток. Семья у меня такая: жена Александра Васильевна, женщина очень эмоциональная, из оренбургских казачек, познакомились мы на Урале в 1940 году, с тех пор и везем семейный воз; потомки наши Владимир — двадцати трех лет, Валерий — семнадцати и Михаил — шестнадцати. Старший работает мастером на заводе имени Ленинского комсомола, младшие учатся в техникуме. Чести стать дедушкой пока не удостоился...

Теперь хочу объяснить, почему я совершил острый зигзаг, уйдя из журналистики в технику. Надо вам сказать, что в 1940 году я осуществил свою заветную мечту — стал студентом Коммунистического института журналистики имени Маяковского в Свердловске (там, в Свердловске, и скрестились наши жизненные пути с Александрой Васильевой). Учился успешно. Думая по окончании института пойти подучиться еще в Высшую дипломатическую школу и стать настоящим международником — вот как!

Но тут грянула война. Уже 1 июля 1941 года меня зачислили на курсы офицеров общевойсковой разведки, хотя во время службы в армии в Даурии в 1934—1936 годах я стал командиром танкового взвода. В декабре в составе 126-й Отдельной стрелковой бригады морской пехоты, укомплектованной тихоокеанцами, вступил в первый бой с немцами под Старой Руссой на Северо-Западном фронте. Потом воевал на Западном Третьем Белорусском, Первом Дальневосточном фронтах. Участвовал в освобождении Вязьмы и Смоленска, Белоруссии и Литвы, вторгнулся в Восточную Пруссию, штурмовал прусские города, в том числе и Кенигсберг, прорывал долговременную японскую оборону на Приханкайском направлении.

Все это даром не прошло. Осенью 1942 года был ранен в ногу, а летом 1945 года контужен на знаменитой высоте Верблюд, откуда мы вышибали японцев.

В итоге с войны вернулся капитаном с чувством удовлетворения и гордости завоеванной победой, но с сильно расстроенной нервной системой и основательно подорванным здоровьем. Поэтому врачи «противопоказали» мне журналистику. Так я спустился с Олимпа на грешную землю — десять лет проработал на заводе имени Ленинского комсомола заместителем начальника планово-производственного отдела, потом начал трудиться здесь, на «Амурлитмаше». На заводской работе, где все же нет таких темпов, как в газете, я немного оправился. О случившемся, конечно, жалею, но не в такой мере, чтобы проклинать судьбу-злодейку. В конце концов дерзкие мечтания юности все же становятся явью: книгу о Комсомольске писать буду, хотя и не один, а в составе большого авторского коллектива, созданного горкомом партии».

А вот огромное послание совсем в другом стиле, но точно в таком же духе. Костя Зангиев никогда не претендовал на журналистику, но от глубины чувств сочинил такое же обширное послание, сопроводив его целой кучей документов: писем от своих друзей, разных справок и газетных вырезок. След Зангиева отыскался в Ташкенте, а почему — об этом мы скажем немного ниже. Перелистывали мы присланный им лирический архив, и перед нами явственно вставало смелое, открытое лицо этого горячего, очень доброго демобилизованного морячка, осетина по происхождению, который не так уж гладко владеет русским языком, но вкладывает душу и сердце в каждое свое комсомольское слово и пользуется поэтому величайшей популярностью.

И вот теперь этот самый веселый и никогда не унывающий Костя Зангиев, он же Хазбулат, прочитав главы так хорошо знакомой ему истории первых лет строительства Комсомольска, расстроился до слез.

«Совершенно случайно, — писал он, — попала мне в руки «Литературная газета» за 23 ноября. Купил я ее в киоске, встал в очередь за апельсинами и стал читать, коротая время. И вдруг вижу — тут написано про Ивана Сидоренко и про всех нас. Я тут же незаметно для себя покинул очередь, прислонился к стенке и начал вчитываться.

Вы не представляете себе, подумать только надо, — я заплакал, и тут одна пожилая женщина посмотрела на меня и говорит: «Зачем плачете, вам тоже достанется апельсинов, сегодня их много привезли, нужно только постоять». А я об апельсинах вообще забыл, их-то я, конечно, купил, но газету положил в боковой карман и, придя домой, еще раз прочел. И сразу вспомнилось все пережитое, и вспомнилась наша комсомольская дружба, к которой так хорошо подходят слова Н. В. Гоголя, сказанные в повести «Та-

рас Бульба» про то, что бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей.

Крепко сроднил нас труд на стройке Комсомольска, и действительно, хорошим примером для современной молодежи можно поставить и Ваню Сидоренко, и Николая Макаренко, и Лешу Смородова, и Леву Качаева, и Николая Крикуна, и Михаила Дурнева, и Петра Кривоносова, и Михаила Шурайда, и малыша Кускова (Пупсика), и Николая Слету, и Марию Дорошеву, и Дусю Сидоренко, и Марию Анисимову.

Вот пишу сейчас и так живо себе представляю все, что мы пережили, и даже свои проделки, за которые так недолюбливал меня тогда наш начальник Каттель, он все грозился мне: «Жаль, что ты не попался мне на глаза, когда такую штуку устраивал, я б тебя в амбар запер, и не стыдно бы тебе было, члену оргбюро комитета, перед комсомольцами?»

Откровенно говоря, я его тогда побаивался, он у нас царь и бог был, но ведь проделки мои выручили стройку, их бы, по-настоящему, надо было считать за трудовые подвиги. Я имею в виду, например, коротко упомянутую вами историю, как мы уворovali с баржи «Клара Цеткин» наковальню для нашей первой кузницы — там она лежала никому не нужная, а у нас без наковальни вся работа стояла.

Вспоминаю сейчас, и самому смешно, а члены комитета делали вид, что они ничего не знают. Вы, наверное, помните их? Секретарем оргкомитета был Сергей Поликарпов, но он на первый паром не поспел (так вот и получилось в суматохе, что мне, рядовому комсомольцу, довелось быть тем смешным оратором на первом митинге, который Грачев описал в «Первой просеке». Мишка Тарлинский мне потом проходу не давал, передразнивал мою речь про медведей и комаров). Были еще в комитете Сергей Шефтелевич, Иван Сидоренко, бригадир-интернационалист Андрианов — в общем, все они перед Каттелем прикрывали мои проделки.

Сейчас можно припомнить много таких интересных историй. Например, о том, как мне пришлось стащить у Каттеля с квартиры из-под письменного стола драгоценный для нас, монтажников электростанции, кусок олова. Я за тем оловом летал во Владивосток на самолете, но дали нам кусок весом всего в три килограмма. Каттель половину отдал нам, а вторую спрятал под стол. «Это, — говорит, — для нас все равно, что золотой самородок». Но нам олова не хватило, и работа стояла. Что было делать? Пришлось пойти на риск...

А история о том, как я ездил за портянками в Хабаровск к самому маршалу Блюхеру? Эти портянки нам были нужны до зарезу. Помните, нам прислали целую баржу лаптей, а носить их было не с чем, требовались онучи. Ну и казус же получился тогда с этими портянками! Я добрался до маршала, и у нас был большой разговор. Не пойму я одного — как он меня не прогнал за нахальство; но это был замечательный человек, и он понял, почему я такой назойливый. После нашего разговора секретарь обкома комсомола Петя Листовский провел в Хабаровске настоящий аврал по сбору портянок — были мобилизованы все секретари комитетов комсомола портовых и складских организаций; заведующие магазинами и складами буквально трепетали. В общем, Комсомольск был немедленно снабжен портянками из самых разных сортов ма-

терии, всех цветов радуги, а маршал Блюхер, приехавший потом к нам по делам, выступил на собрании комсомольского актива и, улыбаясь, сказал: «Хорошо, что Костя Зангиев пока не очень владеет русским языком, не то мне пришлось бы очень жарко...»

Среди бумаг, присланных Зангиевым, мы нашли обрывок «Комсомольской правды» с его заметкой «Отзовитесь, друзья», опубликованной накануне двадцатипятилетия Комсомольска-на-Амуре. В этой заметке он пояснял, почему не вернулся в родной город после войны, которую он, как и большинство его сверстников, провел на фронте с первого до последнего дня:

«Уезжая на фронт, я обещал вернуться обратно к себе в Комсомольск, который стал для меня второй родиной. Но слова не сдержал: в боях с фашистами был тяжело ранен и контужен. Сейчас здоровье не позволяет мне вернуться на Дальний Восток. Но куда бы ни забрасывала меня судьба, везде старался я оправдать доверие своих земляков. За участие в Великой Отечественной войне имею шесть правительственных наград. Звание — капитан. Рядом с боевыми орденами гордо ношу я значок «Почетный строитель города Комсомольска-на-Амуре № 28».

И тут же — письма от друзей, полученные в ответ на эту весточку в «Комсомольской правде». Вот одно из них, присланное первостроителем Федором Куликовым. Это длинный увлекательный рассказ:

«Костя, дорогой! Прихожу я сегодня на работу и вижу, как мой заместитель бежит по коридору редакции, размахивает газетой и кричит: «Костя нашелся, Костя, тот самый товарищ, о котором нам рассказывал Куликов!» Я сразу догадался, что речь идет о тебе. Совсем недавно в связи с подготовкой к юбилею Комсомольска я вспомнил о друзьях, и в том числе о тебе я говорил в прошедшем времени: «Хороший был парень, да вот пропал без вести, наверное, фашисты замучили...» Но как из песни слова не выкинешь, так и твоего имени не вычеркнешь из истории нашего города. О твоих делах тут помнят, о них рассказывают молодежи экскурсоводы в городском музее, там есть твои фотографии, вырезка из «Амурского ударника», о тебе вспоминают твои друзья в своих выступлениях перед молодыми строителями. Как видишь, Костя, попал ты в герои, влил в историю города, и ничем твоего имени не выскоблишь...

Теперь отвечу на некоторые твои вопросы. Ты спрашиваешь, как у нас идут дела, каковы перемены в нашей жизни.

Многие ребята (опять я пишу — «ребята!» У этих «ребят» дети уже институты окончили и работают вместе с ними, но друг друга они по-прежнему, по-комсомольски, называют «ребята») живут в тех же домах, какие они сами соорудили, работают на заводах, которые сами возводили, сматрывают фильмы и спектакли в кино и театрах, являющихся творением их рук.

Они, конечно, изменились — время свое берет, — изменились

не только внешне, переменялось, если можно так сказать, их трудовое положение. Тот, кто корчевал тайгу, например, Гриша Андрианов, стал отличным знатоком полиграфической техники, работает механиком в городской типографии. Тот, кто был курьером, например, Михаил Кусков, является руководителем одного из ответственных участков на заводе, который ты строил. Столяр Петр Крывопосов, пятидесятилетие которого недавно отмечала общественность города, закончил без отрыва от производства техникум и работает на своем заводе так же добросовестно, как всегда.

А Вася Якуба? Этот дьявол — строитель до мозга костей! Чего только он не строил в Комсомольске! Начал с простого дела — копал землю, заготавливал речной амурский песок, гравий, ломал камень, делал кирпич. А кончил знаешь кем? Начальником крупного строительства! Он соорудил в Комсомольске вторую мощную теплоэлектростанцию. Дать бы Васе высшее образование — до больших постов дорос бы! Если бы ты его сейчас увидел, ты бы сказал, что этого человека время не берет — столько в нем задора и энергии, хотя он уже поседел. Встретил я его как-то на собрании партийного актива: «Как, — спрашиваю, — живешь?» — «Все воюем!» И это не фраза — как начал воевать против ругинеров и перестраховщиков четверть века назад, так и воюет «Какие успехи?» — спрашиваю. «Пока синяки да шишки, очередной выговор получил, — весело отвечает он. — Не беда, выговор снимут, а дело сделано...»

Оказывается, Вася затеял на свой страх и риск строительство тепличного комбината на отходах тепла от ТЭЦ. Средства на это никто не отпускал. Его начали ругать за нарушение финансовой дисциплины. Но уж если Вася за что-либо взялся, не отступит. Поехал в Москву, добрался до самого министра, тот внял, отпустил средства и материалы. И вот тепличный комбинат существует, на двух тысячах квадратных метров и зимой и летом растут огурцы, помидоры, лук, петрушка; столовые города получили к Первому мая сотни килограммов свежих овощей. Вот он какой. Вася Якуба!..

Хочу еще сказать тебе, что Комсомольск стал настоящей кузницей кадров. Наших первостроителей можно встретить буквально повсюду — на Камчатке, Сахалине, в Магадане, Владивостоке, Благовещенске. Даже в Москве и Ленинграде! Вышли из нашей среды и дипломаты, и генералы, и партийные работники, и ученые, и писатели, и газетчики. Вот и я сменил лом землекопа на перо журналиста. В 1949 году мне посчастливилось попасть в Высшую партийную школу, там я учился три года на одном курсе с нашим знаменитым земляком, бывшим мотористом катера Дальпромстроя Алексеем Маресевым, Героем Советского Союза Ты, конечно, его помнишь. Учился он упорно, терпеливо, кончил Высшую партийную школу — подался в Академию общественных наук, закончил и ее успешно, как и положено настоящему человеку.

Годом раньше нас закончила Высшую партийную школу комсомольчанка Аня Медведева. Помнишь, она работала столяром на лесозаводе, потом была на комсомольской работе с Андреем Шанауровым и Исааком Минкиным? На год позже меня поступил в Высшую партийную школу бывший секретарь комсомола Дальпромстроя Вася Романов, он был потом в Комсомольске секретарем горкома партии...

Было уже пора закругляться, как вдруг почтальон принес письмо из Рязани, от Николая Поваренкина. Надеюсь, не забыл ты его, черта лысого, — он работает сейчас корреспондентом «Известий», но думает все о нашем городе, где он потерял буйные кудри свои. Прислал мне большой цикл стихов «Из дневника строителя». В его воображении город живет все таким же, каким он видел его много лет назад. Тайга, пень, гнус, болото, мари — это неперемненные слова, без которых и стихов-то у него не получится. Читаю его и думаю, что до самого гроба он будет воспевать кипучую юность и будет вечно молодым.

Вот на этом пока и закончу. Очень прошу тебя, Костя, откликнуться. Крепко жму руку...»

Глубоко растроган был этим и многими другими полученными письмами Костя Зангиев, сберег их все и вот прислал теперь нам как коллективный отчет первостроителей о честно прожитых годах. А чтобы никто не подумал, что сам он в «Ташкенте — городе хлебном» успокоился, притих, пригревшись на солнышке, прислал также — по всей форме, за подписями и печатами — кучу справок и характеристик с каждого места работы.

«Могу сказать одно, — скупой приписал Костя Зангиев к пачке этих немногословных, но говорящих о многом документов, — дух и свежесть старого комсомольца у меня пока что не выветрились. Где бы я ни был, всегда старался оправдать доверие, которое мне оказывалось...»

Вот так и продолжали воевать на разных фронтах жизни первостроители Комсомольска, и много, я думаю, интересных книг напишут наши писатели об их путях-дорогах. Но больше всего, пожалуй, заслужил любви и внимания один из самых замечательных людей, посвятивших себя строительству этого города, — Ваня Сидоренко, о делах которого в меру сил и возможностей своих пытались мы рассказать в этой хронике. Теперь его друзья прислали нам много поистине волнующих писем и документов, показывающих, что с тех пор, когда мы в последний раз виделись с ним в Комсомольске, этот человек вырос в настоящего героя нашего времени, жизнь которого должна войти во все хрестоматии для юношества.

И как не привести здесь подборку строгих и выразительных по документальности фактов, относящихся к последнему периоду жизни этого человека, имя которого недавно было присвоено школе № 11 Комсомольска-на-Амуре и одной из улиц этого города.

Из записок Ивана Сидоренко, хранящихся в музее города Комсомольска (записи сделаны в 1936 году).

«Брожу, брожу по тайге, думаю, восхищаюсь просторами родной земли. Сколько у нее еще загадочного, неизведанного! Страшны эти места — глухие урочища, распадки... Тайга может много дать людям, но и дорого берет за это. Здесь не нужны слабые духом люди, корыстные и бесчестные. Пусть придут в эти места смелые и сильные, пусть придут с открытым сердцем, с верой в то, что полюбят этот прекрасный Дальневосточный край».

«В Центральный Комитет ВКП(б) (копия в партком строительства металлургического завода) от члена ВКП(б) Сидоренко И.

Работая на строительстве Амурского металлургического завода в течение шести месяцев, я не знаю, когда и в какой срок мы должны построить завод. И знает ли кто-либо эти сроки? А ведь сроки — основной стержень мобилизации масс на выполнение плана. Мне же известно, что эти планы не выполняются, хотя завод строится давно.

С этим письмом я обращаюсь к вам, товарищи, потому что в период работы комиссии ГУМПа, которая изучала отставание строительства, я, беседуя с председателем комиссии Ивановым, задал вопрос: «Почему Амурский металлургический завод, по-моему, исключительно нужный для Дальнего Востока, и в частности для Комсомольска, строится уже три года, а сроков окончания строительства, хотя бы по очередям, не имеет? Ведь затяжки омертвляют капиталы!» На это Иванов ответил мне: «Чего вы суετε нос не в свое дело? Эти вопросы решает товарищ Сталин. Прежде чем строить, нужно все взвесить — и внешнюю, и внутреннюю обстановку. Здесь же, на Дальнем Востоке, это особенно надо учитывать. Мы не имеем права строить завод, чтобы его потом пришлось взорвать».

Это подлинные слова Иванова. И вот, вдумываясь в этот ответ, я спрашиваю себя: «Почему я, простой коммунист, строитель, не должен жить перспективой завода, родного города, страны?» И вообще в Комсомольске меня интересуют не только сроки строительства завода, а каждое сооружение, каждый дом, так как мне пришлось начинать Комсомольск с корчевки тайги, с первого дня.

И еще. Неужели через двадцать лет после победы Советской власти нет уверенности, что трудящиеся Союза смогут защитить этот завод, как и всю Страну Советов?

Меня, прожившего в Комсомольске шесть лет, работавшего здесь по колено в воде, перенесшего цингу, голод, глубоко волнует судьба города, который построен в глухой тайге. Я горжусь, что и мой труд вложен в этот город. Я горжусь победой большевистской партии, счастлив, что являюсь ее членом. Вот почему не дает покоя мысль: неужели труды наши могут пропасть даром?

Поэтому считаю, что о сроках строительства заводов и городов у нас должны думать все трудящиеся. Меня возмущает затяжка строительства металлургического завода. И неясен ответ председателя комиссии ГУМПа Иванова.

Возможно, я ошибаюсь, но опыт, приобретенный мной на строительстве ХТЗ и Днепрогэса, подсказывает, что строить на Дальнем

Востоке надо быстрее и надо работать стахановскими методами труда.

18 ноября 1938 года».

Иван Сидоренко одним из первых ушел в армию, как только грянула война, доблестно воевал и героически погиб в битве на Волге. Вот пять его писем своим близким, написанные в те годы:

«Здравствуйте, мои дорогие Дуся, мамаша, детки Коля; Юра, Петя, Вася! Наконец-то у меня есть новости. Скоро я уезжаю на фронт! Скорей бы настал этот час. Знаю, Дуся, ты поймешь мою радость. Знаю, что трудно, горько придется тебе одной с детишками. Верю, однако же, что ты все вынесешь.

Дуся, ты пишешь, что хочешь приехать ко мне и показать сына Василия. Конечно, Василька я посмотреть очень хочу, не видел его, не поцеловал ни разу. Но мучить тебя и его не имею права. Ехать по такому холоду до Хабаровска! А потом тебе пешком идти километров тридцать.

Встретимся, когда кончится война. А если придется в борьбе с врагом погибнуть, то расскажешь Васильку, каким был его отец. Это не просьба, а наказ мой тебе, Дуся, расскажи детям обо всем, что мы пережили с тобой. Пусть они не думают, что жизнь подобна прогулке по красивому бульвару. Целую всех Ваш Иван.

14 февраля 1942 года. Хабаровск».

«Здравствуй, Дуся! Наконец-то я уехал на фронт. На всем пути нас горячо встречало и провожало население. Особенно ребяташки. Такие же, как у нас с тобой, Дуся. Даже такие, как Петя, в те мажут ручонками и цветы бросают.

Береги себя и ребят. Целую тебя, мамашу, Юру, Колю, а Петушка дважды. Целую Василия

В следующем письме вышлю фото Васильку. Пусть сыну будет память об отце».

(Без даты).

«Дуся, здравствуй! В общем, мы деремся здорово, по-дале невесточному. Фашисты чувствуют наши удары. Только самолетов маловато, а фашисты нас бомбят, но это и не так страшно.

Пишу эти строки под гул артиллерии и разрывы фашистских мин, лежу в окопе, зарывшись в землю, а значит — в безопасности. Но скоро атака, к которой я готовлю гранаты. Ношу их в сумке, в карманах и сплю на них. Верю, они меня выручат

До свидания, ваш Иван»

(Без даты).

«Здравствуйте, мои дорогие Дуся, мамаша, детки! Дуся, опиши, как прошел праздник пуска «Амурстали». Пусть тебе расскажет Миша Некалов, а еще лучше, если он сам хоть в маленькой записочке сообщит.

Привет мамаше, ребятам — Коле, Юре, Петушку, Васе. Послал вам фотокарточку. Отвечай на мои письма обязательно. Сообщай, как здоровье мамы, Юры.

До свидания.

1942 год».

«Здравствуйте, Дуся, мамаша, Коля, Юра, Петя, Вася! Это письмо пишу вам под разрывами снарядов и свинцовым дождем пулеметов и автоматов, но, несмотря на это, я жив и здоров, почти не ранен, хотя все время нахожусь на передовой и бью фашистов.

Особенно был большой бой 3 августа, в котором я лично из снайперской винтовки убил десять фашистов. Возможно, об этом вы прочтете в сводке Информбюро. Возможно также, вы получите извещение, что я убит 5 августа, но не верьте, так как я был окружен и унал под пулеметным огнем фашистов и в часть попал только на второй день, когда меня уже занесли в списки убитых.

Как видите, я воскрес.

Вот и все. До свидания, мои дорогие.

8 августа 1942 года».

Это было последнее письмо. За ним вскоре пришла-таки похоронная. Второй раз Ваня не воскрес...

Таким вот и кончил свой путь Иван Сидоренко — таким самым, каким впервые один из нас увидел его за двенадцать лет до этого на лесах строительства Харьковского тракторного завода. Он командовал тогда Первым комсомольским сквозным батальоном красногвардейцев пятилетки, ставя один за другим мировые рекорды по укладке железобетона: 501, 669, 801, 937 замесов за смену, и это при условии, что научно обоснованная теоретическая возможность никак не должна была превысить цифру 501. А вот Ваня Сидоренко взял и добрался до 937 замесов. Построили завод до срока, и он весело, по-ребячьи, воскликнул, обращаясь к друзьям: «Какой завод, а? Не завод, а лялечка...»

Могли ли мы думать тогда, что через двенадцать лет этот красавец завод будет лежать в дымящихся руинах, а его строитель Ваня Сидоренко падет мертвым, защищая грудью свой второй тракторный гигант, которым мы тоже тогда безмерно гордились, — завод имени Дзержинского на Волге-реке?

То было адски тяжелое время, гнулась и трещала даже сталь, но бывший командир батальона красногвардейцев пятилетки, которому довелось командовать батальоном красноармейцев, до конца сохранял присутствие духа и веру в победу. Он твердо считал, что фашисты будут биты, иначе и родиться на свет не стоило бы.

И вот прошло еще два десятилетия, и в Комсомольске-на-Амуре гордой поступью идет по улице имени Ивана Сидоренко вся его семья: поседевшая Евдокия Петровна Сидоренко, памятная нам по стройке Дуся, а с нею четыре молодых богатыря-красавца, румянец во

всю щеку, курчавые черные чубы, как у отца, — Николай, бывший матрос, а ныне слесарь, готовящийся к защите диплома на вечернем отделении политехникума; Юрий — технолог завода; Петр — мастер завода, и самый младший — слесарь Василек, тот, которого не успел поцеловать отец. Все четверо получили среднее техническое образование. У Николая уже своя семья, растёт сынишка Ваня, названный так в честь покойного деда-комсомольца. Всех сумела вынучить в лихую годину, вырастить без отца, поставить на ноги, обучить наша скромница Дуся, станочница второго деревообделочного комбината, награжденная орденом Ленина. И представьте себе, до сих пор не хочет оставлять работу, отказывается переходить на давно уже заслуженную пенсию. Не только ордена давать — памятники при жизни полагалось бы ставить таким матерям!

«А если придется в борьбе с врагом погибнуть, то расскажешь Васильку, каким был его отец. Это не просьба, а наказ мой тебе, Дуся, — писал Ваня Сидоренко перед уходом на фронт. — Расскажи детям обо всем, что мы пережили с тобой. Пусть они не думают, что жизнь подобна прогулке по красивому бульвару...»

Нет, они этого не думают, Ваня. Дуся правильно их воспитала. И, раздумывая над судьбами этой семьи, типичной семьи первостроителей, мы невольно пришли к выводу, что история ее как бы вобрала в себя всю живую сущность того подвига, который был совершен в 1932 году комсомольским десантом в дремучей тайге и продолжен, словно эстафета, вплоть до нынешних дней, когда дописываются эти строки.

Многих мы потеряли на этом пути. Нет с нами Ивана Сидоренко. Где-то там же, на Волге, погиб в бою и Макаренко, тот самый, что так упорно соревновался со Смородовым за право закладки первого камня, помните, он занял тогда второе место... Умер Лева Качаев. Ушли из жизни многие другие герои нашего повествования. Но растёт, крепнет, раздается в плечах, набирается ума и опыта второе поколение строителей Комсомольска, продолжая большое дело, начатое отцами.

Помните, как в своем письме Лева Качаев рассказывал о злоключениях сына, крохотного Геннадия, который в трудное лето 1939 года переболел подряд скарлатиной и корью и едва выжил? Теперь его зовут уже Геннадий Львович, и он работает технологом на заводе,

выросшем на месте тех болот, по кочкам которых когда-то прыгал отец, веселый и неутомимый комсомолец, обутий в лапти. Там же работает и его мама, Нина Тимофеевна Боровицкая, она — начальник административно-хозяйственного отдела, а в свободные часы нянчит внука, названного Лево́й в честь деда. Сестра Геннадия, Лера, успела закончить институт, работает в Ленинграде. Судьба этой семьи, пожалуй, типична для первостроителей...

А город всё растет, тесня тайгу. Вокруг него рождаются новые стройки, поселки, города, и планы строителей год от года становятся все грандиознее. И, пожалуй, глубоко был прав сын Вани Сидоренко Василек, когда записал в своем дневнике, обращаясь к отцу, которого так и не довелось ему повидать:

«Прости меня, папа, но то, что сделано было на Дальнем Востоке тобой и твоими друзьями, всего лишь капля в море. Иногда мне кажется, что настоящая работа здесь еще и не начиналась. Был я в Солнечном, Амурске — в новых городах, о которых ты только мечтать мог, которые появились на карте благодаря Комсомольску. Смотрел, и, честное слово, дух захватывало. А дальше... Дальше нетронутая тайга, а в тайге геологи. Открывая месторождения, они тут же дают названия будущим городам. Обязательно вырастут здесь эти города! Лунный, Красивый, Фестивальный, Спутник, Восток-2. И вот разбирают меня сомнения: учиться или где-нибудь на строительстве Лунного работать? Хочется быть и там, и там... А пока живу и тружусь в родном Комсомольске. Не хвастая, скажу, что работаю неплохо, тебе не пришлось бы за меня краснеть».

Эпилог

Завершая еще десять лет спустя подготовку к печати этой хроники, работа над которой растянулась в силу различных обстоятельств на четыре десятилетия, мы снова и снова встречались с ветеранами стройки, еще остающимися в строю, беседовали с нынешними жителями Комсомольска-на-Амуре, перелистывали страницы газеты «Дальневосточный Комсомольск», преемницы и продолжательницы «Амурского ударника», о котором мы рассказали в главе «Лесная газета».

Что и говорить, сегодняшний день Комсомольска таков, что о нем не могли даже и мечтать герои этой книги. Как ни сильна была их необузданная фантазия, они не могли даже вообразить, что на месте тайги, которую они корчевали «нахальным» методом, вырастет огромный город, крупнейший индустриальный и культурный центр Дальнего Востока.

В знаменитом кинофильме Сергея Герасимова «Комсомольск», который был снят незадолго до того, как мы прибыли в этот город, есть такой кадр: по тайге, среди свежевыкорчеванных пней пробираются девушка и парень. И вдруг этот парень торжественно произносит, показывая рукой: «Здесь будет проспект Ленина». Это не выдумка, факт: у нас сохранились наши фотографии, на которых таблички с названиями улиц прибиты к вековым соснам в лесу. А теперь проспект имени Ленина существует в Комсомольске наяву. В том же месте, где Герасимов снимал своих героев, лежит залитый асфальтом проспект Мира. И еще есть в городе свыше пятисот улиц. Свыше пятисот! А сорок лет назад была лишь одна — проходила она вдоль реки — там, где находилось село Пермское.

На берегу Амура выросли высокие здания, в том числе Дворец молодежи, окруженный голубыми елями, привезенными с далекого Кавказа. Именно в этом месте в мае 1932 года причаливали первые пароходы с комсомольцами, об этом напоминает своеобразный памятник — огромная каменная глыба, положенная на берегу, с такой простой и даже будничной надписью: «Здесь 10 мая 1932 года высадились первые комсомольцы — строители города».

В «Дальневосточном Комсомольске» мы с интересом прочли, что там сейчас обсуждается проект застройки главной улицы города — проспекта Первостроителей. До сих пор ее преднамеренно откладывали, хотелось, чтобы этот проспект, находящийся в самом центре, стал достойным архитектурным памятником подвигу первых комсомольцев, пришедших в тайгу, но технические возможности долго этого не позволяли.

Дома в городе строились в большом количестве — это были кирпичные, каменные, железобетонные сооружения в четыре-пять-шесть этажей, такие же, как и всюду, но проспекту Первостроителей требовались поистине величественные сооружения. Поэтому, когда приезжие,

видя в центре города пустое пространство шириной в сто метров и длиной в два километра, удивленно спрашивали, что это такое, жители города неизменно отвечали: «Потерпите! Здесь будет главный проспект!»

В 1968 году в Комсомольске был сооружен первый девятиэтажный дом из кирпича. Архитекторы города все же сказали: «Подождем, торопиться не будем». В 1972 году здесь был построен первый большой дом из крупных бетонных панелей. Архитекторы опять сказали: «Потерпим еще немного». В 1975 году началась подготовка к сооружению первого четырнадцатизэтажного дома. Архитекторы сказали: «Вот теперь пора подумать о застройке проспекта Первостроителей».

Замысел их таков: поставить здесь крупные здания, сооруженные по индивидуальным проектам. И это будут в основном жилые дома. Вместе с новыми жильцами в них как бы незримо войдут и Сидоренко, и Крикун, и Макаренко, и многие другие первостроители, которые когда-то, сооружая на этом самом месте свои первые шалаши, а потом бараки, мечтали о таких домах. Они не дожили до нынешних дней, но в памяти города живут и будут жить всегда.

На проспекте Первостроителей уже заложен первый 517-квартирный дом, а всего здесь будет триста шестьдесят тысяч квадратных метров жилой площади. Строители хотят, чтобы это были не только удобные, но и красивые дома. Решено срочно построить цех цветной облицовочной плитки, чтобы было чем отделать лучшие здания города...

В начале тысяча девятьсот семидесятого года журнал «Дальний Восток» выпустил специальный номер, посвященный городу юности, как давно уже зовут в народе Комсомольск-на-Амуре. Мы горячо рекомендуем тем, кому близка и дорога эта тема, разыскать в библиотеке эту небольшую, но необычайно емкую коричневую книжку. В ней можно найти огромное количество сведений не только о геройском прошлом, но и о столь же геройском настоящем города и его обитателей — они с той поры нисколько не устарели; изменились лишь некоторые цифры, разумеется, в сторону повышения.

Секретарь горкома партии А. Р. Буряк в своей большой статье обстоятельно показал, как рождение и развитие Комсомольска-на-Амуре в корне преобразовало

весь Средний Амур. О том, каким был этот край раньше, красноречиво свидетельствуют приведенные им высказывания представителей либерального земства, обследовавших Дальний Восток в 1908 году: «Вся история края, — писали они, — полна лишь взволнованного бездействия, которое царствует... в петербургских и иных канцеляриях. На всем этом останавливаться тяжело и больно. Кто любит Дальний Восток? Сорвать клок шерсти и уйти вовремя — вот здешний лозунг». И Буряк, противопоставив этому сегодняшнюю действительность Комсомольска, пишет:

«Настало время, когда мы можем торжественно заявить: да, есть такие люди, которые пламенно и беззаветно любят свой родной процветающий Дальний Восток. Это наши советские люди, не жалеющие сил, чтобы сделать свой край еще краше, еще богаче».

Вот красноречивые сведения: еще четыре десятилетия тому назад на огромной территории Среднего Амура, где могли бы разместиться несколько европейских государств, насчитывалось всего около шести тысяч жителей. Теперь же, когда сооружены Комсомольск и его города-спутники — Амурск и Солнечный, здесь живут и трудятся свыше трехсот тысяч человек. Стало быть, население Среднего Амура за эти годы выросло ни много ни мало в пятьдесят раз!

Что же касается самого Комсомольска-на-Амуре, то вот как рисовал нынешний руководитель городской партийной организации его облик в 1970 году:

«Сейчас в городе 240 000 жителей. Средний возраст горожан — комсомольский.

Заводы и фабрики города дают примерно одну треть всей промышленной продукции Хабаровского края. Это сталь и прокат, литейные машины и подъемные краны, мощные современные ледоколы и одежда, нефтепродукты и многие другие промышленные изделия.

Продукция предприятий Комсомольска экспортируется в десятки зарубежных стран.

В школах Комсомольска — десятки тысяч учащихся. К этому надо прибавить несколько тысяч студентов — в городе работают политехнический и педагогический институты, несколько техникумов и профшкол. Есть музыкальные училища. В целом где-нибудь и чему-нибудь учится каждый четвертый житель Комсомольска.

В распоряжении горожан — Дом молодежи, прекрасно оборудованные Дворцы культуры, клубы, кинотеатры, городской драматический театр, музеи, библиотеки.

Комсомольск принимает по системе «Орбита» прямые телевизионные передачи из Москвы. Кроме того, здесь работает собственный центр телевидения...

Сорок лет, разумеется, немалый срок. Но не следует забывать о том, что в эти годы вклинилась четырехлетняя война, наложившая свой суровый отпечаток на развитие города, — сначала война против гитлеровской Германии, потом — против империалистической Японии. Комсомольск внес немалый вклад в эту борьбу, в полной мере сказались результаты того героизма, которым первостроители обеспечили небывало высокие темпы стройки в труднейших условиях тридцатых годов.

Комсомольчане, — так зовут себя строители и жители города юности, — успели не только соорудить заводы и не только смонтировать на них оборудование, но и освоить его.

В то время, когда мы собирали материалы для этой книги, в Комсомольске лишь начиналась подготовка к строительству металлургического завода. А уже зимой 1942 года, в трудное военное время, этот завод дал свою, амурскую сталь, и эта сталь вскоре начала разить гитлеровских оккупантов.

Да, даже в самые трудные годы войны здесь не прекращалось строительство. В строй вступало одно предприятие за другим. С далекого Сахалина сюда провели нефтепровод, и сооруженный на берегу Амура завод начал перерабатывать полученную оттуда нефть. Новая линия железной дороги соединила Комсомольск с побережьем Тихого океана — поезда зимой переходили Амур по льду, а летом их переправляли на паромках.

Но для развития самого города, естественно, не оставалось ни сил, ни средств. Только после войны, особенно в шестидесятые и семидесятые годы, для этого были найдены возможности.

Какие заботы одолевают сейчас сыновей и внуков первостроителей, принявших вахту у отцов и дедов, чем они заняты, каковы плоды их деятельности? Опять-таки прежде всего производственные, это у них в крови.

Корабелы Комсомольска сейчас сооружают великолепные суда. Спущенный ими на воду несколько лет

тому назад дизель-электроход «Василий Федосеев» способен перевозить тысячи тонн грузов на далекие расстояния, прокладывая путь во льдах, это и грузовое судно, и ледокол. А один из ледоколов, сооруженных ими, участвовал в высадке на дрейфующую льдину очередной советской экспедиции — «Северный полюс».

Вырос и окреп завод «Амурсталь». Сейчас этот завод поставляет стране тонколистовую сталь, средний стальной лист, сортовой прокат, специальные стали, кровельное железо, белую жечь, столь необходимую для рыбоконсервной промышленности Дальнего Востока. Завод непрерывно расширяется. Работает он отлично, 18 февраля 1976 года было объявлено, что он вышел победителем во Всесоюзном соревновании по итогам за четвертый квартал, сохранил переходящее Красное знамя министерства и ЦК профсоюза и был награжден грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

С полной нагрузкой работают нефтеперерабатывающий завод, завод литейных машин «Амурлитмаш», продукция которого идет в Болгарию, на Кубу, в Ирак, Бирму, Вьетнам, Монголию и другие страны, завод подъемно-транспортного оборудования, чьи краны работают нынче на Волжском автозаводе в городе Тольятти, и многие, многие другие. А вокруг Комсомольска ширятся, растут его города-спутники — там варят амурскую целлюлозу, добывают олово, запасы которого обнаружили несколько лет тому назад там, куда ранее комсомольчане ходили охотиться...

Теперь пришло время развернуть в Комсомольске и такие отрасли промышленности, до которых раньше руки не доходили и которые в тридцатые годы считались немислимой роскошью. Здесь работает теперь, к примеру, швейная фабрика и даже кондитерская фабрика, изготавливающая шоколадные конфеты «Птичье молоко», кстати, удостоенные Знака качества. Могли ли мечтать об этом первостроители? Добавим к этому, что в предновогодние дни городская газета писала, что в город доставлены и проданы к празднику сотни тонн апельсинов и яблок, а Гастроном № 3 готов по заказу изготовить в своем кондитерском цехе и доставить на дом торт любых размеров...

Чего только не делают в Комсомольске! В номенклатуре производимых нынче здесь изделий — прокат и детские велосипеды, мостовые краны и мороженое, литей-

ные машины и прогулочные катера «Амур», мебель и сборный железобетон, ножи из нержавеющей стали и стерильные машины, обувь и одежда, колбаса и пиво и многое, многое другое.

В дни, когда эта книга сдается в печать, Комсомольск-на-Амуре живет под впечатлением от XXV съезда нашей партии, в котором участвовали делегаты от его партийной организации. «Дальневосточный Комсомольск» опубликовал фотографию, которая первостроителям показалась бы в тридцатые годы каким-то колдовством: жители города сидят у телевизора (тогда даже этого слова еще не было) и глядят, как в далекой Москве, стоя на трибуне, Генеральный секретарь ЦК Л. И. Брежнев выступает с Отчетным докладом.

К съезду Комсомольск пришел с выдающимися производственными показателями. 24 февраля 1976 года руководитель городской партийной организации, делегат партийного съезда А. Р. Буряк писал в «Дальневосточном Комсомольске»:

«Трудящиеся ордена Ленина Комсомольска-на-Амуре (да, да, на знамени Комсомольска ныне красуется орден Ленина, заработанный героическим трудом его граждан!) досрочно выполнили задания в девятой пятилетке. Уже к 1 сентября 1975 года было завершено выполнение пятилетнего плана по объему производства и к 1 декабря — по реализации продукции. Производительность труда за годы пятилетки возросла на 56,8 процента. Восемнадцать видов изделий присвоен государственный Знак качества. За годы пятилетки реализовано сверхплановой продукции на 207 миллионов рублей. Объем промышленного производства вырос на 63,9 процента».

Вы представляете себе, за одну пятилетку комсомольчане увеличили объем промышленного производства более чем в полтора раза! Вот уж поистине «шаги саженей», как писал поэт.

Крупнейшим событием в жизни города явилось завершение строительства гигантского железнодорожного моста через Амур — его колоссальные бетонные быки прочно встали посреди стремительных вод реки, которые когда-то чуть не погубили беднягу Лену Нищенко, когда ее, раненую, везли на лодке в ненастный день. Теперь уже не нужны ни паром летом, ни рельсы по льду зимой. Поезда с грохотом проносятся по мосту один за другим,

связывая Комсомольск с побережьем Тихого океана. Это плечо БАМа уже работает, и работает отлично!

Товарищ Л. И. Брежнев, поздравляя с победой строителей этого чудо-моста, завершивших свою работу за три месяца до намеченного срока, писал, что успех этот был достигнут благодаря «героическому труду, творческому поиску, внедрению производственных технических решений и новых методов строительства. Одержанная победа стала возможной в результате широко развернувшегося социалистического соревнования, большой организаторской и политической работы партийных, профсоюзных и комсомольских организаций».

Как было подчеркнуто в этом приветствии, открытие движения по новому мосту через Амур имеет важное народнохозяйственное значение, обеспечивает еще один транспортный выход на побережье Тихого океана, позволяет значительно увеличить провозную способность существующей железной дороги на участке Комсомольск-на-Амуре — порт Ванино и является убедительным доказательством того, что курс партии, направленный на ускоренное развитие производительных сил Дальнего Востока, осуществляется успешно.

Вот почему весь город чествовал героев стройки этого моста, щедро награжденных правительством высокими наградами за их свершение. А вскоре из Комсомольска по зимнику ушли караваны с грузами на стройку нового моста на трассе БАМ — моста через своювольную таежную реку Амгунь. Комсомольск становится важной базой строительства этой новой железнодорожной магистрали. Зимой 1975/76 года там в этой связи начали сооружать ударными темпами завод, где будет ремонтироваться техника строителей БАМа.

Соревнование рождает новых и новых героев. Ими становятся те, кого и на свете не было, когда первостроители закладывали город. Но они достойно, с честью продолжают развивать традиции, заложенные отцами и дедами. Когда Комсомольск отмечал 58-ю годовщину Октября, о досрочном завершении своих пятилетних планов рапортовали 433 смены и бригады, более 6500 человек. В городе выросли Герои Социалистического Труда, тысячи кавалеров орденов Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Трудовой Славы и других.

И что особенно приятно нам, людям старшего поко-

ления, еще остаются в этом золотом строю и ныне перво-строители, хоть их и немного осталось.

Гремит, к примеру, в городе слава о Михаиле Трифонове, за его плечами сорок лет трудового стажа, а ныне он — Герой Социалистического Труда, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, медалей и знаков победителя социалистического соревнования.

«Кажется, совсем недавно это было, — писала газета «Дальневосточный Комсомольск» 24 февраля 1976 года. — Скрипучая теплушка. Месяц в дороге. Деревенский мальчишка Мишка Трифонов, впервые увидевший наш город, оторопел — куда пойти, что делать? Поступил в техникум, но учиться не пришлось — началась война. Работать приходилось много — от восьми до восьми. А летом сорок второго года пришлось однажды пробыть в цехе пять суток, отлучаясь только, чтобы перекусить...»

Да, суровую школу прошел этот паренек, с которым мы разминулись тогда, перед войной, — он принадлежал уже ко второму поколению «отцов города». А теперь Михаил Трифонов — знатный деятель Комсомольска, один из любимцев молодежи. Он руководит бригадой слесарей на своем заводе, всегда и всюду проявляющей боевую инициативу. И не случайно, когда комсомольчане выбирали своих делегатов на XXV съезд партии, они одним из первых назвали имя Трифонова.

Вечером 27 февраля 1976 года его бригада послала в Москву телеграмму:

«Москва, Кремль, XXV съезд КПСС, делегату Комсомольска-на-Амуре М. Л. Трифонову. Уважаемый Михаил Лаврентьевич! Рады сообщить вам, что обязательства, взятые бригадой в честь съезда, выполнены досрочно. Продукция, изготовленная нами, передана для дальнейшей обработки. Отличное качество гарантировано».

Растроганный вниманием бригадир тут же спустился в нижнее помещение Дворца съездов, где стояли телефонные аппараты, связывавшие мгновенно делегатов со всеми концами страны, и позвонил своим орлам. Он поблагодарил их за хорошую работу, рассказал, как дружно работает съезд, и посоветовал не сбавлять темпов — съезд вырабатывает широкие, напряженные планы работ на десятую пятилетку, и нельзя терять ни минуты времени на раскачку...

Вернувшись со съезда, делегаты выступали всюду

с докладами. В это время уже повсюду подным ходом развернулось соревнование за досрочное выполнение десятой пятилетки. Комсомольчанам предстоит сделать еще очень многое. Высокими темпами в городе будет развиваться машиностроение, химическая, нефтеперерабатывающая, пищевая промышленности. Поднимутся к небу корпуса новых заводов. Действующие предприятия расширятся и освоят новые, более сложные виды продукции.

Особо хочется сказать о том, как с годами меняются условия жизни в городе. Того, кто помнит те страшные условия, в каких приходилось жить и работать первостроителям, — холод, голод, цингу, — приятно поражают эти перемены.

В девятой пятилетке здесь были построены мясокомбинат, молочный комплекс в комсомольском совхозе «Восток», фруктохранилище на 1000 тонн. Были сооружены за эти пять лет 721 000 квадратных метров жилья, семь школ, детские дошкольные учреждения на 3920 мест, новые культурные учреждения, магазины. Товарооборот вырос почти на сорок процентов. На душу населения сейчас в городе продается товаров в среднем на 1096 рублей в год.

О том, как живет сегодня рабочий человек в Комсомольске-на-Амуре, рассказывал перед XXV съездом партии в газете «Дальневосточный Комсомольск» заместитель председателя комитета профсоюза завода «Амурсталь» Николай Лисица:

— Зайдите в семью любого металлурга, — сказал он. — Вы увидите полный достаток. И с каждым годом — изменения. Обновляется не только обстановка в квартире. Сами квартиры у многих новые. Ведь в этой пятилетке мы получили более 38 тысяч квадратных метров жилой площади. В прошлом году последние семьи металлургов были переселены из бараков в благоустроенные дома. Люди стали лучше одеваться. Все больше покупают дорогостоящих вещей. Только в этом году металлурги купили 80 автомобилей. Сейчас уже более 200 человек на заводе имеют машины, сотни людей обзавелись мотоциклами, около четырехсот — прогулочными катерами. За годы девятой пятилетки зарплата у нас выросла почти на сорок процентов. В 1970 году средняя зарплата по «Амурстали» составляла 193 рубля, а теперь — 270.

И ко всему этому бесплатное медицинское обслуживание, путевки на курорты за счет завода, обучение детей в школах и вузах Комсомольска, широкое бесплатное пользование спортивными учреждениями, походы в театры, экскурсии.

Вот что еще характерно для сегодняшнего Комсомольска: постоянная неудовлетворенность уже достигнутым и неперенное желание добиться еще лучшего. Это было свойственно и первостроителям, это свойственно и их преемникам.

«Идти вперед, добиться большего» — так называлась передовая статья, опубликованная в «Дальневосточном Комсомольске» 20 января 1976 года. В этих словах — вся философия жизни комсомольчан. Успехи не кружат им головы. Обсуждая итоги девятой пятилетки, которые сами по себе весьма радостны, они особое внимание обращали на те негативные стороны, которые мешали добиться еще более разительных успехов...

Нам остается в заключение сказать несколько слов о том, как сложились судьбы первостроителей, о которых рассказано в этой книге. За плечами у них осталась долгая, многотрудная жизнь, в ней было много и радостного, и грустного, но итог у каждого получился вполне достойный. Где они, как сложилась их судьба?

Иосиф Каттель, первый начальник строительства, теперь уже на пенсии, ему 84-й год. После работы в Комсомольске-на-Амуре партия посылала его на другие, еще большие стройки — в Кузнецк, в Челябинск. Закончил он свою трудовую деятельность на руководящей работе в одном из министерств.

Кузьма Кузнецов, начальник стройки, в дальнейшем еще больше прославился, когда ему поручили строительство крупнейшего авиационного завода в Куйбышеве, после чего он стал директором этого завода. С этого поста он не уходил до последних дней своей жизни.

Бывший главный инженер строительства Н. М. Спивак теперь доктор технических наук, заслуженный строитель РСФСР.

Бывший заместитель редактора «Амурского ударника», затем культпром комсомольского комитета и, наконец, его секретарь Моисей Эрлих был отозван на партийную работу в крайком ВКП(б). Потом отправился на

учебу, окончил Московский институт и четверть века проработал на железнодорожном транспорте. Последняя его работа — начальник отдела контейнерных перевозок в Министерстве путей сообщения. Теперь он на пенсии, ведет общественную работу.

Исаак Минкин — секретарь горкома комсомола. На склоне лет вернулся в свой родной Ростов. Как мы уже упоминали, он работал там начальником крупнейшей на юге железнодорожной станции Ростов-Товарная. Ушел на пенсию, но без работы ему было невмоготу. Вернулся на станцию уже заместителем ее нового начальника.

Алексей Маресьев (тот самый знаменитый Маресьев, бывший лесоруб и моторист, воспитанник комсомольского аэроклуба!), Петр Шемендюк и Алексей Павловский стали на войне Героями Советского Союза. Теперь Маресьев, как известно, — ответственный секретарь Советского комитета ветеранов войны, Шемендюк живет и работает в Калининграде, он заместитель начальника Калининградэлектро, именем Павловского названа одна из улиц Комсомольска.

Бывший первостроитель Павел Сафонов, проработавший в Комсомольске семь лет, был послан в дальнейшем на дипломатическую работу. Долгие годы был генеральным консулом в Монреале (Канада), работал в Австралии. Сейчас он уже на пенсии, но ведет большую общественную работу; Сафонов — заместитель председателя Общества СССР — Канада.

Бывший комсомольский пропагандист И. Шариков, тот самый, что организовывал когда-то дискуссию о комсомольской семье, — ныне доцент Московского авиационного института, кандидат философских наук.

Бывший плотник Алексей Смородов, закладывавший вместе с маршалом Блюхером первый камень на стройке Комсомольска, был выдвинут на руководящую советскую работу — его избрали председателем Тамбовского райисполкома. Долгие годы работал в Благовещенске. Сейчас там же, на пенсии.

Соратник Алексея Смородова, Андрей Гоменюк — тоже на пенсии, он живет в Комсомольске.

На пенсии и Лена Нищенко — она вернулась в родное Криворожье. Шлет нам оттуда письма, часто пишет о своих встречах с пионерами и школьниками. Очень любит рассказывать им, как строился город юности.

Сергей Шефтелевич — один из самых первых зачин-

щиков стройки, прибывших в село Пермское на пароходе «Колумб», ушел со стройки воевать, войну кончил майором, потом остался в кадрах Вооруженных Сил, дослужился до звания полковника. Сейчас живет в Москве, преподает в Московском автомеханическом техникуме, ведет большую общественную работу.

Михаил Ильин по-прежнему живет в Комсомольске. Здоровье стало портиться, продолжать работу на заводе он уже не мог и в начале 70-х годов ушел на пенсию. Сейчас работает над книгой своих военных мемуаров.

Хазбулат, он же Костя Зангиев, тоже был вынужден по состоянию здоровья уйти на пенсию. Он по-прежнему живет в Ташкенте, ведет там большую общественную работу.

Яков Варенцов, тот самый, что принимал в 1932 году комсомольцев в Воронежском и помогал зимой 1933 года бригаде Шефтелевича в тайге за день построить избу, проработал в Комсомольске четырнадцать лет. Позднее работал в Госплане СССР, заведовал отделом капиталовложений. Сейчас на пенсии, встречается с молодежью и ведет общественную работу.

Николай Лобачев, который в 1933 году начинал работу в Комсомольске инженером-экономистом, вложил много сил и труда в организацию работ на строительстве города. Сейчас работает заместителем заведующего отделом ЦК партии, активно участвует в работе Московской секции совета первостроителей Комсомольска-на-Амуре.

Сергей Федоров — он в те далекие годы работал помощником начальника политотдела военно-строительной бригады по комсомольской работе, был членом бюро горкома комсомола — закончил службу в армии в звании генерал-лейтенанта, сейчас на пенсии.

Этот перечень можно было бы продолжить, Комсомольск стал великолепной школой партийных и государственных кадров.

В Комсомольске действует совет первостроителей, играющий важную роль в жизни города. Такой же совет — в Москве, его образовали старые комсомольчане, живущие в столице. Председателем Московского совета первостроителей Комсомольска является Маресьев, его заместителем — Шефтелевич. Совет этот также ведет большую работу, действуя под руководством ЦК комсомола. Его участники выезжают на крупнейшие стройки,

рассказывают комсомольцам 70-х годов об опыте комсомольской организации, в которой они работали в пору своей юности.

В дни XXV съезда партии у Маресьева, в комитете ветеранов войны, произошла волнующая встреча: к членам Московского совета первостроителей пришли делегаты Комсомольска-на-Амуре — секретарь горкома партии Буряк, директор завода имени Ленинского комсомола, Герой Социалистического Труда Деев, бригадир бригады слесарей, Герой Социалистического Труда Трофимов.

Седовласые первостроители рассказали о том, что они делали для сохранения традиций стройки, ставшей уже легендарной. Делегаты Комсомольска информировали их о том, как живет город сегодня. Обсудили вопрос о подготовке к 50-летию города — оно уже не за горами. Директор завода имени Ленинского комсомола пригласил первостроителей на празднование сороковой годовщины со дня пуска завода — ее отметили в июле 1976 года.

Теперь есть что посмотреть на заводе — на его стапелях стоят сейчас остовы мощных торговых судов, которые сооружаются для плавания в суровых условиях Северного Ледовитого океана, по Северному морскому пути.

Да и сам город растет, хорошеет, становится все краше. Звонят трамваи, мчатся автобусы, такси. Все выше поднимаются корпуса новых домов. Строится новый речной порт — ведь через Комсомольск только по Амуру проезжают сейчас около 900 000 пассажиров в год и проходит огромное количество грузов, в том числе для стройки БАМа.

К своему пятидесятилетию этот орденоносный город идет в расцвете сил, и тем, кто на заре своей юности рубил первые просеки в непроходимой тайге, которая шумела здесь, на берегу Амура в начале тридцатых годов, приятно и радостно знать, что сыны и внуки их успешно продолжают начатое ими дело.

*Комсомольск-на-Амуре — Москва,
1937—1965—1976 годы*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Молодому строителю БАМа</i>	5
Первое знакомство	11
Город в лесу	15
Как это начиналось	26
Эшелоны шли на восток	40
«Колумб» открывает новый мир	47
Испытание	53
Лесная газета	66
Комитет комсомола работал так...	84
В Дземгах	90
Первые девушки	100
Трудная зима	113
«Поход за бревном обороны»	124
И снова документы	137
Снежный марш	152
Возмужание	161
Тридцать лет спустя	187
Эпилог	205

Юрий Александрович
Жуков

Розалия Наумовна
Измайлова

НАЧАЛО ГОРОДА

Редактор *Л. С. Овечкина*

Художник *А. В. Колесов*

Художественный редактор

А. Н. Посохов

Технические редакторы

Н. А. Лызова, Л. А. Польщикова

Корректор *О. Е. Третьякова*

Сдано в набор 24/III 1977 г. Подписано к печати 4/VIII 1977 г. ВЛ 04584. Бумага типографская № 3. Формат 84X108/32. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 12,57. Тираж 30 000 экз. Заказ № 4074. Цена 1 р. 10 к. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Жуков Ю., Измайлова Р.

Ж 85 Начало города. Хабаровск, Кн. изд., 1976.

224 с.

В книге рассказывается о том, как в тридцатые годы на месте глухой деревушки советские люди строили современный промышленный город Комсомольск-на-Амуре.

Ж $\frac{70302-30}{M160(03)-77}$

P2

1 p. 10 K.